

**Вячеслав
Климов**

**Незримые
потоки
боли**

Ставрополь
2020

УДК 82-3
ББК 84 (2Рос=Рус)
К 49

Климов, Вячеслав

Незримые потоки боли

Автобиографическая повесть, рассказы / Вячеслав Климов.

– Ставрополь, 2020. – 232 с.: 11 ил.

ISBN 978-5-93078-958-4

Вячеслав Климов – участник боевых действий в республике Афганистан, инвалид войны 1 группы по зрению. Это вторая книга талантливого писателя, лауреата Губернаторской премии Ставропольского края за 2018 год, рассказавшего в своей автобиографической повести честно и беспристрастно, а вместе с тем философски и даже оптимистично не только о своей нелегкой боевой судьбе, о тяжелом ранении, о трудностях, ожидавших солдата на гражданке, но и обобщить свои наблюдения и переживания, дать импульс тому высокому, что рождается в душе каждого гражданина, отдавшего силы и здоровье своему Отечеству. В книге также представлены воспоминания о друге автора, поэте Викторе Казакове, также участнике войны в Афганистане и два автобиографических рассказа.

16+

ISBN 978-5-93078-958-4

© Вячеслав Климов, текст, 2020
© Василий Вознюк, иллюстрации, 2020

Сон веселого солдата

Автобиографическая повесть

Сон во сне

Мне приснилось – я ослеп.
Но проснулся – вот он свет.
Лейся, свет.
Мгновенье, длись
Всю мою цветную жизнь.
Не нарадоваться мне...
Но проснулся я во сне.
И растаял сон во тьме,
Как в руке зажатый снег, –
Я шагаю на войне
По осколочной стерне.
Мне глаза не завязать...
Тьма в распахнутых глазах.*

Глава 1

Над жаркими камнями сухого русла, как душа умершей реки, летел ветер. Такой же жаркий, как камни, но живой и как будто даже свежий в своем беспокойном движении, летел ветер и на своей тугой спине покачивал, как лодку, орла. Орла, словно вырезанного из тяжелой темной бумаги на вечно синем небе, очень похожего на царский герб. Сильный, вольный, спокойный, царственный. И прохладный. Смелая птица, словно бросая небесный вызов людской вседозволенности на войне, постепенно опускалась все ниже и ниже. Скалистые горы застыли в таинственном молчании. Слегка покачиваясь в потоках ветра, сокращая расстояние, нарастая справа, орел все приближался и приближался.

Рука осторожно прикоснулась к автомату. Привычным движением большого пальца перевёл предохранитель в одиночный режим.

Смелый хищник словно играл на нервах.

---

* Здесь и далее стихи Виктора Казакова (1955 – 2017), участника войны в Афганистане, друга Вячеслава Климова.

Взяв птицу в прицел, лежа на камнях, я застыл в ожидании.

Вот уже видны блеск чёрных глаз, изогнутый клюв и трепещущие бахромой на ветру кончики перьев. Мы были настолько близко, что не только видели, но и чувствовали друг друга. Выстрел, оживив эхом зубчатые горы, постепенно затих.

«Так не бывает! Промаяхнуться с нескольких метров!..». Орел всё так же парил в воздухе, лишь слегка взяв вправо и в сторону.

Одиночный выстрел вновь разорвал тишину.

Здесь я увидел то, в чём засомневался после первого поединка. Застывшая птица в момент выстрела сделала едва уловимое резкое движение вправо и вниз.

Охотничий инстинкт сменился негодованием, мелкой дрожью и мистическим страхом.

Орёл, как заколдованный, и царственно свободный, покачиваясь в жарких потоках встречного ветра, постепенно набирая высоту, продолжал плыть над прокалённым умершим руслом. Я зачарованно смотрел ему вслед до тех пор, пока он не пропал из виду. «Со мной что-то происходит или произойдет? Что это было – предупреждение или упрек?».

Колонна, состоящая из трёх военных КамАЗов, тентованных прорезиненным синим брезентом, стремительно двигалась в сторону Ташкента по ночному пустынному шоссе. Время, когда ночь закончилась, а утро ещё не наступило, было выбрано не случайно. Гриф секретности с Афганской войны не был снят, поэтому выполнялись все меры безопасности. Грузовики были максимально заполнены солдатами. Я находился в замыкающей машине, сидя на лавке у заднего борта. Темнота глушила незнакомую местность, убегающие фары встречных машин лишь изредка, на некоторое время, освещали молодые уставшие тревожные лица, и сердце вновь сжало чувство неизвестности. Ехали молча, вслушиваясь в то нарастающий, то затихающий гул колёс. Мне и сейчас, тридцать лет спустя, из общего хора двигающихся автомобильных шин без труда удаётся определить шум вездеходных протекторов.

До рассвета оставалось час-полтора, не зря это время суток называют часом волка и собаки. Детская загадка «Кто самый сильный на свете?» отгадывается в самый цвет – это сон. Которому я однажды проиграл.

Случилось это зимой, в сержантской учебке Ростовской области. Ёжась под пронизывающим ветром, погон в погон, сапог в сапог, первый взвод первой роты, скрипя свежим снегом, шёл принимать караульную эстафету. Мне выпало охранять артсклад. Небольшой одноэтажный домик был окружён по периметру проволочным забором высотой в два человеческих роста и прекрасно освещён. Стражнику надлежало двигаться вокруг склада, не выходя за ограждение.

Удивительная вещь – солдатская шинель, о ней пишут стихи, сочиняют песни. Она – символ стойкости и мужества русского солдата, и с этим трудно не согласиться. Но тепла от неё, да в наши суровые зимы, как от рыбьего меха. В шапке-ушанке, с автоматом за плечом, в валенках и в тулупе, надетом поверх шинели, я шёл вокруг своего объекта медленным шагом. Ветер, сметая снег с крыши, творил сугробы, упорно пытаюсь спрятать под ними мои одинокие следы. Мороз щипал за нос и щёки. Высокий мягкий воротник из овчины создавал иллюзию уюта и защищённости. Казалось, вся земля, укутавшись пуховым одеялом, спит беззаботным сладким сном.

Лёгкий удар в грудь прервал приятное забытьё. Я стоял, оцарапав лицо о холодный металл, упершись в паутину колючей проволоки. Молнией скользнула мысль: «Уснул на посту...». И всё тело обдало жаром. Оглянувшись, понял, что несколько метров спал на ходу. Секундный сон показался вечностью, а произошло мне, что иду по затаившимся в смертельной опасности, аккуратно уложенным ровными рядами снарядам. Как позже выяснилось, домик был лишь дверью, боеприпасы, как и во сне, хранились под землёй. Быстро оглядевшись вокруг, понял, что в Багдаде всё спокойно. Лишь маленькие снежинки по-прежнему кружили в своём лёгком танце, укрывая пеленой весь уснувший мир.

Расстояние в сорок километров преодолели быстро и без происшествий. Когда машины въехали на территорию военного аэродрома, высокие зелёные ворота стали автоматически закрываться. Они двигались медленно, слегка погрязивая железом. Достигнув своей конечной точки, остановились, и сразу появилось ощущение захлопнутой мышеловки. Нарушая ночную тишину ударами солдатских сапог об асфальт, военнослужащие посыпались горохом через борта на землю. Закатанная в бетон территория отстойника была чисто убрана и безлюдна. Ровно в восемь утра открылась таможня. Уставшие от ожидания, ребята толпой хлынули в дверь. Интересно устроен наш народ, сначала создаёт толкучку, а затем, активно работая локтями, старается непременно стать в очередь первым, и даже туда, сам не зная куда.

Начинался тёплый майский день, и незачем было торопиться в душное помещение. Светло-голубое небо радовало своей свободной чистотой. Словно чья-то заботливая рука навела идеальный порядок, не оставив в поднебесье даже облачных крошек. Чтобы у меня было так же чисто, я вынул из вещмешка обувную щётку и стал наводить блеск на сапогах. Хорошо, что солдатская парадная форма – защитного цвета. За время нашего пребывания в полевых условиях, без электричества, она вопреки всему всё же имела парадный вид.

Полигон военного училища или, как его ещё называли, летний лагерь, находился вблизи города Чирчик, среди безлюдных сопок. Палатки стояли на пустынной выжженной земле словно шахматные клетки, ровными рядами. Две бетонные плиты служили «лобным местом». Здесь же одиноко возвышался пустующий флагшток. На плацу оглашали приказы, проводили осмотры, утренние и вечерние поверки. В армии, как известно, праздничные дни принято отмечать смотрами строя и песни, а также политзанятиями и спортивными состязаниями.

1 мая, в День солидарности трудящихся, выстроившись в коробочки по тридцать человек, мы после завтрака колонной тронулись в близлежащую воинскую часть. В клубе офицер скучным голосом повествовал с трибуны о том, что мы отправляемся на защиту южных рубежей нашей Родины, а также освободить афганский народ от вооружённых бандформирований.

После часовой промывки мозгов полусонные слушатели выходили из зала и оседали в тени деревьев, от которых веяло желанной прохладой. Живут же люди! Повсюду зелёная травка, цветочки, листья акаций и каштанов тихо перешептывались между собой на ветру. По аллее шёл военнослужащий, его выгоревшая на солнце военно-полевая форма разительно отличалась от новеньких, ещё не стиранных наших гимнастёрки. Поравнявшись, спросил: «Из лагерей?».

Ответили ему кивками. На мгновенье задумавшись, он подошёл поближе. Сидящие, уплотняясь, сместились вдоль лавки, позволяя расположиться рядом. Поблагодарив, садиться отказался, устроившись на корточках спиной к деревьям, как и мы. Без интереса пробежался взглядом по хорошо знакомой ухоженной территории и как-то больше ради приличия поинтересовался, откуда призывались в армию. По всему было видно, что ему одиноко, грустно и хочется хоть с кем-то поговорить о наблевшем. Жара мешала разговору. Но мы были внимательными слушателями, в которых солдат и нуждался.

Из его недолгого рассказа мы узнали о том, что год назад они прибыли в лагерь. Через несколько дней многих переправили в Афганистан. Оставшихся распределили по Средней Азии, он попал в воинскую часть гражданской обороны, в которой мы сейчас и находились. Друзья ему пишут, что все живы, но есть и раненые. Монолог быстро иссяк. Некоторое время все сидели молча, каждый думал о своём и о себе. Солнце раскаляло землю, затихли и листья, и птицы, всё замерло в ожидании прохлады, даже желанный ветерок, растворившись среди деревьев, отправился на покой. Прозвучала команда: «Строиться!». Военнослужащие быстро вставали, поправляя ремни на ходу. Мы расстались, обменявшись рукопожатиями и пожелав друг другу удачи.

Я смотрел вслед навсегда уходящему солдату. Опустив плечи, он брёл неторопливым шагом, всем своим видом олицетворяя внутреннюю усталость и безвозвратно утерянную мечту. Пройдут годы, бытовые проблемы задвинут его сегодняшнюю боль в дальний угол. Но, услышав об Афганской войне, он с грустью вспомнит, что не по своей вине так и не смог подставить надёжное плечо боевым друзьям. Не все поняли его сейчас, в будущем так же и меня многие не смогут понять...

Плохо асфальтированная узкая дорога постепенно уводила организованную колонну в гору. В отсутствие деревьев и кустарника сверху было хорошо видно, как ползла прерывисто-прямая зелёная линия, медленно приближаясь к небольшому оросительному каналу, отделяющему промышленную часть города от полигона. Канал же служил психологической границей между гражданской жизнью и военной.

На узком мосту, рядом с открытым металлическим шлагбаумом, под деревянным грибок стоял постовой. Сразу за каналом, слева от КПП находился одноэтажный пищеблок. По всем признакам было видно, что помещение использовалось редко. Штукатурка осыпалась, выгоревшая на солнце краска облупилась, хотя заступившие на сутки дежурные всячески старались поддерживать порядок. Повидавшая виды старенькая двустворчатая дверь, ведущая в обеденный зал, из-за надоедливой жары практически всегда держалась открытой. Гонимая суховеем мелкая пыль, минуя воображаемые крыльцо с коридором, незваным гостем влетала в столовую и, не обращая внимания на недовольные лица собравшихся, медленно оседала, окрашивая всё в рыжий цвет. Особо жалкое зрелище являла собой пайка масла, положенная солдатам на завтрак и припудренная рыжей пылью. Десять сливочных шайб, лежащие на алюминиевой тарелке ровным треугольником, напоминали детские бильярдные шары на маленьком зелёном игровом столе, который когда-то был у меня в детстве. Увесисто-железные шары, падая во время азартной игры на пол, создавали много шума, но всегда оставались неизменно тяжелыми и зеркально-никелированными. А вот масло, к сожалению, такими качествами не обладало. Намётанный глаз красноармейца на вскидку вычислял явно присевшую законную тридцатиграммовую пайку. Каждое утро перед преданными сынами Родины возникала дилемма: удалить налёт вместе с частью лакомства или же, размазав по краюхе серого хлеба, съесть, запивая сладким чаем из железной кружки. Нетрудно догадаться, на какой вариант падал жребий.

Возмутительно малых размеров обеденный зал, с пятью длинными деревянными столами и лавками, вмещал небольшое количество голодных. Поэтому не особо шустрым приходилось подолгу ожидать своей очереди. Кормили скудно и невкусно. На фоне наших обезжиренных тел явно выделялись туго набитые формы поваров и прапорщика – начальника столовой. Глядя на их лица, глупо было бы спрашивать, куда девается солдатская пайка.

Здесь наверняка забыли, а возможно, не знали и никогда не думали о том, что советскому солдату надо быть крепким и здоровым. Так как его завсегда припирают извне и изнутри, а иногда так сильно, что слабому не устоять. После приёма пищи все шли по просёлочной пыльной дороге, дугой огибающей сопку, в палаточный городок. В три часа пополудни объявили построение на плацу, проводили проверку личного состава на случай дезертирства. Солдаты стояли с вещмешками, повзводно, ровными рядами. Солнце продолжало раскалять землю, жёлтые сопки плавилась и плыли в волнах жара. В Азии уже в мае стоит такое пекло, что даже южный человек старается спрятаться от неё в тень.

Парадом командовал майор, приехавший на новеньком военном грузовике «Урал». Помогали ему старший прапорщик и два дневальных. Майор сидел в кабине, широко открыв двери, и через громкоговоритель нервным голосом отдавал команды, так ни разу и не спустившись к нам на грешную землю. Через час, сражённый тепловым ударом, глухо ударившись о пыльную утрамбованную землю, упал военнослужащий. Его привели в чувство и помогли дойти до палатки, больше спрятаться от солнцепёка было негде. Когда в течение полу-

часа один за одним упали еще трое, лишь тогда разрешили разойтись. Но в палатке было не легче, внутри стоял густой запах прорезиненного брезента. Мы снимали влажную одежду и падали на матрасы, брошенные поверх деревянных нар. Капельки пота с тел, собираясь в ручейки, стекали на колючее солдатское одеяло.

Думается мне, что большинству присягнувших на верность Родине надолго врежутся в память строчки из дисциплинарного устава: «...Я клянусь... стойко переносить все тяготы и лишения воинской службы...» и «Я, гражданин Союза Советских Социалистических Республик, вступая в ряды Вооруженных Сил, принимаю присягу и торжественно клянусь быть честным, храбрым, дисциплинированным, бдительным воином ...». Дисциплинка, правда, прихрамывала, а иногда припадала сразу на оба копыта. Но, как сказал в одном известном советском фильме отсидевший на гауптвахте Максим: «...Эх, було б дило, товарищ старший лейтенант!».

Каждую ночь подъезжали два, иногда три тентованных грузовика и, освещая палатки автомобильными фарами, через громкоговоритель (это разносило голос по всей округе) называли номер воинской части, фамилию, и обязательно добавляли: «С вещами к машине!». На первый взгляд, лагерь, погрузившись в темноту, спал крепким сном. На самом же деле все лежали, напряжённо вслушиваясь, в ожидании своей фамилии.

Сборы заканчивались так же внезапно, как и начинались. Взорвавшись рёвом, мощные автомобильные двигатели уходили, постепенно растворяясь в ночной тишине. Случалось, что рупор раз за разом тщетно выкрикивал одну и ту же фамилию, заступившие на сутки дневальные нервно рыскали в поисках пропавшего. Но плутишка, петляя на полусогнутых по межпалаточным лабиринтам и поджав хвост, убегал в сторону сопок.

Спрятавшись, сидя на тёплой земле, обнимая свой рюкзак, в который раз за эти дни тихо шептал себе под нос: «Лучше быть здесь опозоренным, – всё равно дома никто не узнает, – чем на войне под душманскими пулями». И всё же нельзя вот так сразу, рубанув с плеча, заклеить человека, обвинив его в трусости и предательстве. Никто не знает себя и может никогда не узнать, куда не подвернётся экстремальный случай. С каждым днём на полигоне народу становилось всё меньше. В столовую ходили по-прежнему строем, но кучковались по признаку землячества.

В один из дней, после завтрака, выведав у дневального распорядок дня и стараясь не привлекать к себе внимания, мы с ребятами стали наблюдать за КПП. Как говорится, война войной, а обед по расписанию. Вскоре стражник, взглянув на часы, проверил амбарный замок на шлагбауме и быстрым шагом направился поесть «лошадиную радость». Кто-то сказал, что солдат за два года службы съедает столько злаковых, что стыдно лошади в глаза взглянуть. Как только постовой скрылся за углом, мы мелкими перебежками двинулись к мосту. А затем, придерживая фуражки, нырнули под ярко-красную трубу шлагбаума и аллюром,

словно три молодых жеребца, вырвавшихся на свободу, глухо стуча жесткими подошвами о высохшую землю, рванули галопом за угол бетонного ограждения молокозавода (молоко на губах-то у нас уже подсохло, но от сметанки с творожком, да с сахарочком, мы бы не отказались). Удачно преодолев границу, взяли курс на центр города. Держа осанку и чеканя шаг, к чему нас обязывала парадная форма, мы шли с улыбками, мурлыкая песню: «Комсомольцы-добровольцы...».

Чужое серо-голубое небо раскинулось над головой. Огромный солнечный диск только-только набирал высоту, от этого дорога и окружающие её кусты, деревья и панельные дома излучали благодатную ночную прохладу. Чем глубже мы внедрялись в самоволку, тем выше поднимался градус настроения. Здесь нам нравилось всё, к чему давно привыкло гражданское население. Свобода в передвижении, когда люди живут не по командам «Равняйся-мирно!», а по закону выбора, пусть не совсем и свободного, но всё же выбора. Разнообразие ярких одежд, национальные архитектурные постройки радовали глаз и были бальзамом для юных сердец. В центральной части города-возвышенности нашему взору открылась городская панорама. Внизу, утопая в размашисто-густых кронах деревьев, лениво разворачивалась изумрудная лента реки Чирчик, от которой и получил своё название расположившийся на её берегах город. За рекой, на аккуратно подстриженном полотне стадиона, небольшая группа молодых спортсменов в белых кимоно двигалась за тренером, старательно его копируя, наносила удары в воздух поочередно то правой, то левой ногой.

Многим бы я пожертвовал в этот момент, вспомнив свою подпольную секцию карате, чтобы, сменив форму на просторное кимоно, управлять послушным пружинистым телом, источая каждой клеточкой боевой дух. Удивительно, но всего лишь час назад то же небо, ветер и та же земля принесли совершенно другие ощущения. Поулыбавшись девчонкам, сидящим в кафе, бормоча под нос ругательства в адрес высокоумного начальства, решившего, что солдатам деньги не нужны, мы направились в сторону стойбища. И снова жара, жара, от которой плавился асфальт, а вместе с ним и мозги. Стопы в сапогах горели практически как в аду на сковороде.

Чтобы не попасться на глаза военному патрулю и миновать КПП, мы, посоветовавшись на ходу, решили двигаться новым маршрутом, дабы выйти к пограничному каналу, но уже выше по течению. Петляя по малолюдным незнакомым улочкам, сняв кители и фуражки, прячась в любую возникающую на пути тень, мы шли быстрым шагом. Неожиданно на перекрёстке рядом с тротуаром, в тени раскидистых деревьев, перед нашим взором возникла Она. Та, о которой мечтал каждый вслух и в тайне от всех. Наверное, местный бог, сжалившись над залётными путниками, и послал Её. Она стояла такая одинокая и желанная, пухленькая и светленькая, как у нас в России – бочка с квасом. Расплатившись командировочными медяками, тут же сообразили на троих. Желание у нас было схожее, но эмоции мы испытывали разные. Я, наслаждаясь прохладой напитка и тенью деревьев, наблюдал за происходящим. По правую руку от меня стоял Андрюха. Он, сделав глоток из пол-литрового бокала, подкатывая глаза и кря-

кая от удовольствия, говорил, что в своём племхозе никогда не встречал такой вкусняшки с забавным названием «Морс». Слева расположился Юрец, совсем недавно выменявший у проводницы в поезде банку перловой каши из сухпая, выданного ещё в учебке, на стопарь водки. Сжимая в руке стеклянную ручку посуды, Юрец смотрел не по годам пронизательным взглядом то на нежно-малиновый напиток, то – изучающе – на сияющего однополчанина.

А ведь оба моих товарища были по своему правы. Один видел во всём временное, преходящее, другой умел радоваться даже мелочам.

Переведя дух, мы двинулись в путь, компасной стрелкой нам служила дорога, обязательно идущая в гору. Нехитрый расчёт оказался верным, через некоторое время жилые дома стали сменяться хозяйственными постройками, и перед нами возник рукотворный канал. Мы ликовали. Не отрывая заворожённо-го взгляда от прозрачной, отражающей голубое небо проточной воды, быстро снимали одежду и, разбрасывая сверкающие на солнце стекляшки, попрыгали в долгожданную прохладу. После изнуряющего пекла вода несла в себе какую-то восхитительно-живительную силу. Арык был метра три шириной и по грудь глубиной, но для счастья этого оказалось достаточно. Забыв обо всём на свете, резвились, как пацанва. Брызгались, толкались и, подымая клубы муляки со дна арыка, боролись в воде. Проточная вода, обновляясь, уносила результаты забавы вниз по течению. Затем устроили соревнования: кто, прыгая в воду «бомбочкой», подымет больше шума, волн и брызг. Соскальзывая с мокрого глинистого берега, поочерёдно взбирались туда на четвереньках и, разогнавшись, прыгали, обхватив руками согнутые ноги.

Нарезвившись и смыв чужеземную пыль, перенесли одежду на свой берег. Приободрённые, шустро одеваясь, решили самоходы заменить водными процедурами. С этого дня жить стало легче. Выбрав момент, незаметно уходили купаться. Лёжа на солнышке, вместо того, чтобы исполнять лучшую армейскую заповедь: «Солдат спит – служба идёт», я, как заворожённый, всматривался в горы. В голубоватой дымке перевал Гиндукуш стоял ровной стеной, вселяющей в сердце необъяснимый трепет и уважение. Где-то за этими, устремившимися в небо пиками вершин, находился таинственный Афганистан.

Все, кто возвращался с войны, давал подписку о неразглашении военной тайны. Но невозможно задавить людскую молву и родительскую скорбь тех, кто получил своих детей запаянными в цинк. Думать об этом не хотелось. Перевернувшись на живот и почувствовав, как снова засосало под ложечкой, отправил мысленное послание работникам кухни: «Чтоб вы жили на одну зарплату!». Не имея возможности что-либо изменить, попытался заставить себя думать о хорошем. Но у голодной башки лишь еда на уме. Перед закрытыми глазами стал вырисовываться утопающий в зелени крошечный посёлок Пионерный, приютившейся на берегу Новотроицкого водохранилища. Сюда наша семья переехала, когда мне исполнилось 12 лет. С крыльца нашего дома был хорошо виден соседский сад. Солнечно-жёлтые шарики моей любимой майской черешни, poblёскивая наливными боками, клонили ветви к земле. Как правило, чужое всегда кажется

вкусней, и мы устраивали налёты на сады и огороды, но старались вести себя прилично, деревьев не ломали, грядки не топтали. Бывало, спозаранку уйдём с друзьями купаться, а ближе к полудню, проголодавшись и не желая прерывать общение, отправлялись на садовые участки.

Благодатен Ставропольский край: клубника, виноград, груши, персики, арбузы – всего не перечислить. Разве может сравниться сегодняшний пластмассовый помидор со своим ароматным сельским собратом, только что сорванным с грядки, они даже не родственники.

Впрок с собой ничего не брали. Наевшись, уходили задами огородов, не забыв прихватить самых красивых цветов, чтобы вечером преподнести девчонкам: мелочь, а приятно.

К реальности меня вернул доносившийся из-за сопок рев майорова матюгальника, изменив приятные ощущения на прямо противоположные и подействовав на нас взмывшей в небо красной ракетой. Разомлевшие от воспоминаний и прохлады, одеваясь на ходу, мы торопились не спеша, давно решив для себя, что дальше Афгана не пошлют, больше смерти не присудят.

Ни на мгновенье не забывая о том, что у местной фауны – майский брачный период и от контакта с ней радости в жизни не прибавится, три «человекомашины», словно только что выпущенные с конвейера, энергично вращая землю ногами, двигались среди прокаленных, выжженных, песчаных волн.

Военнослужащие – это мускулы государства, и их надо всегда держать в здорвом тонуе и боевом порядке. По крайней мере, на сегодняшний день армия необходима стране, тем более, у которой есть что отнять, будь то народные достижения или природные ресурсы.

Древняя мудрость гласит: «Держи спички и порох всегда сухими». Наши предки боготворили огонь, позволяющий избежать ночной темноты, дающий тепло и возможность приготовить вкусную пищу. Спички – это повседневная необходимость. Однако маленькой зажжённой спичкой можно принести опустошение и беду.

Для солдата главное – не превратиться в легковоспламеняющегося бездумного «болванчика». Диванные мудрецы выдвигают версии, что патриотизм – это вовсе не проявление любви к своей Родине, а удачно придуманный инструмент для управления людьми. Однако здравомыслящий, разумный человек не превратится в управляемую кукловодом фанатичную куклу.

К палаткам подошли с тыла. Выскочив на плац, как три чёртика из табакерки, но, в отличие от последних, – чисто вымытые, ну и – слегка загоревшие, сразу поняли, что попали не вовремя. Майор, отवेशивая оплеухи, чинил самосуд над дезертиром. Увидев нас, словно разъярённый бык, протрубил: «Почему опоздали в строй?!».

Мы, включив тумблер дурака, перебивая друг друга, стали объяснять, что выходили до ветру, но в лагере, как известно, нужник отсутствует. Поэтому ходили в сопки, а что втроём, так ведь сердцу не прикажешь.

«Быстро всем в строй!».

Я остался стоять на месте. Офицер с хмурым видом вопросительно взглянул. Глядя вслед уходившему «дизельку», я тихо сказал: «Толку от него там, – указав подбородком на Гиндукуш. – Сам погибнет и бойцов за собой потянет».

Невысокий, но крепкий майор, судя по короткой фамилии и форме лица – кореец, как-то сразу весь выдохся. Все знали, что через месяц он будет в Кабуле, и командовать, но уже в боевых условиях, ему придётся такими вот мальчиками, а если точнее, то нами.

«Почему меня не призывают?», – перекатывая носком сапога камешек, продолжал я.

«Фамилия?», – наконец спросил майор.

«Климов».

Он смотрел мне в глаза пронзительно-изучающим взглядом. Мы стояли, практически одного роста и похожего телосложения, упершись глазами друг в друга. Зрительная дуэль продолжалась недолго. Азиатский горячий порыв ветра по-хозяйски накрыл и без того запылённый, затерявшийся среди выжженных сопок, палаточный островок. Стоящее на земляном плацу немногочисленное войско, повинувшись беззвучной команде, пряча лица от пылевой волны, повернуло головы в сторону. На узкой просёлочной дороге, словно призрак пустыни, появился небольшой песчаный смерч. Пробежав по вытоптанной людьми извилистой дорожной ленте, приподнявшись над землёй, свернул и исчез в своих бескрайних владениях.

Майор подумал и решительно произнес: «После праздника, сержант, вернёмся к этому разговору».

Девятого мая, следуя лучшим традициям армейской жизни, День великой Победы мы отметили марш-броском. Всё задумано так, чтобы выбить из солдатской башни скуку и тоску по Родине. Командовал нами старший прапорщик: среднего роста, худощавый, с проседью на висках. На старт выходили неохотно. По всей стране нарядные толпы идут парадным маршем с флажками, шариками, цветами, а мы с голым торсом должны почему-то куда-то бежать. Но во всём хорошем можно найти плохое: музыка стихнет, цветы завянут, а шарики лопнут. Также в отрицательном отыщется капелька положительного: бежать предстояло налегке, и, главное, теперь мы знаем, где можно найти много воды. Все терпеливо ждали, пока дневальные, проверяя одну палатку за другой, отыскав хитреца, стаскивали его за ноги с нар и выталкивали из палатки в строй.

Три «зелёных» свистка дали начало праздничному забегу. Старшой сначала пытался подтянуть отстающих, но вскоре, бросив эту затею, стал направляющим, за это мы его сразу зауважали. Лучшего наглядного пособия, чем «Делай как я», – люди ещё не придумали.

Солнце сжалилось над нами и затянулось дымкой. Бежали по петляющей меж сопок, просёлочной, едва заметной дороге. Учтывая, что в учебке я сдал экзамен по физо за себя и ещё за двух «ботаников» на «отлично» и разбирался, что к чему, командир держался молодцом. Дыхание и шаг его были ровными, и это несмотря на то, что на гимнастёрке слева светилась жёлтая полоска, сигнализирующая о полученном – наверняка в Афгане – тяжёлом ранении. Я бежал и, напрягая память, пытался вспомнить, где же встречал этот уставший мудрый взгляд. Старшина, в отличие от нервных бегающих глаз и таких же телодвижений майора, смотрел словно сквозь нас, поверх всего происходящего. Есть у меня такой пункт – рыться в кладовке своей памяти, пока не найду необходимого. И вспомнил!

В сержантской учебке, у лейтенанта-афганца, замполита роты, был такой же задумчивый взгляд. Прямой его противоположностью оказался ротный старшина. Щёголь с пляшущей походкой, закрученными вверх усиками. Не смотрел, а зыркал бегающими стеклянными глазками.

В один из дней он как-то пропал. Пошёл слушок, что, узнав о своей отправке в ДРА, старшина запил. За что ночью из тёплой квартиры, под белы ручки, в сопровождении конвойных был доставлен на гауптвахту. Но это не помогло. По вечерам старшина вваливался в казарму в расстёгнутой шинели, с одутловато-помятым лицом, и кончики усов, когда-то закрученных вверх, теперь, как и глаза, смотрели вниз. Не раздеваясь, в сапогах заваливался на аккуратно заправленную кровать и спал. Очнувшись, кричал нецензурно в никуда и, словно мячи, пинал сапогом солдатские табуретки – стоявшие у каждой кровати и выровненные по ниточке. А ведь совсем недавно за подобную выходку сам был готов любого из нас повесить на перекладине. Потом оказалось, что насчет своего назначения старшина был в курсе ещё в России.

Позже, несколько лет спустя, я узнал о его судьбе. Вернулся он домой живой и здоровый, служил начальником хлебопекарни в Баграме, где всегда свежая выпечка и самогонка. Но всё же без потерь не обошлось, ушла от вояки оставшаяся дома жена.

После праздника вновь состоялась встреча с начальником лагеря. Выяснилось, что утеряна моя медицинская карта. Мы оба понимали, что это просто чья-то халатность. Перед отправкой в жаркие южные страны все призывники в обязательном порядке проходили специальный медицинский осмотр и прививались от инфекционных заболеваний.

Майор обещал помочь и слово своё сдержал. В ночь на двенадцатое мая колонна, состоящая из трёх военных тентованных грузовиков, максимально за-

полненных солдатами, по ночному пустынному шоссе, на большой скорости, стремительно двигалась в сторону Ташкентского аэродрома.

Таможня работала по нехитрой впускательно-вышибательной системе, позволяющей поддерживать строгий армейский порядок. Солдаты стояли друг за другом, выстроившись в длинную очередь, змейкой хаотично петляющей по всему помещению. Трое служащих таможни, с недовольными заспанными лицами, каждому подошедшему строго задавали один и тот же вопрос: «Наркотики-деньги-водка?». Стоя у стены в стороне, я смотрел на всё это и думал, что именно здесь проходит та линия, за которой что-то безвозвратно утратится.

Подойдя для проверки последним, щёлкнув каблуками, улыбнувшись, сказал: «Наркотики, денег и водки нет». Они и не подозревали, что перед ними настоящий контрабандист, под левым погоном у которого был спрятан бесценный советский бумажный рубль. А я не знал о том, что за речкой эта валюта не копируется. Лучше б кому-нибудь подарил. Таможенники, переглянувшись, сразу оживились. Один взял на досмотр вещмешок, расстегнул и высыпал его содержимое на стол. Быстро, но внимательно стал осматривать полевую форму, пилотку, туалетные принадлежности, обувную и одеждуную щётки, задержавшись дольше всего на свёрнутой в рулон шинели. Другой металлоискателем медленно исследовал всё тело. Третий попросил вынуть содержимое карманов, в которых, как и в вещмешке, было всё по уставу: военный и комсомольский билеты, липовая медицинская книжка, авторучка, носовой платок и расчёска. Больше всего ему понравился личный блокнот, наверняка пытался отыскать пароли, шпионские клички и зашифрованные адреса тайных явок. А что нашёл?! На первой странице – гимн Советского Союза, затем – список дружественных стран Варшавского договора и стран вражеского блока НАТО. Солдатские афоризмы типа – «Лучше два года кричать «Ура!», чем три года – «Полундра!». Ну и, конечно же, текст строевой песни, которую, будучи взводным запевалой, в учебке орал я днём и ночью. Она звучала всегда – когда шли на занятия и в столовую, даже по пути в городскую баню. Но больше всего бесило пение на вечерней прогулке. Мне и сейчас непонятно, для чего солдатам хоровое пение на сон грядущий.

Вечно недовольный сержант злорадным голосом кричал: «Выше ножку, чётче шаг. Раз-два, раз-два, спинку ровнее, задницу не отклячивать. Песню запевай!». Когда же весь взвод должен был подхватывать припев, каждый думал: «Пусть дураки поют», и в итоге был слышен лишь невнятный урчащий гул. Звучала команда: «Отставить, раз-два, запевай!». И все продолжалось до тех пор, покуда под чёткий шаг не полетит патриотическая песня по всей округе.

Отважный голос из строя спрашивал: «Товарищ сержант, а можно?..». Но, не дождавшись вопроса, командир важным, прямо-таки генеральским голосом, наслаждаясь собой, отвечал: «Можно Машку за ляжку, а в армии – разрешите». И всем сразу было понятно, что никаких «разрешите» не будет.

Ложился спать я с уже осипшим голосом, но так как отсутствием аппетита и сна никогда не страдал, то утром вновь запевал. И в такт строевой песне дол-

бил-крушил взвод каблуками асфальт, добиваясь единства в шаге и монолитности в строе. Я мог бы и здесь дать жару, высекая искры победитовыми подковами о мраморный пол, как гром среди ясного неба, на всю пустынную таможенную пропеть: «Красная гвоздика – наш цветок!». Но эти серьёзные ребята вновь шутки не оценят. Не поймут служивые, что в экстремальных условиях вовремя брошенная прибаутка служит прекрасной целительной пилюлей. Где анекдот траванёшь, где – комедию свалаяешь, смотришь, и жить стало легче.

«Ну и ладненько», – состряпав лицо, не обременённое интеллектом, переминаясь с ноги на ногу, стал терпеливо ждать. Таможенники посовещались между собой, и один из них сказал: «Проходи, шутник».

Торопливо собирая своё нехитрое имущество, пытался поднять себе настроение. Думал о том, что схрон с валютой сыщики так и не нашли. Выйдя на свет божий, сразу забыл о произошедшем.

«Ого, широка страна моя родная! – упираясь в ярко-голубое небо, возникший перед моим взором аэродром уходил до самого горизонта. – Но куда же двигаться дальше? Это вам не гражданская авиация, когда на руках посадочный билет с местом, а пассажиров прямо к трапу подвозит автобус. Тут даже спросить не у кого...».

Справа, сверкая металлом, погрузившись в дремоту, стояло несколько штурмовиков. Слева возле сказочных размеров крылатой машины колдовали бортинженеры. Самолёт ждал своего полёта с открытой пастью. Если быть точным, то трап находился под хвостом.

Прикинув, что нескольким десяткам бойцов больше спрятаться негде, я прямоком направился к нему. Изнутри тяжеловоз выглядел так же внушительно, он с лёгкостью мог вобрать в себя бронемашину, а, возможно, и не одну. Однако комфортабельных мягких кресел с подголовниками здесь не было.

По центру, сложенные друг на друга, стояли выкрашенные в зелёный цвет большие деревянные ящики. (Вот он, парадокс, не постижимый для разума. Ящики для оружия и боеприпасов, а также оградительные заборы мы делаем из чистого дерева, а мебель для всенародного пользования – из отходов, клеенных опилок).

Люди расположились справа и слева, спиной к бортам самолёта. Все сидели на пластиковых овальной формы сиденьях. Такие, анатомической формы, поджопники раньше встречались мне на каруселях в парках культуры и отдыха.

Протискиваться в глубь салона не захотелось, как говорится: «Опоздавшим – кости». По левому борту, из трёх отдельно стоящих мест, одно, последнее, наверняка, как всегда, было моё. Сидевшая с краю молодая девушка в светло-зелёных брюках и в голубой блузке с коротким рукавом в этой обстановке выглядела, как брошь на потёртой шинели.

«Надо поинтересоваться у белокурой попутчицы, – подумал я, приближаясь, – который сейчас час ? Или лучше – где здесь находится библиотека? А затем спросить разрешения присесть рядом. – Осуществляя задуманное, одновременно боковым зрением сканировал сидящего слева от девушки прапорщика. – Скорее всего, он ей не муж».

Вновь на пути встретились две противоположности. Сияющие молодостью женские глаза и скользкий, не фокусирующийся взгляд слегка подвыпившего служивого с лицом цвета буряка, какие росли у нас на колхозном огороде. Вероятно, прапорщик летел в Афганистан либо в первый, либо в последний раз.

Задвинув каблуком сапога вещмешок под сиденье и уложив снятую фуражку на колени, сделав глубокий вдох и бесшумно выдохнув, слегка расслабился. «Хорошо сидим», – мысленно проговорил я себе.

Вскоре трап поднялся, турбины начали набирать обороты, и мы, легко оторвавшись от земли, плавно пошли ввысь. За стеклом пики горного хребта постепенно уступали место сизым облакам. Затем и они легли под крыло, вытянувшись до горизонта причудливо хаотичной плоскостью. Неопикуемой красоты бездонное небо, которое можно увидеть лишь взлетев за облака, заливало салон самолёта холодным голубоватым светом. Немногочисленные пассажиры постепенно стихли.

Девушка, повернувшись, спросила: «Вы впервые в Афганистан?».

«Да», – мягко улыбнувшись, ответил я.

«Поздравляю, можете считать себя воином-интернационалистом», – улыбнувшись в ответ, сказала она. «Афганистан. Интернационалист», – эти слова запустили во мне давно ожидавший этого момента механизм. Словно начался ледоход.

Ровно год назад, девятого мая, в День Победы, разместив на ступеньках училищного общежития аппаратуру вокально-инструментального ансамбля, в ожидании начала мы расположились неподалеку, на лавочках, в тени ветвистых акаций. Нам предстояло прогреметь патриотической песней на всю округу, да так, чтобы колхоз «Путь Ленина» не сбивался со своего светлого пути.

Чуть поодаль, торопливо-бодрым шагом, шёл мужчина. Весенний ветерок слегка потрёпывал на нём расстёгнутый тёмный пиджак, на котором, покачиваясь, висели три медали, четвёртую он сжимал в левой руке. Было видно, что ветеран опаздывал на праздничное мероприятие, чем был сильно раздражён. Увидев нас, остановился и резким тоном бросил: «Иди сюда!». Я оказался к нему ближе всех, поэтому слова были адресованы в большей степени ко мне. (Вот так всегда. Если конфликт или драка, то по неизвестной причине выберут именно меня. Это подметили даже друзья. Бывало, вечером прогуливаешься с толпой ребят и случайно встретишь пьяного задиристого мужика, так он, как бык на красную

тряпку, сразу буром ко мне. Порой даже слова не успеваешь сказать, приходится тем же кулачным способом отстаивать свою невиновность). Конфликта с ветераном можно было избежать, но, с одной стороны, горделивая молодость, а с другой – устойчивое мнение, что современная молодёжь и коровьей лепёшки не стоит.

«Что вы хотите?», – не вставая с лавочки, спросил я, так и не дождавшись ни «здравствуй», ни «пожалуйста».

«Я сказал, иди сюда».

А я продолжал сидеть.

Молниеотвод был найден, и мужчина выплеснул уже слышанное нами не раз: «Ты, сопля, да мы на фронте за вас кровь проливали!». И т. д., и т. п.

Сидевший рядом со мной клавишник Саня встал и пристегнул на указанное место медаль.

А я сидел, подавшись вперёд, словно сжатая пружина, упершись локтями в колени и сцепив пальцы в замок. Опустив голову, рассматривал бежевые туфли и не видел их. Меньше всего сейчас хотелось стоять у микрофона с гитарой. Тёплый майский ветерок, словно почуяв беду, игрался тонкой полоской чёрного галстука, пытаюсь отвлечь от крепнувшей мысли, и я дал себе слово узнать войну изнутри.

Вскоре пришла повестка в армию. В учебке написал рапорт – добровольцем в Афганистан.

Пройдёт время, в похоронный набор накапает не один десяток юбилейных медалек, но никогда с моих уст не прозвучат слова, унижающие молодость.

Герои были и будут всегда.

Пол под ногами накренился, самолёт, заваливаясь на левое крыло, с нарастающим турбинным гулом пошёл на снижение. Вдруг мелькнула тёмно-синим пятном фуражка, скользнув на пол по вытянутым ногам прапорщика, став на ребро и словно передразнивая своего хмельного хозяина, слегка покачиваясь, покатилась по узкому проходу в носовую часть корабля. Быстро догнав её, я взглянул на беззаботно спящего служивого с красным лицом. Коротко стриженная голова, бессистемно раскачиваясь, клонилась в сторону соседки. Девушка аккуратно, старательными движениями ладони отталкивала голову от себя, тщетно пытаюсь закрепить на положенном месте. Положив фуражку на ящики, я занял своё сиденье.

За бортом, раз за разом, звучали походившие на небольшие взрывы хлопки. Позже выяснилось, что это тепловые ракеты. Отвлекающий манёвр, на случай,

если «бородатые» или их зарубежные наёмные друзья выпустят ракету «земля-воздух». Взглянув на соседей, понял, что волноваться не стоит. Прапорщик, проснувшись, приводил себя в порядок. Девушка пыталась что-то отыскать в своей сумочке. В иллюминаторе показалась столица Афганистана – Кабул.

Пересыльный пункт сороковой армии, ограниченного контингента советских войск в Афганистане, работал слаженно. Встретили, плотно накормили, определили. Уже через два часа небольшой АН-12, поочерёдно выстреливая ракетами в разные стороны, кружась по спирали, постепенно набирал высоту. За линзой окошка, по кругу меняя друг друга,плыли картинки. Горы, воинские расположения, городские постройки. Снова горы и быстро удаляющиеся квадратики глиняных жилищ с прилипшими к ним кусками крестьянских земель. Набрав необходимую высоту, борт выровнялся. Ближе к хвостовой части, прямо на полу, горкой лежали яблоки. Особо смелые плоды, оторвавшись от стада, одиноко перекатываясь, то и дело прогуливались по салону.

Пребывая в неизвестности, летели молча. Я сидел напротив неплотно прилегающей к корпусу двери, в щели которой уныло насвистывал ветер. АН накренился. Угол падения и рёв турбин всё нарастали и нарастали. Заложённость в ушах стремительно переходила в распирающую острую боль.

Я старался её превозмочь, прижавшись затылком к обшивке борта и сжимая пальцами пластиковое сиденье. Казалось, этому не будет конца. Рядом сидящий юноша плакал. Удар, и самолёт, дрожа всем корпусом, замедляя ход, катит по металлическому покрытию взлётной полосы.

Дальнейшие события протекали, как в немом кино. Слепило ярким светом, беззвучно открылась дверь, мужчина в военно-полевой форме с чисто-белым подворотничком, глядя на меня, пошевелил губами и застыл в ожидании. Вынув из-под сиденья рюкзак и слегка покачиваясь, я первым двинулся на выход. Неуклюже приземлившись, отошёл в сторону. Лихачество лётчиков обошлось недельным восстановлением слуха.

Глава 2

...стая белая птиц
полетела на юг наугад,
чтобы снег наших лиц
растопил азиатский загар...

201-я дважды Краснознаменная Гатчинская дивизия расположилась в долине на второй ступени природного плато, которое с юга подпирали горы Гиндукуша, а с севера – Памира. Ниже, в четырёх километрах, на берегу одноимённой реки, находился город Кундуз.

Всё здесь было необычным. Низкое серо-голубое небо. Выжженная солнцем бежевая земля. Редкая зелень ютилась лишь там, где её могли поливать.

149-й гвардейский Краснознамённый ордена Красной Звезды мотострелковый полк встречал возвышающейся на постаменте боевой машины пехоты, с гвардейским знаком на башне. На аккуратно убранной территории компактно стояли палатки и модули, в которых жили военнослужащие.

«А вот за это, – подумал я, – в Союзе можно и наряд вне очереди заполнить». И, не веря своим глазам, стал выковыривать впрессованный в землю патрон.

«Ну, так и есть, калибр 545, на АК-74».

«Что нашёл?», – спросил стоявший под деревянным грибком у входа в палатку дневальный. Оттерев окись и землю, протянул на ладони находку.

«Выбрось», – улыбнувшись, сказал он и махнул рукой в сторону урны. «Твою дивизию!», – удивлённо бросил я, с интересом разглядывая мусоросборник. Вместо урны на металлической рогатине, сверкая на солнце латунными боками, висела артиллерийская гильза. Быстро сработало сарафанное радио. Вскоре меня отыскивали земляки со Ставрополя, водители – Васька с Серёгой. После расспросов: «Откуда, да как там?» – было решено показать мне местную достопримечательность. По пути нам встретились ещё два зёма – Лёха с ещё одним Серёгой. Привели они меня в солдатскую столовую, крытую гофрированным железом.

В душном обеденном зале с небольшими низкими окнами, на стене перед раздаточной, была нарисована картина. В правом углу, от пола до потолка метров шесть в высоту, стояла девушка. В русском национальном костюме, с длинной русской косой, в руках держала на кружевном рушнике каравай хлеба с солью.

«Узнаёшь?», – стоя у дверей, спросили они.

«Бабу, что ли?», – изумился я.

«Какую бабу! – взорвавшись дружным гоготом, заколыхались земляки. – На пейзаж смотри!».

Я всмотрелся и остолбенел от неожиданной встречи: «Да это ж, да это ж Новотроицкое водохранилище! Вид с набережной Солнечнодольска! Мы же с ребятами по этой воде под парусом да на вёслах всё избороздили! Вон, из-за каравая Лысая гора выглядывает. Я ж на ней каждый камушек знаю, каждое деревце! С ее вершины на рассвете даже Эльбрус виден!».

Они с гордым видом сообщили, что это наш зёма навайл.

Ночью, когда в казарме уже все спали, сон прервался от лёгкого подёргивания за ногу. «Будет драка», – мелькнула мысль.

Из темноты тихий мужской голос спросил: «Граешь на гитаре?».

«Играю».

«Пишлы зараз зо мною...».

Стараясь никого не разбудить, скользнув со второго яруса кровати, быстро натянул штаны и, беззвучно шагая босыми ногами по чисто вымытому деревянному полу, двинулся за удаляющейся фигурой. В Ленинской комнате, всё так же в темноте, за письменным столом сидели ещё двое ребят.

Устроившись на стуле, взял гитару и прошёлся по струнам. Подстроил и тихо запел. Когда песня закончилась, передо мной поставили солдатскую кружку, наполненную бражкой.

«Ну шо, хлопным за встричу и прыбытие у Афган...». В целях конспирации разливали под столом. Кружка пошла по кругу.

«А где вы брагульку ставите?», – вдыхая сладковатый запах, спросил я.

«Да цэ ж воинна тайна, – хмельно похихикивая, заговорили мои новые знакомые, – а нэ разбалакаеш?».

«Могила!», – вытянув вперёд правую ладонь, шутиливо поклялся. Солдатской соображаловке нет предела. Как оказалось, ребята для этого приспособили пожарный металлический огнетушитель. Рядом с казармой находился склад, на стене которого висел аварийный щит. Там и торчал целый день под солнцем десятилитровый тайник. Не раз мы ещё встречались на ночных планёрках, но на грудь больше не принимал.

Во все времена работала солдатская чуйка. Уходя на «боевые», знает воин, что не вернётся. Вот и я всегда к чему-то готовил себя. Вне боевых выходов, когда выпадало свободное время, занимался на перекладине и брусках. Со временем даже приобрёл две самодельные гантели. К гусеничному траку от БМП вместо ручки приварили большой болт, и гантелька готова. Было бы желание.

Взвод собирался на сутки заступить в караул. Брились, подшивались, гладили. Тёплым тихим вечером у штаба дежурный по полку, как и мы, с ярко-белым подворотничком, проведя визуальный осмотр, дал разрешение заступить в караул. Погрязкая автоматами и штык-ножами, поднимая пыль тяжёлыми ботинками, мы направились принимать вахту. Караульное помещение находилось напротив штаба дивизии. Имея небольшой опыт сна на посту и помня, что здесь вам не Россия, расклад здесь иной, я выбрал должность выводящего, в обязанности которого входило – ночью спать, а рано утром вывести из камеры караульного помещения сидящих на гауптвахте арестантов. И в течение всего дня сопровождать их на подсобно-чёрных работах.

Рано утром, когда ещё даже солнышко спало, из душного бетонного узилища выпустил ребят подышать свежим воздухом. Их было человек семь, все из сол-

датско-сержантского состава. Это были бунтари и залётчики, но такие же, как я, молодые простые ребята, отличаясь лишь тем, что они без ремней и кепок, а я с автоматом и штык-ножом. Мы вышли на дивизионный плац. На чёрном небе звёзды отсутствовали. Дул холодный, пронизывающий до костей ветер. Все спрятались за высоким металлическим щитом, на котором красовались портреты членов ЦК КПСС.

«Можно покурить?», – тихим голосом спросил паренёк из муззвода. Я разрешил и отошёл в сторону, чтобы не пропустить проверяющего. Курить арестантам было запрещено. Ненадолго осветив заспанное лицо, спрятанный в ладонях от ветра и от посторонних глаз, сверкнул огонёк зажжённой спички.

Не успел курильщик сделать и пары затяжек, как вдруг из-за физиономии взиравшего на нас с абсолютным безразличием министра обороны выскочил начальник гауптвахты. Худощавый, среднего роста капитан, со злым лицом и сросшимися бровями, сразу нанёс солдату удар по лицу. Светлячок сигареты, разлетевшись огненными брызгами, быстро погас.

«Тебе плюс пять суток ареста! – прошипел он. – А тебе, – ткнув пальцем в мою сторону, – трое!». И так же быстро исчез за широким, но плоским фейсом министра.

Возмнившему себя мечом правосудия начальнику свою прыткость и смелость проявлять бы не на плацу, а в борьбе с «духами», которых он лицезрел лишь в холодных камерах своих владений, напрочь забыв, что отлавливают врагов в горах и поставляют ему эти вот юноши. Повисло молчание, музыкант смотрел невеселым взглядом.

«Пойдём разоружаться, сокамернички», – махнув рукой, ничуть не расстроившись, сказал я им. В караулке, развеселив новостью сослуживцев, сдал всё, что мне теперь не положено, и отправился на губу.

Перед завтраком, под конвоем своего друга, я шёл в казарму, чтобы заменить новую эксперименталку на сменку. Подходя к расположению роты, сказал Олегу: «Лицо сделай построже». Сняв кепку и сомкнув руки за спиной, понурился, вышел вперёд.

«Что за маскарад?», – спросил старшина, строивший роту на завтрак. «А меня, как ненадёжного элемента, упекли на трое суток в кутузку...». В строю засмеялись.

«Отставить ржачки», – скомандовал старшина.

«Направо, в столовую шагом марш!». Спустя полчаса, на небольшой забетонированной площадке – плацу гауптвахты, капитан-«бровеносец» проводил утренний осмотр. Внимательно шаря глазами по заключённым, медленно приближаясь, шёл вдоль строя.

Поравнявшись с новичком, нахмурил лоб, подозрительно всматриваясь, остановился. Светло-бежевая солдатская форма ладно сидела на мне, словно руки к ней приложил умелый портной: далеко не новая, выгоревшая и стиранная-перестиранная, но опрятная и, главное, не висевшая балахоном (спасибо землячкам-камазистам за нужный подарок...).

«У тебя брюки ушиты, быстро распарывай и возвращай уставной внешний вид».

«Никак нет, я не ушивал...», – упрямо смотря в жёсткие глаза, ответил я чистую правду. У многих, стоявших в шеренгу по одному, из-за распущенных швов брюки потешными галифе топорщились в стороны.

«Даю пять минут на устранение». Я, не пошевелившись, продолжал смотреть в глаза капитану, этим демонстрируя, что от сказанного не отрекаюсь. Из отвисшего бокового кармана военно-полевой куртки он вытянул увесистую связку ключей. Погрякивая металлом, отыскал небольшой брелок-ножичек и, приближаясь, открыл его на ходу. Наклонившись, рукой схватил штанину выше левого колена и снизу вверх звучно резанул материю игрушечным ножом. Складывая орудие труда, отступил на пару шагов и с удовлетворением и даже наслаждением рассматривал работу.

«Надо же, какая находчивость», – думал я, глядя на разрез. И очень захотелось процитировать капитану строчки из клятвы-присяги, где чёрным по белому было написано: «Клянусь... всемерно беречь военное и народное имущество...». Но воздержался, в этих застенках он местный царёк. Сказать-то можно, но что потом, кроме ненужных проблем...

«Хорошо, что хоть нижнее бельё не проверяют», – мелькнула шальная мысль. Трусы «семейного» фасончика на мне были уж точно в не уставной цветочек.

Накануне, готовясь к наряду, мы устроили «показ мод». В ткань нижнего белья туго закручивали камешек размером со спичечную головку и окунали его в раствор хлорки. Повторив эту процедуру по всей поверхности трусов, вывешивали их для просушки на солнцепёк. Через некоторое время хлорка, съедая краску, проявляла на тёмно-синем фоне голубенькие цветочки.

После осмотра заперли в камеру. Сержантов наказывали не общественными работами, а изоляцией. Вечером, прогулявшись под присмотром знакомого автоматчика, шли на ночлег. Каждый брал стоящий у стены деревянный настил, взгромоздив на спину и согнувшись, нёс в камеру.

Тащил я по узкому коридору свою новую кровать и размышлял, что точно такие же стояли у нас на пляже, но для других целей.

В прямоугольном бетонном склепе, над полом, на уровне колен, словно рельсы крепились два металлических уголка. Но крученый, как пороссячий хвост, капитан был мастак на выдумки. Внимательно надзирал за тем, чтобы нары склады-

вали не по задумке конструктора – на благо людей, а с извращением – под металлические брусья. В головах – вместо подушки – лежак слегка возвышался. На нары мы не ложились, а втискивались.

«Когда проснёшься, резко не вставай, а то башню разобьёшь», – предупредил сосед. Деревянные рейки нар давили на обезжиренное тело, отгоняя желанный сон. В камере было, как в танке, глухо и тесно. Наслаждаясь спокойствием, каждый узник думал о своём и о себе. Лишь изредка слышались тяжелые вздохи и недовольное ворчание по поводу отсутствия каких-либо удобств.

Я лежал на спине и размышлял: «Интересно, а душманов в соседней камере в таких же условиях приютили? Возможно, и нет. У нас в крови всё лучшее – иностранным гостям. Хотя, по большому счёту, на их земле гостевали мы. И неважно, что законное правительство, желая удержаться на троне, вполне официально позвало советских. Всё же, мы здесь чужаки. Чужаки, но далеко не все. Призывники из Туркестанского военного округа нет-нет, да и поговаривали, что некоторые из родственников, после революции в 17-м году не принявших новую власть, эмигрировали в соседний Афганистан».

Я несколько раз слышал, как солдаты переговаривались с местными на схожем наречии. Случалось, и находили родственные связи. Однако с пленными моджахедами бывшие землячки обращались довольно подло. Когда духов, а это были парни лет 25-ти, трижды в день выводили для посещения нужника во внутреннем дворе, происходило следующее. Свободные от караульной смены уроженцы Средней Азии не упускали момента унижить соплеменников. Человек по пять-шесть они выстраивались коридором и, ехидно посмеиваясь, старательно пытались поддать пинка бегущим по нужде.

Как видеть происходящее, так и вспоминать об этом было неприятно. «Посмотреть бы, как проявят себя эти «смелычаки», оказавшись в плену. Они и в боевых действиях-то ни разу не участвовали».

Перевернувшись набок и желая смягчить возвышенность нар, подложил ладонь вместо подушки и вспомнил «подсадную утку». В одной из камер сидел крестьянин, лет так до 40-ка. Под левым глазом у него светился тёмно-фиолетовый фингал. Держали его в общей с духами камере, а иногда в одиночке.

Вчера, ещё до заключения под стражу, я увидел, как офицер несёт круглый разнос с заботливо уложенным в конус свежеприготовленным пловом. Удивлённо спросил: «Товарищ лейтенант, куда это вы направляетесь?». Не сбавляя шага, он, улыбнувшись, тихо ответил: «С синяком – «подсадная утка».

Утром одновременно зажёгся свет и прозвучала команда «Подъём!». В камере раздались глухие удары, маты и смех.

Такие грубые холодные стены видел я изнутри уже не впервые. До службы в армии как-то приехал к товарищу в город Изобильный.

Тихий, уютно-безлюдный переулочек не предвещал никаких проблем. Жёлто-оранжевый спортивный мотоцикл, сверкая на солнце никелем, стоял в тени деревьев на подножке, остывая от тридцатикилометровой пробежки. На соседней улице, шурша покрывками, туда-сюда мелькали разноцветные автомобили. Шелест листвы, выкрашенная в одинаковый цвет с забором удобная лавочка, мирно беседующие о том о сем, а в общем, ни о чем, ребята – сплошная гармония.

Боковым зрением я увидел два ярко-белых пятна. Они двигались вдоль шумной улицы, и когда им оставалось совсем немного, чтобы скрыться за углом, вдруг приостановились.

«Менты...», – проговорил товарищ.

«Вижу...», – не поворачивая головы в их сторону, ответил я ему.

Блюстители порядка, заметив транспортное средство и молодёжь, посоветовавшись, решили выполнить свой долг.

(Слить не успеем, слишком мало времени. Выхода нет, надо просто расслабиться и, не подавая виду, продолжать разговор).

Летняя парадная форма сидела на служивых довольно ладно.

(Ну и мы, чай, не бомжи...).

«Чей мотоцикл?». «Мой». «Предъявите техпаспорт, водительское удостоверение и шлем».

По удивительному совпадению, названное отсутствовало (хобби у мотоциклистов такое – не возить документов и уходить от погони...). Нет, чтобы справиться о состоянии здоровья или предложить помощь...

В предчувствии неприятностей, ожидая дальнейшего развития событий, подошёл поближе к «Спортачу». Сияющие, весьма упитанные молодые стражники, не скрывая радости, объявили о конфискации имущества.

Из частного двора, внимательно вслушиваясь в разговор, появилась мама товарища. Тихонько подошла и, взявшись за блестящий никелем руль, крепко сжимая руку, с уверенным спокойствием также тихо произнесла: «Забирайте, но вместе со мной...».

(Воистину: русская женщина «слона на ходу остановит и хобот ему оторвёт!»).

«Белые фуражки» от неожиданной смены полюсов атаки зависли в молчании. Переглянувшись, уже другим тоном, словно выпрашивая, промолвили: «Ну, тогда до полного выяснения обстоятельств мы парня попросим пройти».

«Нет проблем», – разведя руками, быстро согласился я, понимая, что «без себя» из неволи мотоцикл будет вытянуть гораздо сложнее.

Послушно остановившаяся легковушка лихо, с комфортом несла нас через центр города. Расположившись на заднем сиденье в окружении конвойных, слегка опустив голову, я всячески старался скрыть улыбку. В отличие от меня неунывающего, стражники, взирая свысока на «добычу», вели себя согласно уставу – молчаливо и строго.

(Наверняка мечтали, что за поимку «особо опасного преступника» их наградят именным оружием или путёвкой на курорт. В Сибирь...).

В районе управления внутренних дел сразу доставили к дежурному офицеру. Тот обыденным, спокойным голосом, но приказным тоном предложил выложить на стол колющие и режущие предметы. А также снять ремень и шнурки. Услышав наименование последних предметов, быстро догадался, что упекут в КПЗ. И не ошибся...

Камера предварительного заключения была размером с ванную комнату в типовой многоэтажке. Только вместо белоснежной ванны там стояли ободранные, выдавшие многое (кроме краски) деревянные нары. В нос ударила тяжёлая смесь вони.

У входа сидел опрятный, с моложавым грустным лицом кореец. Рядом ожидал своей участи изрядно помятый алкоголик. За спиной, закрывшись, грохнула массивная железная дверь и, лягнув связкой ключей, щёлкнул замок. Свернув резко вправо, хрустя пылью зашарканного бетонного пола, я присел в глубине камеры, сразу оптимистично подметив: «Хорошо, что люфт-клозет отсутствует, задохнулся бы».

Тусклое освещение позволяло читать надписи на корявой, холодной, серой стене. Пробежался по каракулям типа «здесь был Вася» и многочисленным неприличным умозаключениям в адрес кого бы то ни было. Бросив эту затею, стал прислушиваться к доносящемуся из коридора голосу дежурного. В двери, на уровне лица, зияло открытое окошко. Вместе с относительно свежем воздухом текла оттуда какая ни есть информация. Слушал и, как и сокамернички, размышлял о смысле жизни.

«Весёлое получается кино, непредсказуемое. Училищный комсорг, староста группы – и в тюрьме... Загреть легко, но выбраться из этих давящих стен не просто. Не обидно, когда припадают заслуженное, а тут... Правда, статистику, планы и отчёты в этом заведении тоже никто не отменял...».

Минут через сорок, звучно докладывая по телефону, голос начальника выдал мою фамилию и госномер «Иж Планеты Спорт» – 33-99. По-прежнему сидевший за столом дежурный, возвращая конфискат, добавил: «Завтра в девять утра чтобы был у начальника солнечнодольской милиции...».

«Ага, сейчас бегу, аж спотыкаюсь, – втягивая свежий уличный воздух свободы, вдогонку думал я. – Нашли дурака. Взяли б вы меня верхом на заведённом быстроколёсном дружке».

Тихим вечером второго дня тунеядства на гауптвахте мы сидели в беседке, называемой «курилкой», однако никто не курил. Слух ласкал приглушённый шепот текущей воды. Поливочный шланг, уткнувшись в траву, поил деревья.

Пришли провести Саня с Олегом и принесли купленные в военторге банку российской сгущёнки и пачку югославского печенья.

«Некисло устроился!», – шутливо возмущались они. – Мы тебя охраняем, сами не едим и тебя же вкусняшками кормим!».

«Ну да, согласен, на солдатские семь чеков в месяц не пошикуешь, вы, небось, за это все пару чеков отстегнули, – со смущением и грустью глядя на гостинцы, размышлял я вслух. – Угощайтесь, я не жмот, – протянул им сладости. – Сейчас в банке пробьём три отверстия и будем пировать».

«Тем более, и повод имеется, – переглянувшись, сказали друзья. – Скоро уходим на боевые».

Я напрягся. Из ста человек хронически недоукомплектованного личного состава роты в боевых действиях участвовали человек пятнадцать-двадцать. В основном, одни и те же. Не берут – значит, не доверяют.

«Расслабься! – улыбнулись парни. – Тебя тоже включили, сутки не досидишь. Завтра утром освободят».

«Ну, тогда вскрывайте, пока не передумал, – сказал повеселевшим голосом и протянул банку. – Я гол, как лысый в бане, даже брючный ремень конфисковали».

Саня вынул из потайного карманчика патрон. Такой обязан иметь каждый, кто уходит в рейд. Документы по известным причинам с собой не брали. В гильзу, закупоренную пулей, вместо пороха вкладывали записку с личными данными. Установили на банку со сгущенкой патрон пулей вниз, и под ударом ладони в крышке быстро появились три отверстия. «Запоминай каждый своё», – протягивая мне первому, сказал Санёк.

Утром командир роты, переговорив с начальником гауптвахты, ждал у металлических, неизменно зелёных ворот караулки. Увидев командира издали, я поприветствовал: «Здравия желаю, товарищ капитан!».

«Климов, ты и в гробу будешь улыбаться?».

«Так точно, товарищ капитан! Если не забуду».

«А не рано ли залётчика назначили командиром отделения? – бросив беглый взгляд на прореху на левом бедре, грустным голосом добавил: – Ну ладно, не до шуток. Быстро переодевайся и к старшине, у нас самострел. Дневальный заперся в оружейке, упёрся животом в ствол автомата и...». Командир, с лёгкой проседью на висках и осунувшимся бледным лицом, тяжело вздохнул и, понизив голос, добавил: «Трассера, прошив крышу казармы, разлетались веером». Нарастающее свистящее лопотанье винтов заставило его замолчать. Я посмотрел в сторону взлётки.

Вертолётыв огневоы поддержки, оторвавшись от земли, набирали высоту. «Крокодилы» в боевоы пятнистоы окраске, оцетинившись скорострельными пушками, обдавая нас потоками тёплого ветра, шли на разной высоте умело выстроеной парой. За гранёным пуленепробиваемым стеклом отчётливо вырисовывались безмятежные лица пилотов.

Не сговариваясь, желая сократить время и расстояние, в полном безмолвии мы протиснулись в потайной лаз проволочного заграждения. Минувя военторг с медсанчастью, молча шли по территории полка. Светловолосый старшина, лет двадцати пяти, сидел, угрюмый, в каптёрке. Перед ним на столе лежало выглаженное, аккуратно свёрнутое вафельное полотенце. Его прижимала пластмассовая свинцового цвета мыльница.

Поверх всего прапорщик бережно положил непрочитанное письмо, сказал: «Иди в штаб дивизии, там найдёшь дверь с небольшим окошком, всё отдашь им».

Тяжелее груза мне в свои девятнадцать нести ещё не приходилось. Ноги механически двигались к цели. Я держал перед собой личные вещи знакомого, но уже недостижимо-отчуждённого солдата. Я смотрел на буквы, выведенные с любовью женской рукой. Смотрел и видел тоскливые глаза товарища с грустной улыбкой и беспокойную, почувствовавшую беду мать.

В Союз до дембеля, в основном, можно было попасть в трёх случаях : запаянным в цинк, комиссованным по ранению, а также конвойным, сопровождающим груз-200. Побывать дома при таких условиях мало кто согласился бы.

Все находились в приглушённо-подавленном состоянии. К потере сослуживца прибавилась запоздавшая новость, вычитанная из прессы, доставлявшейся к нам из Союза с трех-пятидневным опозданием. Новость, которую уже давно протрубили по всему миру. В газетах «Правда» и «Комсомольская правда» публиковался один и тот же черно-белый снимок, вид сверху на еще невредимую Чернобыльскую АЭС. Не зная, чем грозит эта катастрофа нашим родным в СССР, мы с задумчиво-хмурыми лицами готовились к выходу на боевые. Стараясь не замечать стопку газет, аккуратно сложенную на невысоких ступеньках входа в казарму, с теплом думали о домашних. Своя судьба нас беспокоила сейчас меньше всего, ведь Афганистан так далеко от Украины. Изредка переговариваясь, проверяли на прочность самодельные жгуты для остановки крови. Непригодные выбрасывали. Из автомобильных камер ножницами вырезали но-

вые ленты. По необходимости мастерили кисеты для автоматных патронов. От старых гимнастёрки, на уровне локтя, отрезали рукав, сшивали срез и насыпали боеприпасы.

Всё аккуратно складывалось в вещмешок, в комплект которого входили: три ракетницы – белая, зелёная и красная; дымовая сигнальная шапка; гранаты – две РГ-5 и две «эфки»; индивидуальный медицинский пакет; таблетки для дезинфекции питьевой воды; котелок, кружка с ложкой; туалетные принадлежности; нательное бельё. А дальше – кому как повезёт. Миномётчики несли миномёты, радисты – рации, в общем, кто на кого учился.

Лишь единожды перед выходом на полигон, находившийся в выжженной солнцем пустынной саванне, выдали нам солнцезащитные очки. На картонной серенькой упаковке коричневой краской была нарисована девушка, сидящая под пальмой у моря. Под корявым изображением красовалась – такая же коричневая – надпись: «Анапа». «Брехня! – громким голосом выругался я, указывая ребятам на пальму. – От моего дома до Черного моря меньше четырехсот верст, в Анапе пальмы не растут!». Надел стеклянные очки и, выругавшись совсем уж по-взрослому, отшвырнул скомканную хлипкую упаковку в сторону.

На полигоне занимались подготовкой к боевым действиям. Пристреливали оружие, отрабатывали технику ведения боя на местности. В полном обмундировании – это когда на голове каска, на плечах бронежилет с автоматом, за спиной рюкзак. На солдатском ремне – подсумок с четырьмя магазинами, штык-ножи, фляжка с водой. В такой упаковке мы грузились в вертолёт. Долетев до ближайшей сопки, вертушка зависала в полутора-двух метрах над землёй. Бойцы отрабатывали прыжок-приземление и выбор огневой позиции.

Постепенно, день ото дня, приходилось привыкать к новой реальности. Внимательно смотреть, куда ставишь ногу. К посторонним подозрительным предметам не прикасаться. Свыкнуться с мыслью, что в любую секунду может раздаться взрыв или выстрел. Не ждать опасности, пребывая в нервном напряжении и постоянной боевой готовности, а научиться жить с этим.

Занятия старались провести до или после полуденной жары. Летом в Афганистане всё пылает жаром, как раскалённая печка. Говорят, что в пустыне можно сварить яйца, закопав их в песок. В долине Кундуза, где жара достигает 60 градусов, их можно сварить, усевшись на раскалённую броню. Голубое красивое небо не препятствовало светиле властвовать над землёй. Петля между сопки, два бронетранспортёра с автоматчиками, вырвавшись на ровную поверхность чужой земли, прибавили скорость. Боевые пятнистые машины, сливаясь с местностью и сохраняя дистанцию, двигались след в след.

Причина удаления от лагеря была обычной. После завтрака комроты подыскивал место для стрельбища (вероятно, считал, чем дальше от штаба, тем легче живётся.) Выжженная саванна лежала, словно чистый лист бумаги. На горизонте зеркальной дрожащей кляксой блеснул завораживающий мираж. Редкая,

давно высохшая трава трухой оседала на землю. «Поле, русское поле!», – вглядываясь в дышащую жаром прокаленную бескрайнюю пустыню, проговорил я себе. – Где же ты, русское поле?! Весной – густо пахнущее диким разноцветьем. Свободно гуляющий по бесконечным твоим просторам ветер, напитавшись степным ароматом, с легким шелестом раскачивая густую сочную траву, унесётся за луговой горизонт. В высоком голубом небе звенящий незримой точкой, доступной лишь слуху, повиснет над твоими родными просторами жаворонок. Осенью, словно прожившее еще одну жизнь, русское поле украсит себя ковильной проседью...».

Бесспорно, ты красива, земля Афганистана. Откуда нам было знать тогда, что мы навсегда заболеем тобой, и эта война есть наивысшая точка кипения всей нашей жизни?

Многие, вернувшись в Союз, будут гореть в воспоминаниях, покада не сожгут себя дотла. А кто сможет вырваться из пепла прошлого, не проживёт и дня без мысленного возвращения сюда, чтобы вспомнить, и чаще по-доброму, землю Афганскую. Но сейчас, забыв обо всем, я смотрел вдаль и размышлял: «Как же тебя далеко занесло, Слава, словно на другой край Земли. И когда я смогу сказать: «Здравствуй, русское поле!», раскинув руки, упав в душистый чабрец, слившись с землей, раствориться в сладком мирном сне? Когда смогу увидеть тебя, русское поле, вновь? И увижу ли?».

Словно почувствовав чей-то взгляд, придерживая каску рукой, всмотрелся вверх. Высоко в небе, распластавшись на восходящих потоках горячего воздуха, кружил горделивый «смотритель пустыни» – гриф-стервятник. Капитан лет сорока, сидевший рядом на броне, указав рукой, бросил: «Видишь след спаренных колёс? Это духовский». Я оглянувшись, наш след был другим.

На пути показалась одинокая глинобитная хижина. Небольшая квадратная постройка с плоской крышей, без окон, с зияющим дверным проёмом. По всей вероятности, служила она пристанищем для кочующих пастухов. Мы приостановились, издали присматриваясь к объекту. После освежающего ветерка, едва машины остановились, вновь навалилась жарница.

В металлической телогрейке, да такой же шапке и высоких зашнурованных ботинках в это время дня было мягко сказать – неуютно. Предупредительные выстрелы в стену спугнули скрывавшихся от солнца и посторонних глаз огромных полутораметровых серых варанов. Выскочив из укрытия, задрав антеннами мощные хвосты, сладкая парочка, широко расставив когтистые лапы, спасалась бегством.

«Ни фига себе сухопутные крокодильчики! – не сдержался я. – По сравнению с нашими советскими ящерками эти – ни дать ни взять драконы!». Все спешились, было решено здесь пристреливать оружие. Лёжа на бронезиловках, крутили мушки, палили в извилистую трещину на глиняной стене. Командир проверял стволы на меткость.

Управившись, оседлали бронетранспортёры и поднялись на сопку. Выставив часового, стали убивать время. Кто-то, изнывая от жары, искал тени возле машин, кто-то чистил автоматы.

Большинство делало это без принуждения, осознавая, что автомат теперь как братишка родной. (Ты можешь уши не помыть, но автомат почистить ты обязан!). Сильна наша страна в военной промышленности. Уж что-что, а оружие делать мы умеем. Примеров тому масса.

Однажды небольшая колонна протискивалась по узкой дороге сквозь «зелёнку» кишлака. Как всегда, пыль, жара и нервы натянулись, как струны. Наша бронемашина остановилась над речушкой на хлипком мосту. Тарас, водитель-механик, поднимаясь из люка, слегка ударился головой о ствол ручного пулемёта. Сругнувшись, дал ему сдачи. Пулемёт, скатившись по броне, ненадолго задержался на краю моста и нырнул в воду. И тут началось.

Пулемётчик кричал, что он в воду не полезет. Водитель огрызнулся из чрева машины... Я с завистью смотрел на утопленника, лежащего в холодной прозрачной искристой воде. Он замер с детской непосредственностью на левом боку, упершись в чистые камни. У меня же под каской и броником – разводы высохшей соли. Скандалисты притихли, солнцепёк мешал разговору. Головная машина, выдохнув облаком сизого дыма, тронулась вперёд.

Роман, командир взвода, сидевший, опустив левую ногу в открытый люк, а правую свесив с борта, нахмурившись, коротко бросил напыженному пулемётчику: «Офонарел!». Подчиняясь приказу, бормоча нецензурщину, тот скользнул по броне и прыгнул по колено в воду. Вернувшись на место, передёрнул затвор и выпустил короткую очередь в землю. Осечек не было.

Часовой, находившийся на броне возле башни, забил тревогу. В его обязанности входило следить не только за местностью, но и, надев шлемофон, за эфиром. В любой момент наши могли вызвать на связь.

Было видно, что часового обеспокоил эфир. Возбуждённым голосом сообщил, что случайно отыскал чужую волну. Всё понятненько, я тоже пару раз грешил этим. Крутил бортовую рацию, уж очень хотелось послушать музыкачку. Советскую навряд ли, на худой конец, хотя бы местную.

Часовой, видимо, тоже решил развлечься, за что позже получит нахлобучку. В эфире вместо музыки он нарвался на разговор двух голосов на дари, местном наречии. Санинструктор-узбек по кличке Пинцет, немного понимающий язык, надел шлемофон. Возвышаясь над нами, словно с трибуны, отрешённо вещал: «Они называют цифры квадрата, в котором находятся. Ждут денег и просят привезти побольше водки».

«О, как! – горделиво подумал я. – Даже здесь пристрастились к нашему национальному напитку!».

Прищурившись от яркого света, комроты внимательно осмотрел застывшие в обманчивой тишине сопки. На мгновение задумался и спокойным голосом скомандовал: «Уходим». Боевые машины с бортовыми номерами 301 и 302, в поднимающихся от раскалённой жёлтой земли волнах жара, по своим следам возвращались обратно.

Вечерело, медленно теряя силу, клонясь к закату, солнце уходило на новый круг. Оживали не только люди, но и местные обитатели пустыни. Поверх коротко стриженных голов сидящих на земле солдат я увиделдвигающийся объект и удивлённо присвистнул: шустро работая гибким телом, сторонясь незваных гостей, ползла змея. Ранее тем же маршрутом стрелой проскочил суслик. Воздух после жестокого палашего дня постепенно становился восхитительно прохладным.

Солдаты с задумчивыми лицами, погрыкаявая ложками о зелёные котелки, ели кашу с тушенкой. Хлеб заменяли галеты и сухари, выгнувшиеся, как невзрачные лодочки. Напротив каждого стояла металлическая кружка со сладким чаем. Застиранные, выгоревшие на солнце опрятные гимнастёрки сливались с песчано-глинистой землёй.

Летняя столовая была проста и надёжна, как солдатский сапог. Две параллельно вырытые неглубокие траншеи служили пристанищем для стоп. Военнослужащие садились на землю друг против друга. Импровизированные лавки и стол накрывались плащ-палатками. Недостаток один – всё та же полуденная жара.

В назначенный вечерний час для оглашения пароля в полевом штабе собирались офицеры от всех подразделений. (Кстати сказать, пароль в переводе с французского означает «слово»). Собравшимся сообщали ежедневно меняющееся однозначное число. Схема работы секретной цифры проста и надёжна, при условии, что с математикой дела обстоят хотя бы на слабую троечку. Часовой, заметив человека, громким голосом подаёт команду-вопрос: «Стой! Кто идет?». И сразу же называет уменьшенную цифру пароля. Идущий обязан без промедления остановиться и так же громко и внятно назвать свою цифру, чтобы в сумме получилось назначенное на эту ночь секретное число.

После развода спать ложились в тридцатиместной палатке. Матрасы с подушками двумя рядами лежали на тёплой земле. Поднятые прорезиненные боковины палатки давали свободу прохладному ветерку.

Выспаться в эту ночь так и не удалось.

Отрывистый крик как рукой смахнул ещё не крепкий сон. Все замерли, вглядываясь в темноту. Крикун сдавленным испуганным голосом попросил зажечь спичку. Сдерживая резкие телодвижения, дрожащим голосом призвал поднять плащ-палатку. На груди, притаившись чёрной точкой, сидел скорпион. Испугавшись яркого света, слегка вытянувшись всем телом и задрав ядовитый хвост, с завидной быстротой драпанул в темноту. Укутавшись почти с головой в

плащ-палатку, я заставлял себя заснуть. Дневная усталость взяла своё. Вскоре тот же тревожный голос стал просить, чтобы из-под штанины извлекли сороконожку. Она оставила на коже солдата свой огненный след.

Закручивая подушку в матрас, я бурчал себе под нос: «Да это ж настоящий террариум! Даже если они смертельно опасны лишь в брачный период, и от укуса скорпа разбарабанит конечность, как дерево, да и только. Всё равно пойду-ка я лучше спать на броню, кто их знает, что у них на уме. У этих таракашек, небось, и мозг меньше спичечной головки».

Крепко прижав к себе спальный рулон, осторожно ступая босыми ногами по гладкой тёплой земле, думал о том, что завтра, прежде чем одеться, необходимо внимательно осмотреть одежду и обувь. Забросив ношу на спину БТРа, пулей взлетел следом. Расположился на мягком матрасе, ногами к движкам: «Пусть они бензин нюхают и наоборот».

Лёгкий ночной ветерок делился свежестью и пряным запахом саванны, смешанным с бензином. Вынув руку из-под плащ-палатки, тронул ладонью стальную машину: «Прохладненькая». Улыбнувшись, вспомнил оставленное навсегда сквозное отверстие в командирском люке броневичка, на котором сейчас пытался уснуть.

Жизнь непредсказуема, и в этом её красота. Будущее закрыто от нас, но мы упорно пытаемся переконструировать изменчивый мир под себя. Иметь жизненную цель, – возможно, это неплохо. Но люди погрязли в мечтах и надеждах, незаметно для себя превратились в рабов будущего. Планируем, как провести выходные после рабочей недели. Мечтаем и ждём отпуска. Летом думаем о белоснежной прохладе, зимой скучаем по весеннему разноцветью. Хнычем о несбывшихся планах и вновь строим новые. В погоне за будущим упускаем настоящее. Живя в надеждах, безвозвратно теряем повседневную радость. Однако, если был старт, неизбежно ждёт и финиш. Оглядываясь на прожитое, накануне последней проверки у Бога, осознаём тщетность приложенных усилий. Мечты отменяются, радостные надежды уступают унынию и депрессии.

Война диктует свои правила. Можно запланировать прибытие из пункта А в пункт Б, разработать и утвердить план боевой операции и предположить её конечный результат. Предположить, но не более. Подавляющее большинство попавших на войну уверены, что их не убьют. «С кем угодно это может случиться, но не со мной. Так не бывает, ведь меня с душевной теплотой проводили в армию, ждут возвращения, поэтому я однозначно вернусь».

Внезапным электрическим разрядом, с легкостью пронзая мыльный пузырь самоуверенности, загоняя в ступор, вклинивается смерть. Повседневный распорядок дня, мечты и желания становятся второстепенными. На земле лежат Его автомат и бронезилет, каска и рюкзак, но Его нет. В казарме ещё некоторое время будет неприкасаемо стоять Его кровать и тумбочка с личными вещами, но Он не придёт. На вечерней поверке старшина, зачитывая фамилии личного

состава, заплнётся, и повиснет тяжелая пауза. В строю есть Его место, но Его нет и уже никогда не будет. «Кто следующий и когда?»...

Солнце утром вновь поднимется, а вечером сядет. И мы скажем про себя: «День прожит, и слава богу». А иногда: «Мгновенье прожито, и слава богу». Временные отрезки как-то сами собой станут короче, а цель и мечта – одна на всех: «Вернуться домой». И, если удастся, уже в Союзе, обернувшись в последний раз, тихо прошептать Афганистану: «Слава богу, я живой!!!». Война в разы увеличивает жизненную непредсказуемость, в любой момент могут произойти перемены, о которых даже и не думал. Учитывая эти факторы, старослужащие передавали свой опыт вновь прибывшим. Меня научили управлять бронетранспортером. Это было нетрудно, ведь технику я любил и был знаком с ней ещё с детства.

Чем многогранней интересы человека, тем легче и быстрее он адаптируется в экстремальных ситуациях. В юношеские годы с дружкой Серёгой были радиохулиганами. Забава такая уголовно наказуема, однако мы с большим удовольствием придерживались другого неписанного закона: «Авось, небось и накость выкусь». Потрошили старые телевизоры и радиоаппаратуру. Из бэушных деталей, вдыхая запах канифоли, паяли передатчики и гнали в эфир современную музыку. Правда, радиус покрытия у таких самоделок был невелик, всего лишь километров до десяти. Поэтому с бортовой рацией «Р-123» возиться долго не пришлось. Ну и, конечно же, научился разбирать, заряжать и стрелять из спаренных пулемётов. В скором времени я получил возможность отличиться, проковыряв дырочку в сантиметровой броне.

Стояли в тот вечер на блоке между безымянным кишлаком и стратегически важной шоссеиной дорогой. На потемневшем небе включились самые яркие звёзды. Как всегда, ночная смена бодрствовала на боевом посту, а остальные спали или готовились ко сну. Вдруг со стороны дувала, за которым бежала стремительная река и сразу начинались горы, неожиданно загрохотали разнокалиберные выстрелы. Все, кто спал и не спал, попрятались куда придётся. В возникшей паузе духовского послания: «Спокойной ночи», словно из ниоткуда, раздался голос командира: «Климов!».

«Я!», – незамедлительно отозвался ему. Капитан как-то по-свойски, совсем не по-военному, добавил: «А ну покажи им, что и у нас кое-что имеется!». Стараясь избежать знакомства с пулей-дурой, я неохотно, но быстро отправился к орудию. Вглядываясь в приятно-прохладную темноту, шел, пригнувшись, на полусогнутых, бурча недовольно под нос: «Климов-Климов, что, остальных корова или, лучше, верблюд языком слизнул, что ли? Пулемётить – Климов, на гитаре сыграй – снова Климов...».

А на прошлых боевых я еще и целую неделю кашеварил. С продуктового склада почему-то получили не сухпай, а сырые картофель, капусту, крупы и всё такое. Лейтенант, обращаясь к личному составу, задал вопрос: «Кто умеет готовить?». Стоящие в шеренгу по одному пятнадцать бойцов ответили дружным молчанием. «Климов, бери любого в подсобники и учись, деваться некуда».

Дважды где-то неподалеку ухнул вражеский миномет. Добравшись без происшествий до цели, открыл боковой люк и щучкой нырнул в десантское отделение, не забыв затворить за собой металлическую калитку. Продвигаясь на ощупь и стараясь не повредить физиономию и конечности о творческий беспорядок в машине, быстро закрыл водительский люк. Затем проделал то же самое с командирским, как выяснится позже, не совсем удачно. Нашупал в темноте крутящееся сиденье пулемётчика, сел и лишь тогда, протянув левую руку в сторону и вверх, включил дежурное освещение. В ночных стрельбах участвовал впервые, от этого чувствовалось лёгкое напряжение. Щёлкнув тумблером электропривода орудия, сразу погасил тусклую зеленовато-голубоватую подсветку. Посмотрев в линзу прицела, увидел то, на что и рассчитывал – кромешную тьму.

Действуя по памяти, развернул башню вправо и левой рукой немного опустил пулемётные стволы. Нажал кнопку автоматического пуска крупнокалиберного пулемёта. КПВТ послушно выдал короткую очередь. Боевая машина качнулась на резиновых шасси, словно на волнах. Зазвенело в ушах, и запахло жжёным порохом. За бортом приглушённый голос капитана корректировал стрельбу: «Правее и ниже». И тут меня осенило: «Да ведь в ленте ПКТ-трассера я же сам перед выходом комплектовал боеукладку. Пулемёт Калашникова хоть и будет послабее своего соседа, но трассирующие пули позволят отследить линию огня. Всматриваясь до боли в глазах в тусклую сетку прицела, лёгким надавливанием большого пальца утопил правую кнопку «гашетки».

Раздался ранее не знакомый грохот строчащего пулемёта совместно со звоном вибрирующей брони. Одновременно с гулом, давящим на слух, возник световой эффект.

Словно в закрытом помещении запустили фейерверк. Горящие жёлто-красные светлячки двигаясь по спирали сверху вниз и по часовой стрелке, хаотично прыгая, заполняли десантское отделение. Молнией проскочила мысль: «Достал-таки духовский гранатомётчик! Вот что чувствуют люди в подбитой броне...». В кромешной тьме ощущались дым и гарь. Не обращая внимания на мерцающие зайчики в глазах и звон в ушах, прислушался к телу. Жгло мизинец правой руки, по-прежнему сжимающей рукоятку вращения башни, по правой щеке стекала тёплая струйка. Беззвучно открылся боковой люк и взволнованный голос командира спросил: «Ты живой?». «Да вроде живой», – не менее взволнованно, размазывая липкую кровь по щеке, ответил ему.

«А что случилось?».

«Да я и сам не понял».

Виновником салюта был я и приоткрытый люк, ставший на пути трассирующих пуль. В последующие дни капитан, восседая на броне, проталкивал мизинец в рваное отверстие командирского люка, шутливо спрашивал: «Климов, это кто?».

«Духи, товарищ капитан, духи-негодяи», – улыбаясь, отвечал я.

Глава 3

...нам могли рассказать,
мы могли не поверить словам.
Мы учились глаза
нашим мёртвым друзьям закрывать...

После жестоко жаркого дня земля всё глубже погружалась в мягкую прохладу ночного сна. Однако в обманчивую тишину спящей пустыни могли поверить лишь новички, она продолжала жить своей, теперь ночной, жизнью, и доказательством тому был возникший и затихнувший, нагоняющий тоску заунывный шакалий лай (то как зверь шакал завоет, то заплачет как дитя). Перевернувшись на другой бок, натянув плащ-палатку до самых ушей, стал убаюкивать себя мыслью: «На броню забраться они не посмеют». Стальная восьмиколёсная кровать, стоявшая на краю полевого лагеря, словно пытаюсь увести мысли в другое русло, указывала своей пулемётной рукой в ночное небо. Яркая луна, повисшая спелой дыней, заливала всё вокруг холодным голубоватым сиянием. Млечный путь неисчислимым множеством мерцающих светлячков протянулся от горизонта до горизонта. Звёздное небо низко повисло над землёй. «Как хорошо, что человек имеет возможность видеть эту красоту, не существует на свете слов, позволяющих описать зримое. Завтра это бескрайнее звёздное покрывало будет совершенно иным и, возможно, ещё прекрасней. Зрение – это чудо, утром в лучах восходящего солнца окружающий мир вновь будет радовать глаз своей радужной неповторимостью». С этими мыслями, отчего-то посещавшими меня уже с детских лет, провалился в крепкий здоровый ...сон.

Глухие удары сотрясали броню. Объявили срочное построение. Эта ночь казалась бесконечной. Как говорят сельчане на далёкой Родине: «Началось в колхозе утро!». На военный лад те же слова звучат примерно так: «Опять труба вперёд зовёт!». До рассвета ещё оставалось часа полтора. Зорька на востоке только-только проснулась и медленно, но уверенно взялась за свою работу.

БТР с зажженными габаритами застыл в ожидании на дороге. В предутренней темноте на боковом десантном люке словно люминесцентным тусклым огнем светился выведенный белой краской триста первый номер машины. Пробиваясь сквозь пыльную темноту светом фар, по-молодецки шустро выскакивали БМПшки. Степенно, вразвалочку, выдвигались на дорогу танки. Боевые машины послушными солдатами выстраивались в колонну по одному. Асфальтовое покрытие здешних дорог заслуживало уважения. БМПэшки крутились на нем, как на льду. Сорокапятитонные танки, даже не оставляя гусеничного следа, с лёгкостью разворачивались на месте. Учитывая, что выбоины на асфальте несут минно-взрывную смертельную опасность, покрытие клали повышенной прочности. Могут и наши, когда захотят, качественно выполнять поставленную задачу.

Укрываясь от утреннего холодка, набросив на плечи бронезилет для сугрева, спросил у капитана: «Куда идём?». Он пожал плечами.

По ночному пустынному шоссе двигались быстро. После мытарств по бездорожью асфальт воспринимался как сверхцивилизация. Справа во мраке появились мерцающие живые зелёные точки. Ударивший молнией луч прожектора обнаружил стайку длинноногих шакалов. Почуввав опасность, засвеченные ночные хищники в дружной нервозности поджали пышные хвосты, сутуля и без того облезло-костлявые спины.

Повторяя изгибы шоссе мерцающими огоньками замаскированных фар, колонна уверенно приблизилась к мосту. Блок-пост приветствовал своих парой открытых шлагбаумов. В полумраке светлыми пятнами мелькнули лица бодрствующих на боевом дежурстве. Ночная смена охраняла стратегически важный объект – Альчинский мост, переброшенный через утонувшую в темноте реку Кундуз. Вскоре броневая ударная группа вклинилась в тишину одноимённого спящего города. Несмотря на напряжение и предутреннюю серость, занятно было смотреть по сторонам и наблюдать, как меняется провинциальная столица. Как улицы становятся цивилизованной и современной. На смену глиняным дувалам, выстроенным из подножного материала, пришли более-менее приличные каменные дома. Вместо дуканов или, по-нашенски, торговых лавок, без которых восток уже совсем не восток, появились магазинчики с припылёнными витринными стёклами. На перекрёстке, впереди и слева, подчиняясь в большой степени не правилам движения, а неписанному закону военного времени – «Не лезь с голыми руками на танк», уступая дорогу колонне, стоял шоколадного цвета пассажирский скотовоз. Автобус с полным отсутствием стёкол был разделён на две половины. В первой в разноцветных одеждах восседали крестьяне. В заднем отсеке, возвышаясь мохнатыми коричневыми хребтами и фигуристыми рогами, путешествовали – наверняка в сторону базара – три коровы. По времени малолюдному центру ехали недолго. На круге свернули направо, и цивилизация, не успев начаться, пошла быстро на спад.

Рассветало. Слева от дороги, вдоль чековых квадратиков, мелькая меж редких деревьев, в сторону города двигалась не совсем обычная вереница людей. Во всём чёрном, гордо восседая на вороном красавце-скакуне, рысью ехал мужчина в папаче. Вслед за ним, гуськом, согласно статусу и возрасту, бежали три женщины в свинцового цвета накидках, скрывающих голову и тело. Прижимая к груди небольшие ноши, слегка наклонившись вперёд, с трудом видя дорогу перед собой сквозь плотный сетчатый квадратик паранджи, они едва попевали за всадником.

Впереди и слева от главной дороги величаво возвышалась вековая эвкалиптовая аллея, ведущая к взлётке и нашей дивизии. На перекрёстке, застыв в ожидании, вытянув длинное жало скорострельной пушки, стояла новенькая БМП-2. Нас встречал штабной офицер, весь такой же новенький и выглаженный, прямо противно смотреть.

Правда, я так и не разобрался – противнее смотреть было на выбритого, залакированного красавчика или же на себя – загоревшего и заветренного, застиранного и запылённого. «Так было, есть и будет всегда. Они взирают на нас

свысока, а мы, лицезрея «павлина», подчиняясь рефлексу Павлова, ощущаем нарастающий зуд в кулаках и неизменное желание проредить птичке холёные перья. Однако штабные все так же остаются на своей мнимой высоте и, используя служебное положение, бывает, с гордым видом возвращаются в Союз с «честно заработанными» нашими боевыми орденами и медалями. Офицер, сохраняя чувство собственной важности, быстро приблизился к головной машине и передал командиру планшет с картой местности. На Мадрасе, при неизвестных обстоятельствах, пропали два бойца.

Колонна, ещё некоторое время двигаясь по асфальту, свернула вправо. Пейзаж (как его называют настоящие писатели: «обои») вдоль вихлястой узкой дороги, которую и проезжей частью не назовёшь (но для брони бездорожье вполне проходимое), оставался без изменений: сопки, пыль, сухие горные русла и традиционное изобилие солнечного света и тепла. Недосып и убаюкивающе-монотонный гул спаренных двигателей делали своё дело. Солдаты, не особо сопротивляясь, погружались в сон, отдаляющий от забот и тревог. Да от тоски по дому и Родине, тоски, болотной трясиной затягивающей в уныние.

Неожиданно из командирского люка показалась голова ротного. Осмотрев дремлющее войско, он на мгновенье задумался и так же быстро исчез. Вскоре вынырнул вновь, но уже с гранатой в руке.

«Вот и её час пришел, а то болтается уже неделю под ногами, гремя о металлический пол», – прямо-таки философски размышлял я, равнодушно отслеживая происходящее. Капитан тем временем вкрутил взрыватель, оторвал чеку и, размахнувшись, бросил гранату в сторону от дороги. От взрыва, прогремевшего совсем рядом, солдаты, как по команде, встрепенулись и машинально схватились за автоматы.

«Не спать!!!», – звучным голосом протрубил командир и исчез в люке. Сливаясь с поверхностью земли, прямо по курсу замаячили глинобитные дувалы. Небольшие населённые пункты здесь строились кому как бог на душу положит. У нас на родине обычно так размещались люди на пикничок у водоёмов: охотники пофестивальить большими компаниями отдыхали семьями чуть поодаль от людского шума, в стороне от них – одиночки-любители уединённого спокойствия. Так и тут: однотипные, возведенные с большим трудом постройки объединялись не только односортным стройматериалом в виде глиняного замеса, но и полным отсутствием какой-либо цивилизации.

Непривычными для глаз были захоронения усопших. Помимо общепринятых кладбищ попадались земляные холмики рядом с дорогой. Создавалось впечатление – где человека настигла смерть, там его и предали земле. Такие могилы видно было издали благодаря стоявшим у каждой из них деревянным трёхметровым шестам, на верхушках которых развевались на ветру небольшие, чаще зелёные, матерчатые знамёна с надписями на неизвестном нам языке. Однажды увидели на таком шесте ромб, переходящий в человеческую пятерню с расставленными пальцами. Как потом выяснилось, это означало: «Здесь

похоронен не отомщённый». И необязательно тень вины падала на советских (нас здесь называли «шурави»). Многочисленные племена и роды, населяющие Афганистан, отличаются своей воинственностью. Некоторые споры у них до сих пор решаются в рамках традиционного кодекса чести, основу которого составляет кровная месть.

Повинуясь ведомому, уткнувшись друг в друга и накрываясь клубами пыли, боевые колесницы медленно останавливались. Справа, гремя тяжёлым металлом, плавно переваливаясь на ухабах, толкая семитонные катки, уверенно полз «утюг». Так в эфире кодировался оборудованный на базе танка Т-62 минный трал – БТС.

Экстремальное путешествие по неизведанной местности надолго оставляет массу впечатлений. И далеко не всегда воспоминания о войне – грустные. Минный трал, вышедший вперёд, и стал однажды участником небольшого приключения.

Шагаю я как-то, уныло опустив голову, по полупустой территории автопарка полка, с сожалением наблюдая, как начищенные до блеска сапоги, утопая в пыли, с каждым шагом теряют свою уставную красоту. Песчано-глинистая земля, развороченная тяжёлыми гусеничными траками и вездеходными покрывками, превратилась в измельчённую массу, подобную сухому строительному цементу.

Однажды видел, как двигавшийся в хвосте колонны полноприводный автомобиль «Урал» сел на днище. Гружённая боеприпасами машина, повисшая на мостах, гоняя пыль беспомощно вращающимися колёсами, тщетно пыталась сдвинуться с места. Не поверив своим глазам, я решил опытным путем подтвердить увиденное. Осторожно опустил ногу в волнистый покров разбитой дорожной колеи, и сухая пылевая масса, подобно грязевой жиже, слегка сопротивляясь, почти до колена поглотила мою конечность. Быстро вынул измазанный сапог, и земля тут же выровнялась, приняв прежний вид.

Стараясь обойти глубокие пыльные «лужи» автопарка, незаметно для себя я набрёл на своих. Водитель тягача, выбрасывающего в сторону выхлопные газы, под руководством стоящего рядом лейтенанта пытался подъехать и подцепить минные тралы.

Раздражённый взводный и торчащее из люка, покрытое испариной испуганно-бледное лицо водителя без лишних слов говорили о том, что психологический взрыв не за горами. Я остановился поглазеть, что произойдёт быстрее – иссякнет терпение командира или вновь прибывшему механику удастся закрепить сцепку.

Для нас и наших родственников так и остались неразгаданными финты министерства обороны по перетасовке новобранцев. Почему призывников северных территорий нашей огромной страны отправляли служить на юг, а южан перевозили на север? Чтобы солдату жизнь мёдом не казалась? Так её и без того

курортным романом не назовёшь. И это ещё не всё: довольно часто профессиональных поваров переучивали, к примеру, на миномётчиков, радистов или танкистов, а ребят с водительским удостоверением на два года отправляли на пищеблок.

После третьей неудачной попытки тягача нервы вдруг сдали у меня: «И долго ты, снайпер, будешь ёрзать?». У взводного в глазах мелькнула искорка надежды, и он, оживившись, спросил: «А ты сможешь?».

«Надо попробовать», – не задумываясь, ответил я.

Последующие наши действия не потребовали команд или уговоров. Новичок, утерев пот со лба рукавом гимнастёрки, шустро выпрыгнул из машины, расположил в стороне, сменив испуганное выражение лица на «от греха подальше».

Я влез на невысокий танковый нос. Зная о том, что прежде, чем сесть, придётся опуститься в люк и стать на сиденье, ударами каблуков о край брони сбил налипшую пыль. Попав в люк, бросил беглый взгляд на рычаги управления и вспомнил добрым словом прапорщика из автопарка в сержантской учебке. Узнав о том, что, возможно, меня отправят в Афган, он, уже отслуживший в ДРА, по доброте душевной познакомил меня со штурвалом боевой машины пехоты и рычагами танка Т-62, при этом сказав: «А вдруг пригодится?». И вот, пригодилось.

В профтехучилище к сельхозцепкам, будь то сеялки, плуг, бороны или культиватор, на гусеничном тракторе ДТ-75 подъезжали задним ходом. Здесь же задача была попроще, всё впереди, перед глазами. Чуть отъехав назад, переключил передачу и медленно тронулся в обратном направлении. Крепления на броне, приближаясь к креплениям на тралах, наконец-то совпали с ними. Взводный, по-прежнему стоявший справа, сказал: «Завтра на боевые водителем-механиком поедешь ты. А там, глядишь, и заболевший из санчасти выпишется. Дизентерия лечится недолго».

И уже вечером следующего дня случилось ЧП, где опять понадобилась моя помощь. Вечерний полумрак, не сопротивляясь, постепенно уступал ночной темноте. В командирской двухместной палатке тусклым светом горела над головами запитанная от автомобильного аккумулятора переноска. С озабоченными лицами, скрестив ноги на местный манер и склонившись над развёрнутой небольшой картой, сидели ротный и взводный.

«Климов, заходи», – сказал капитан, увидев просунувшееся в дверной брезентовый разрез моё лицо. Я быстро нырнул в палатку, проверил, чтобы свет не просачивался наружу и, тоже поджав ноги, сел спиной к входу. В дальнем углу палатки лежал небольшой, серебристого цвета, японский магнитофон.

О том, откуда я знал, что в подкассетнике находится кассета с авторским концертом Владимира Семёновича, я не скажу, пусть это будет тайной. Но что ради-

омагнитоле скоро придёт каюк – никому из нас еще не было известно. Мощный взрыв сорвёт палатку, превратив её в решето. Взрывная волна оставит одни лохмотья от заморского динамика. Жертв удастся избежать лишь по причине отсутствия постояльцев.

«...Им уже отдан приказ снимать башенное орудие с боеукладкой и оставлять машину в арыке до утра, – продолжил прерванный разговор командир. – Однако опасаются, что БМП в любой момент может завалиться набок или, хуже того, опрокинуться и лечь в воду вверх дном. Вот тогда уж точно жертв не избежать, – затем, выдержав секундную паузу, взглянув на нас, добавил: – Они до последнего надеются спасти БМП из арыка».

Опустившись в машину, я закрепил автомат по левую руку, зафиксировал люк и водительское кресло в походном положении. Это когда голова танкиста дышит свежим уличным воздухом, а тело парится внутри ещё не остывшей брони.

В полной темноте нащупал правой рукой резиновую кнопку запуска двигателя и дал старт. Тягач на базе танка Т-62, словно соглашаясь с тем, что грех своих в беде оставлять, нарушая тишину, ухнул мощным дизелем. Надевая шлемофон, я взглянул вправо и вверх. На фоне беззвёздного тёмного неба командир, как и я, на ощупь приводил станковый пулемёт ДШК в боевую готовность. Поправляя микрофоны на шее, в наушниках услышал голос с мягким армянским акцентом:

«Готов?».

«Так точно».

«Трогай».

Машина, оставляя по правому борту притихший лагерь, а по левому – ещё днём отцепленные минные тралы, лязгая гусеничными траками, плавно пошла задним ходом. На мгновение остановившись, всковырнув податливую почву, повернулась на девяносто градусов против часовой стрелки и, оставляя рифлёный след, поползла вверх из ложбины на дорогу.

«Ну, с богом», – вроде как кто-то изнутри меня, далёкий от материалистической идеологии, проговорил эти слова.

Пара серебристых лучей из замаскированных фар, сливаясь, рисовала на земле узкую дугообразную полосу света. Минут через пять, когда дорога раздвоилась, свернули влево. Заметно сузившись, она виляла из стороны в сторону и одновременно верх и вниз. Тягач, плавно проглатывая неровности, уверенно углублялся в зелёнку. Потянуло влагой, и лицо погрузилось в прохладу. В лучах ближнего света показался небольшой мост и тут же исчез под клацающим металлом. Слева по ходу тянулся виновник ночного ЧП – довольно широкий по местным меркам злосчастный арык. С другой стороны – мрачной стеной редколесье.

«Судя по карте, где-то здесь наши ребята», – едва успев подумать, увидел торчащие вверх из земли длинный ствол автоматической пушки и заострённый нос БМП. Увидел и вспомнил – из другой, гражданской жизни – потешный случай.

* * *

Нарушая летнюю ночную тишину, спаявшись в движении, наездник и уже упоминавшийся двухколёсный железный конь с длинным именем «Иж Планета Спорт» летели домой. Лёгкая спортивная одежда – под стать мотоциклу: белая футболка и чёрное трико позволяли всему телу чувствовать встречный ветер. В низинах была в свободное от шлема лицо влажная прохлада, на возвышенностях ветер согревал тело тёплой кошачьей лапкой. Ночная скоростная езда приносит удовольствие при наличии двух факторов: острого зрения и яркого светового луча. Эта парочка и позволила в последний момент заметить на узкой земляной дороге внезапно возникшее препятствие.

Россия славится своей непредсказуемостью, подстерегающей даже там, где её меньше всего ожидаешь. Машинально, не раздумывая, даванул ножной и ручной тормоза. Оставляя след на дороге, пройдя юзом, мотоцикл встал как вкопанный. Фара осветила свежую земляную насыпь, за которой темнела траншея.

Лететь бы мне с трамплина прямиком в канаву, да, видать, не судьба оказаться именно в этой яме. Не дождавшись ответа на резонные вопросы: «Зачем? А где предупреждающие знаки?», стал разворачиваться. Вывернув руль до упора влево, отталкиваясь стопами о землю, попятился по дуге назад. Глаза, привыкшие к свету, отказывались воспринимать окружающую ночную картинку. Кисти рук, сжимая руль и почуяв неладное, были готовы отпустить муфту, чтобы мотоцикл, дав газу с пробуксовочкой, рванул с места вперёд. Однако земное притяжение сработало гораздо быстрее и слаженней, чем моя реакция. Мгновение, и, скатившись в овраг, по-прежнему удерживаясь в седле, я смотрел уже в обильно усеянное звёздами небо. Двигатель смолк, луч тщетно пытался осветить космические просторы вселенной.

«Туда, на небеса, кажется, мне ещё рановато, а вот аккумулятор точно надо беречь». Переводя дух от молниеносно сменившихся декораций, провернув ключ, вырубил зажигание.

«Ну и темнотища! Едрит твою дарданела, три кобылы...» и, не закончив длинную тираду ругательств, встав с седла притихшего друга, я провалился в нечто трясиноподобное, отрезвляющее своею прохладой. На небеса – рановато, а вот в преисподнюю с кошмариками попасть точно желания не было. Интуитивно соглашаясь с наимудрейшими, что «наилучший путь – это срединный путь...», цепляясь за высокую траву, на четырёх мослах рванул туда, где, судя по расположению Полярной звезды, проходила дорога жизни. Не помня себя, подталкиваемый в пятую точку инстинктом самосохранения, пулей взлетел вверх. Используя лунный свет, попытался объективно оценить изрядно пострадавший внешний вид.

И оценил: «Поздравляю тебя, Славик, ты балбес!». Живым облаком вокруг зуда и жужжала неведомо откуда взявшаяся мошकारа. Не слишком приятный аромат и до середины бёдер налипшая грязь вперемешку с водорослями говорили о том, что, впрочем, ничего страшного не произошло. По неосторожности оказался всего лишь в гостях у Водяного, а точнее, в местном болоте.

Текущая от Голубых озёр безымянная речушка шириной в мальчишеский прыжок (девочек захохотать не привлекали), катясь по наклонной мимо Каменной горы, летом на своём пути утоляла жажду отарам овец, возле поселения поливала огороды и перед тем, как раствориться в Егорлыке, питала небольшую, поросшую камышом заводь.

Осторожно ступая, чавкая ногами, приблизился к склону, увидел в темноте болотных зарослей лишь светлый кусочек никелированного переднего крыла. И до боли знакомый, похожий на мой печальный взгляд, погасший зеркальный глаз фары. «Интересно, насколько глубоко влипла задняя часть? Судя по замершему полусвечкой мотоциклу, самостоятельно 135-килограммового железного коня из гостей не извлечь. Значит, надо идти домой за помощью».

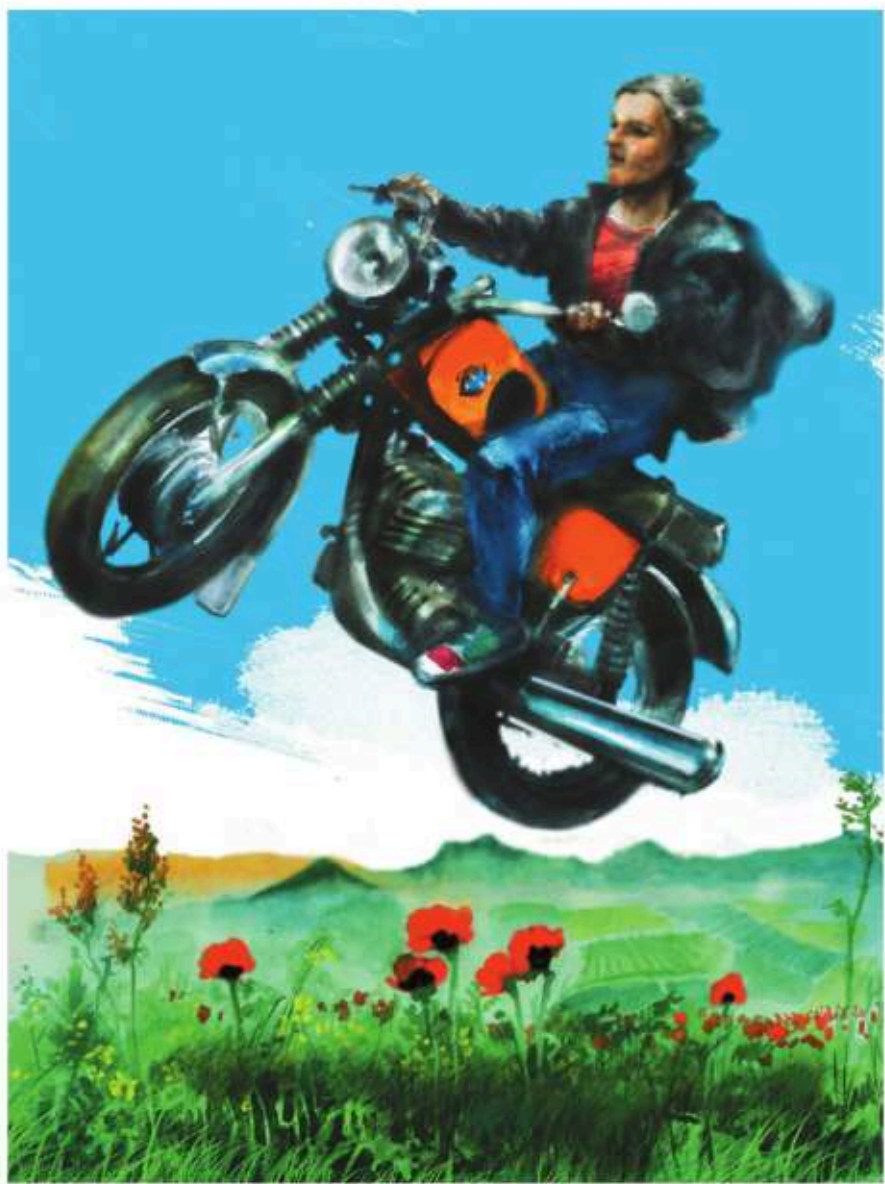
Распустил на болотных лаптях, в прошлом – кроссовках, когда-то белые шнурки и, сняв носки, отправил их в обувь. Подкатав трико, пошлёпал босой по приятной своей теплою земле. Где-то за рекой, прорываясь сквозь лягушачий хор, прерывисто пела кукушка. В воздухе стоял головокруглительно сладкий аромат цветущей масляны. Маячивший впереди посёлок Пионерный, ни о чём не подозревая, спал себе беззаботным сном.

«Везёт же людям. Им не придётся будить своих домочадцев». Пройдя окольными путями по окраине, вскоре пришлёпал к своему дому. Калитка во двор ждала, настежь открытая, подпёртая камушком снизу. Родители позаботились: «Пусть сыночек без остановки влетает домой!».

«Ну да, ну да. И сыночек влетел...». Оставляя справа калитку и двор, подошёл к водопроводному крану, стоящему у неширокой асфальтированной дороги. Умылся холодной проточной водой. Поочерёдно подставляя ноги, горевшие от ходьбы босиком, омыл и одновременно остудил стопы. Махнув в сердцах рукой на когда-то чёрно-белые кроссовки, с грустью выпрямился.

Пронизывая взглядом утопающую в зелени дорогу, понял: «Поддержки не будет, все охламоны давно уже спят». В конце тополиного тоннеля тускло маячило светлое пятно фонаря. Там стартовала улица Набережная. Полчаса ходьбы, и меж двух шлюзов – справа бетонного, а слева оросительного каналов, откроется взору Новотроицкое водохранилище. По другую сторону от меня улица, теряя своё название, переходила в инспекторскую дорогу. Шла она параллельно Правоегорлыкскому оросительному каналу, как говорится, в никуда.

Однажды я попытался найти её финиш. После двадцатикилометрового ровенького асфальта попал на зубодробительную гравийку. Избегая то кочки,

то ямы, рискуя целостностью позвоночника, готового в любой момент просто ссыпаться в нижнее бельё, продолжал ехать или, точнее, скакать. Любопытство, подгоняемое настырностью, вывели к селу Донскому, на трассу «Ставрополь – Ростов-на-Дону». Водно-дорожная параллель отправилась дальше своим путём, а я своим.

В ласково шелестящих тополях пронзительно закричал сын. Совсем недалеко, из-за оросительного, отозвался такой же тоскливый птичий голос. Развернувшись к своим спящим тёмным окнам, решил, что, как ни тяни, всё равно придётся будить. Взбучки не боялся, знал, что её просто не может быть. Даже когда я однажды в первый и последний раз напился в хлам, утром никто слова не сказал. Меня, не курящего и не пьющего, ребята взяли на слабо. Рассердившись, одним махом на голодный желудок, да без закуски, накатил гранёный стакан водки. Вернули меня с репетиции вокально-инструментального ансамбля, взяв под мышки. Оставили качающегося на волнах у двери и, дождавшись, когда я втиснусь, быстренько смылись. Оказавшись в коридоре, не зажигая света, попытался разуться и с грохотом рухнул. Мама, с трудом приоткрыв дверь, спросила: «У тебя всё хорошо?».

«Да, даже очень». Лёжа на спине, пытаюсь стянуть упрямую правую туфлю, кряхтя, добавил: «Я просто здесь йогой занимаюсь».

Тщательно вытерев босые влажные стопы о коврик, войдя в комнату, сказал не громко и не тихо: «Родственнички, мне нужна помощь».

«Что случилось?», – из темноты спросила мама.

«Да я на мотоцикле в болото угодил».

Отец отнесся к ситуации по-деловому: «Что надо взять с собой?».

«Верёвку и доску». Тут начал ворчать недавно вернувшийся с гулянки и успевший заснуть старший брат. Зная наперёд, что он может по такому случаю сказать, я вышел на улицу, чтобы, не теряя времени, отыскать в сарае необходимое. Вскоре по узкой тропке, уклоняясь от разросшихся кустов амброзии, шли четверо. Я направляющий, с доской на плече и с верёвкой, собранной в ковбойское лассо и надетой на другое плечо. Потом мама с отцом. Братан нехотя плёлся последним и сонным голосом продолжал бурчать: «Носит тебя нелёгкая по болотам. На дворе лето, везде сухо. Ну и катался бы на своём мотоцикле, как все нормальные люди, по асфальту».

Осторожно ступая по приятно гладкой земле по-прежнему босыми ногами, я шёл молча.

«Где ты отыскал эту грязь?», – не унимался брат.

«Где-где, в Караганде. Скоро увидишь...», – негромко ответил ему, зная, что в ночной тишине, наполненной сверчковыми трелями, всё равно услышит.

Вообще-то он со своей точки зрения отчасти прав. Но лишь отчасти. Ботаником братана не назовёшь, но, несмотря на наше кровное родство, мы всё же разные. Можно и, наверное, нужно двигаться по широкой, протоптанной дороге. Так, по крайней мере, легко и безопасно, однако такая жизнь для кого-то покажется похожей на сладкий, вязкий, домашний кисель. Невозможно передать ощущения летящего на мотоцикле, когда в ушах лишь рёв мощного двигателя и шелест встречного ветра, по сторонам узкой просёлочной дороги мелькают деревья и луга. Стоящее сплошной стеной кукурузное поле или головастый подсолнечник сменяется низким пшеничным ковром. Колхозные уголья, оставаясь за спиной, переходят вдруг в тянущиеся без конца и края лесостепи. Но самое интересное, что на пути может встретиться разная живность, и ты с ними как бы заодно. Не охотиться за беззащитными зверюшками, а успеть затормозить, дав возможность скрыться в темноте. Встречались ночные охотники за мышами-полёвками и змеями, деловито-валуховатые колючие головы со своими ежатами. Отражая луч света зелёными хитрыми глазами, вильнув на прощанье грязно-серым хвостом, убежали лисички.

Встреча с тушканчиками всегда вызывала улыбку. Ночной зверёк покидает свою норку после заката солнца и всю ночь скачет в поисках пропитания. Ведомый любопытством, довольно часто попадает в луч мотоциклетной фары, и тогда начинаются гонки. Светло-коричневый грызун, прыгая на расстояние до трёх метров, по неизвестной причине держится освещённой дороги, не уходя в темноту. Поджав маленькие передние лапки, отталкиваясь сильными задними, развивает скорость до пятидесяти километров в час. Рассекая ночную темноту приплюснутой мордочкой с большими испуганными глазами, он словно летит над землёй, размахивая длинными ушами как знамёнами. Маневрируя на большой скорости достаточно длинным хвостом с плоской кисточкой на кончике, тушканчик похож на маленького кенгурёнка. Давая возможность уйти от погони, довольно часто приходилось останавливаться и выключать свет или увести луч в сторону.

Однажды в последний момент увидел на дороге серый комочек, увидел и, рискуя вылететь в скрытый во мраке овраг, рванул руль в сторону. Остановившись в густой высокой траве, сгорая от любопытства, вернулся обратно. Яркий луч осветил зайчонка. Заглушив двигатель, чтобы не пугать малютку, поставил мотоцикл на подножку, подошёл к недвижимому комочку. Взяв в руки детёныша величиной с кулак, отнёс дрожащего от страха в стог сена. Поддав газку, нарушая тишину мощным гулом, снова двинул – только вперёд.

Земляная утрамбованная дорога в любой момент могла свернуть или смениться огромной невысыхаемой лужей. Надейся только на себя, будь то день или ночь, а ты один среди первозданной природы, в малознакомой местности, где нет машин, людей и, главное, беспокойных и, как репей приставучих, милиционеров. Ничто в мире не сравнится с ощущением свободы. Свобода и риск есть два птичьих крыла. Каждый человек имеет право на свой выбор. И каким бы этот человек ни был, никто не лучше и не хуже. Кому-то нравятся виноградные ягоды, а кому-то – виноградное вино. Это желательно понять и принять.

Справа и слева от застывшей памятником бронемашины стали появляться бойцы, занявшие оборону вдоль берега. Подъехав на максимально близкое расстояние, развернулся на месте, остановившись спиной к каналу, сразу погасил освещение. В наушниках по внутренней связи прозвучал знакомый голос : «Выпускай лебёдку». Соединив две машины тросом, катушка лебёдки, теперь вращаясь в обратном направлении, стала постепенно натягивать сцепку.

«Как же она невыносимо медленно крутится», – в этот момент думали мы. В подтверждение тому голос в шлемофоне скомандовал: «Давай потихоньку вперёд». Включил пониженную скорость, и, подминая под себя мелкий кустарник, тягач без усилий стал вползать в темноту. Запахло свежей зеленью. Что творится за спиной у водителя-механика иначе как мёртвой зоной не назовёшь. Как ни пытался я определить это по звуку движка или почувствовать по дрожи металлического корпуса, всё тщетно.

Стальной силач, как пушинку, вынул четырнадцатитонного «утопленника» из грязного арыка. Вскоре в безлунной ночи, нарушая тишину ревом двигателей и гусеничным лягом, мы устремились к своим. БМПшка вела себя, как маленький щеночек, вырвавшийся на долгожданную прогулку, выбрасывая траками разнокалиберные комья грязи, крутилась и весело подпрыгивала на ухабах. Долгожданный мост спасенные проскочили, чуть сбавив скорость. Но этого было достаточно, чтобы в лучах света фар увидеть размеры моста и идущей по нему машины. Увидеть и понять, насколько же он узок. Подъехав поближе к переправе, я остановился. Взводный думал о том же, быстро спрыгнул с брони и пошёл на мост. Сняв шлемофон, я с удивлением сказал: «Даже не верится, что мы здесь уже проезжали».

«Спешили на помощь, – как-то озадаченно ответил взводный. – Давай на малых», – и, пятясь назад, ко мне лицом стал направлять ход машины. БМП, развернув скорострельную авиационную пушку в сторону притихших зарослей, застыла, погасив огни. Повисший в паре метров над водой мост на полкорпуса превышал длину тягача, медленно вползающего на спину старой переправы, явно не рассчитанной на такие тридцатитонные тяжеловозы. Мне было слышно, как бедняга-мост кряхтел и потрескивал, как где-то внизу сыплется в струящуюся в темноте воду мелкая крошка упрямых каменных опор. Слышал, но взглянуть, что находится слева по борту, мешала дополнительная броня.

Проехав весь путь туда и обратно, так и не встретили ни единой что четвероногой, что двуногой живой души (естественно, шестеро наших не в счёт). Вырвались на свободу дорожной ленты, и прямо в уши голос сказал: «А ведь гусеницы сантиметров по пять висели над водой».

«Не на один день строили афганцы, для себя», – притопив рифлёной подошвой педаль акселератора, увеличивая скорость, словно разговаривая сам с собой, ответил ему...

Неделю спустя мы возвращались с боевых действий, и ситуация с «утопленником» повторилась. Гремя металлическими катками на всю округу, с крейсерской скоростью в полста километров в час, утюжили дорогу. Слева под раскидистым деревом, рядом с проезжей частью, стоял советский танк – взгляд прямо-таки примагнитился к нему. Легендарный Т-34 застыл отнюдь не в виде памятника на постаменте, а как вполне бодренькая действующая единица на боевом посту. Экипаж из трёх человек, в подозрительно чистеньких чёрных спецовках, с серьёзным видом восседал на выкрашенной броне. Аналитический ум сразу подметил нестыковочку – чужие азиатские молодые лица – и участник битвы с фашизмом. Возможно, танкисты прошли подготовку в СССР, и им были известны технические характеристики и трудный путь среднего танка, но не более. Для нас же машина олицетворяла символ Великой Победы.

Плавно изгибаясь, дорога уходила влево, открывая взору сверкающее в утренних солнечных лучах, питающееся подземными водами озерцо.

«Прекрасное место для отдыха», – размечтался я. На берегу рядом с проезжей частью стояли двое военных. Один, видимо, старший по званию, размахивая руками, ругал подчинённого. Провинившийся стоял у воды, понурился, как старик в известной сказке о золотой рыбке. Старшой – в тёмно-зелёной форме – подобно старухе из соответствующей сказки – униматься даже и не думал, а младший вместо невода держал в руках буксировочный трос. Большая часть металлической нити уходила в изумрудную воду.

Офицер, завидев нашу колесницу, прервав «политзанятие» и устремив взор на нас, нервно зашагал к дороге. Мы, поравнявшись с водоёмом и подчиняясь просьбе ждущего помощи, остановились. Чисто выбритое тридцатилетнее лицо, красное от гнева, вступало в приятный контраст с зелёной кепкой и белой подшивой. Для меня так и осталось тайной, почему водовоз запитывался водой именно здесь. За свою недолгую жизнь я уже второй раз видел похожий неординарный случай.

В такой же прекрасный утренний час, но у себя дома, мы шли втроём купаться на излюбленное место большинства поселковых ребят – шлюзы бетонного канала. Выгнувшись дугообразным руслом на восток, длиной в два футбольных поля, канал преобразовывал энергию воды в электрический ток. Не успев начать, водная артерия уходила в шахты и вращала турбины небольшой ГЭС, а вырвавшись из-под земли на свободу, сливалась с рекой Егорлык. Быстрое течение, всегда прохладная и чистая вода, а главное, запрет купания на шлюзах и притягивал любителей острых ощущений.

В те времена входные шлюзы, откуда брали своё начало оросительный и бетонный каналы, охраняли и поддерживали там порядок бабушки-пенсионерки. Когда нас собиралось слишком много, стражница выламывала хворостину подлиннее и шла в атаку. Предчувствуя такой расклад, мы заранее прятали одежду в густые кусты под абрикосовые деревья. Бабушка-божий одуванчик, размахивая, как саблей, зелёной хворостиной, гоняла нас вокруг двухэтажной постройки и

кричала вдогонку: «Да чтоб вас дождь намочил!». В ответ мы, и без того мокрые, со смехом взбирались на перила моста и прыгали в быструю изумрудную воду. Уходили под шлюз и выныривали уже в русле канала. Ругань бабули вызывала смех: она желала нам того, чего мы сами желали себе – купания под летним тёплым ливнем. Особо обезбашенные, цепляясь за фигурные выступы отвесной стены, взбирались на плоскую крышу шлюзов. Но ныряли в устье, перелетая через бетонный мостик, лишь трое из нас – Санёк, Юрец, ну и я.

Спустя пару лет купание было строго-настрога запрещено. Влезая на крышу второго этажа, мальчик сорвался, ударился о металлическую конструкцию и утонул.

Всё это случилось позже, а пока мы шли купаться и увидели затонувший в канале водовоз. Зелёная бочка, покачиваясь на волнах быстрого течения, то всплывала, то уходила под воду, как рыбацкий поплавок гигантских размеров. В прозрачной воде, усердно выполняя своё предназначение, совсем не к месту моргал левый поворотник и горели красные стоп-сигналы. В данной ситуации подводная цветомузыка больше походила на сигнал бедствия – SOS. Вскоре подошёл ходивший за помощью молоденький водитель. От переизбытка чувств выпалил всё как перед прокурором: «Приехал за водой, слишком приблизился к крутому берегу, не удержал машину и лишь успел выпрыгнуть, а она ушла купаться».

С военной водовозкой дела обстояли похуже. Ёмкость сначала наполнилась, а затем ушла под воду. Не с первого раза, развернув свой без малого одиннадцатиметровый длинномер, я подъехал к кромке воды. Накинул на буксировочный крюк тягача «галстук» и дал передний ход. Перебравшись на противоположную обочину дороги, остановился. Зеркал заднего вида у танка нет, поэтому пришлось покинуть водительское отделение.

Не снимая шлемофона, отсоединив разъём от бортовой рации, чтоб получше рассмотреть улов, выбрался на броню. Все стояли с разочарованно-задумчивыми лицами. На противоположном конце троса оказалось то, что меньше всего ожидалось. На каменистой кромке берега, стекая сверкающими в солнечных лучах бисерными капельками воды, потемневший от времени и поросший тиной, печально вытянувшись, на спине лежал погибший грузовой автомобиль. Судя по тине и ржавчине, беда случилась много лет назад. Вдыхая сырой запах водоема, все думали об одном: «Жив ли водитель сгоревшей машины?». О том, что она действительно сгорела, говорили ржавые проволочные кольца покрышек, висевшие на потемневших, затянутых зелёной порослью колёсных дисках.

На противоположном берегу озера трое военнослужащих в защитного цвета форме, глушили рыбу.

Сваренной на костре ушицы с запахом дымка захотелось служивым. Рыболовецкие снасти, знамо дело, отсутствовали. Однако ж взрывчатых веществ, как и гуталина – просто завались...

В ответ на брошенную гранату водно-зеркальная гладь вставала вспенившимся стеклянным нарывом. И, плавно оседая, ложилась возмущенно-нервной рябью... Учитывая, что на Мадрасу шли неожиданно-негаданно спасать двух пропавших, дорогу заминировать, скорей всего, не успели. Но в кишлаке, укрывшись за постройками, сделать пакость легко.

С трудом вписываясь в узкие петляющие улочки, вытянувшись стальным монстром, тягач начал свою незавидную рискованную работу. Счесьывая углы глинобитных оград, он то и дело скрывался из виду и появлялся вновь. Медленно протискиваясь сквозь клешни сплошных земляных стен крохотного, словно вымершего, поселения, остановились вновь. «Если сейчас раздастся незапланированный взрыв, то наша команда потеряет, в лучшем случае, одного сапёрившего дорогу». И, в зависимости от мощности взрыва, как правило, измеряемого в тротиловом эквиваленте, станет известен печальный результат. В пору ли придётся стандартных размеров дембельско-цинковый «фрак» или будет он до неприличия велик.

Справа, на расстоянии вытянутой руки, присоедилилась стена, высота которой не позволяла заглянуть во внутренний двор, даже если ты возвышался на броне. Я сидел по левому борту и не верил своим глазам. Буквально в двух метрах от колёс расположилось нерукотворное озерцо размером с половину футбольного поля. Безоблачное чистое небо позволяло солнышку качественно выполнять предназначенную творцом работу, ощущающуюся даже костями. И уже не в первый раз за время службы на чужбине, в субтропиках, появилось не менее жаркое желание выключить грозовой тучкой небесную печь хотя бы на денёк.

Я сидел, загипнотизированный неожиданной долгожданной встречей. Ведь сколько помню себя, проживал возле водоёмов.

«Ты что, перегрелся?», – толкнув меня локтем, спросил мой друг Олег.

«Я пить хочу», – не отрывая глаз от густых кустов и невысоких деревьев, окруживших озеро, чуть слышно выдавил пересохшими губами. Секунду спустя предо мной появилась фляжка с водой. Литровая пластиковая ёмкость была обшита сукном от старой шинели. Эту хитрость мы позаимствовали у местных жителей. Кувшины для питьевой воды они делали особым образом. В сырую глину подмешивали солому, и кувшин после обжига оставался постоянно влажным, пропуская жидкость сквозь стенки. Такая незатейливая холодильная установка сохраняла воду прохладной, даже если кувшин стоял на солнцепёке.

Наш самодельный чехол обшитой фляжки по возможности запитывался влагой и помещался на ветру. Вода, конечно, была далека от кувшинной, но всё же...

Я отодвинул давно высохшую на горячем ветру полупустую флягу и, расстёгивая ремешок раскалённой, как и всё вокруг, каски, сказал Олегу: «Я хочу холодной воды. Ключевой». Сброшенный бронезилет быстро накрыл лежащую на броне каску. За ним последовал автомат и ремень с подсумком.

«Прикрой меня», – сказал я ошалевшие смотревшему на меня дружку. Спрыгнул на предварительно обследованную глазами мягкую подушку из пыли. Пара шагов, и запылённые полусапожки, заблестев влагой, обрели свой естественный чёрный цвет.

Не останавливаясь, ещё раз внимательно осмотрел береговую линию, где за каждым кустом или камнем мог оказаться бородач, держащий палец на спусковом крючке. Единственный неслышно появляющийся и теряющийся в зарослях ручеек подтверждал версию, что озеро питается подземными родниками. Чистая тёмная вода говорила о том, что здесь глубоко.

Дно ушло из-под ног до того, как плотно зашнурованная обувь зачерпнула влагу. От резкого температурного перепада всё тело покрылось мурашками. Студёная вода приятной хваткой сжимала тело. Потеряв опору, я бесшумно поплыл.

Каждая клеточка, вбирая живительную прохладную силу, ликовала, вспомнив знакомые с детства движения и ощущения плывущего. Впитавшее воду обмундирование заметно мешало, но удовольствию не препятствовало. Несколько уверенных гребков, и я оказался в центре насыщенно-зелёной подковы. Густые трава, кусты и приземистые деревья, напоённые влагой, прижимались к дарующей жизнь зеркальной глади. В этот момент природа и человек – без национальной, религиозной и политической окраски, – испытывали одну и ту же благодать существования в общем доме под названием Земля. Удерживаясь на плаву, оглянувшись, увидел меж двух плоскостей – яркой небесной и тёмно-блестящей водной, – на фоне вытянувшейся полоски чужой глиняной ограды, застывших в тревожном ожидании, измазанных пылью, уставших наших мальчишек.

Втянув полные лёгкие ароматной сырости, быстро скрылся под водой. Уйдя в глубину, замер, повиснув, как в невесомости, стал с жадностью пить, пить озеро... Долгожданное утешение, как всегда, наступило быстро, гораздо раньше того, как почувствовалась нехватка кислорода. Преодолевая сопротивление воды и огрубевшей одежды, работая молодым телом, не всплывая на поверхность, развернулся и, как говорят мореманы: «Лёг на обратный курс».

Водная процедура заняла минимум времени, но этого вполне хватило, чтобы одним махом напиться, помыться и выстираться. Ребята с пониманием смотрели на мой отчаянный демарш, однако повторить заплыв никто не решился. Оставляя мокрый след, со счастливым лицом взлетел на броню. Давая возможность уйти лишней воде с ненадолго потемневшей одежды, постоял на корме весь такой сияющий, взявшись за ребристый пулемётный ствол, предусмотрительно направленный в сторону «зелёнки». Откуда-то слева, с хвоста колонны, послышалось размеренное, частое, длинное стрекотание. Судя по всему, ручной пулемёт. Духовский стрелок только что и навсегда вывел из строя ставропольского лейтенанта, тяжело его ранив.

К тому времени как мы подошли к назначенной цели, влажный след экстремальной стирки давно испарился.

Солнышко, перебравшись на вторую половину светового дня, клонясь к древним, как мир, горам, слабело и не так сильно палило. Самоходные артустановки издали долбили кишлак, остальные броневички заняли огневую позицию на сопках. Я полулежал, опершись на башню, в шлемофоне, с автоматом на коленях и, борясь со сном, наблюдал за тылом. Пока САУшки отработывали свою партию, солдаты, улучшив момент, пытались уснуть, сказывалась бессонная ночь. Спаяв небо с землёй, живым пламенем дрожал мираж. Пара одnogорбых верблюдов с детёнышем отрешённо паслась у кромки зеркальной глади не существующего иллюзорного озера.

Звучащий в наушниках размеренный голос артнаводчика, словно играя в морской бой, корректировал огонь. Вдруг прямо над головой просвистело что-то довольно серьёзное. Мне даже показалось, что я увидел шелестящую рядом болванку. Мгновение, и бронетранспортёр подбросило и заколыхало, словно на волнах. В ложбине меж сопок ухнул взрыв. Из командирского люка, как ошпаренный, выскочил заспанный капитан. Выхватил у меня шлемофон и стал кричать в эфир, да так громко, что артиллеристы его б и без рации услышали. Сначала последовали матюки. Затем офицер посоветовал взять ближе и левее: «Вот тогда вы точно накроете свою «коробочку с карандашами». Монолог заканчивался тем, с чего начался – нецензурной бранью. После артобработки, вытянувшись цепью, мы пошли на зачистку злого кишлака. Расстрелянных в упор солдатиков обнаружили в арыке.

Сняв головные уборы, медленным шагом, военнослужащие шли проститься с однополчанами. Два цинка стояли на полковом плацу.

Глава 4

...крутой разворот, остановка и взрыв.
И в клочья броня, и душа на куски...

С Энди мы подружились быстро. Сошлись два своенравных характера с общим взглядом на жизнь. За продукты не дрались, не унижались и подачек не вымаливали. Не скулили, напрашиваясь на жалость, но обидчикам показывали зубы. Основное отличие заключалось лишь в том, что она чепрачная немецкая овчарка, а я шатенистый русский солдат. Но задача у нас была одна – выжить и людей спасти от затаившихся в смертельной опасности мин. Ловко орудя молотком (крушить – не строить) разбирал ящики от боеприпасов. Освободившиеся доски шли на постройку собачьей будки. Материалом старшина разжился на артскладе. В прямом смысле слова, материалчик – мечта любого столяра: ровненький, сухой и душистый...

Пилил не торопясь, захваченный размышлением о гражданке. Память рисовала тонущий в пестроте разноцветья и зелени компактный посёлок Пионерный, одноэтажную школу, в которой учился с пятого по восьмой класс. После уроков, накушавшись аж до икоты гранита познания, волоча, казалось, пудовые портфели, уныло расходились по дворам.

Дома дважды мыл руки с бактерицидным средством. Аккуратно складывал одежду, устраивая её в шкафу, и медленно, тщательно пережевывая еду, обедал. Затем сразу усаживался выполнять заданные уроки. Разбирал правописание, зазубривал теоремы и формулы, ломал голову над арифметикой...

Ага, как бы не так. Всё обстояло с точностью до наоборот. Портфель летающей тарелкой пикировал прямиком в самый дальний угол комнаты. Едва согретый обед проглатывал подобно чайке. Скучная домашка, впрочем, как и в предыдущий день, задвигалась – до лучших времён. Приободрённые и переодетые, вновь собирались сугубо юношеской командой. На деревянных верстаках в школьной мастерской раскладывали чертежи и с умным видом планировали работу на оставшееся дневное время. Кружок «Наши руки не для скуки» официально назывался «Моделист-конструктор».

Трудовик Александр Иванович раздавал каждому по потребностям – наждачную бумагу и лобзик, шпангоуты и гвоздики, «баксидку» и краску, всего не перечислить. Скрупулёзно, день за днём, терпеливо и даже иногда нудно мастерили уменьшенные копии катеров, кораблей и самолётов. В праздничные дни выставляли свои работы на всеобщее обозрение. Ярким пятном, как результат усердия, помнилась поездка на краевую показательную выставку моделей, проходившую в центральном Комсомольском парке города Ставрополя...

Давно раздражавший своим присутствием ротозей спросил: «Ты до армии работал плотником?».

Считая его виновником разбитого молотком пальца, выстрелил снизу вверх острым взглядом. Очень захотелось связвить в ответ думающему, что картофель растёт на деревьях, а молоко вытекают из крана на молокозаводе.

Утерев пот тылом ладони, ответил, что деревня всему научит.

Отложив в сторону ножовку, сел на землю в тенёк. Прислонившись к прохладной стене, рассматривал руки, усеянные опилками. Вдыхал запах дерева, запах дома. Мне всегда нравилась свежесть скошенной травы, вспаханной земли, древесной стружки. В лесу на берегу Кубани жила наша семья, откуда и стартовал мой жизненный путь.

Отец Анатолий лесорубил в лесхозе. Мама Нина воспитывала двух сыновей-погодков. Мы подрастали, надо было готовиться к школе. Переехали ниже по течению реки в село. Пилили с раннего детства. Старший брат хозяйничал ножовкой больших размеров. Моя пила зубом помельче, но зато с фигурной ручкой. Тискали туда-сюда металлическое полотно, то и дело поправляя на взмокших головах чёрные шапки-ушанки с привинченными красными пятиконечными звёздами.

Зимой печь топилась дровами. После растопки слегка пахло дымком. Дружески потрескивающие поленья создавали уют и покой. Печь постепенно заполняла

собой всё пространство. В темноте, пробиваясь меж чугунных колец, пламя причудливо играло на стенах и потолке. Жёлто-красные зайчики незаметно бледнели, сползая в детский сон.

Когда подросли, отец укладывал на «козла» ствол высохшего дерева и вручал двуручную пилу «Дружба» или, иначе, «Тяни на себя». Вжик, опилки тонкой струйкой оседали на землю в одну сторону. Вжик – в другую. Бывало так, что ругались, обвиняя друг друга в слабой тяге.

Станица Богословская лежала вдоль реки, упираясь в Кубанский лес. Такое красивое название она носила до Октябрьской революции. Возможно, красный кавалерист Балахонов был хорошим командиром. Но зачем, приспособливаясь крушить старое и красить себя в новый цвет, мы, некудышные потомки, как ужаленные торопимся все переименовать и ходим павлинами?

Подошла Энди и улеглась рядом в тени. Дружески потрепав за мягкую холку приземистую овчарку, про себя добавил: «Ты права, пора идти за твоей законной воинской пайкой». Дальнейшие события протекали, как в заученной ещё в восьмом классе песне: «Опять тревога, опять мы ночью вступаем в бой».

Головная восьмиколёсная машина, преодолевая морщины земли, то проваливалась в неглубокие овражки, то, задрвав нос, выравнивалась на поверхности плато. Гусеничный лязг, сплетаясь с гулом мощных моторов, расталкивал утреннюю тишину, упрямо в нее врезаясь. «Ниточка», остерегаясь мин и оцетинившись стволами, тянулась параллельно едва заметной просёлочной дороге. Песчаный окрас брони сливался с поверхностью земли.

Справа наступала цепочка гор. Слева теснила «зелёнка». Пыль, смешиваясь с выхлопными газами, накрывала людей и машины. Лениво оседая, ползла по каскам и конусу башни. Рыжими снежинками украшала ресницы. Рисую контуры сидевших на броне солдат, ложилась наметами.

Водители БТРов пустили в ход стеклоочистительные щётки. «Дворники», неохотно маяча туда-сюда, сметали с крошечных окон струящиеся пылевые крупинки. Я экспроприировал у водилы его бесхозно болтавшийся на спинке сиденья бронезилет. Хотя мои действия принудительным конфискатом назвать трудно. Каждый из нас по возможности старался избавиться от сковывающей движения и давящей на плечи девятикилограммовой ноши. На всякий случай заботливо прикрыл броником лежащую рядом Энди. И как оказалось, вовремя.

Впереди и слева, как в кино, внезапные взрывы подняли фонтаны земли. Звонкая по броне, в воздухе зашелестели осколки. Орудия, выдохнув разнокалиберным огнём, ответили взаимностью. Отгрохотав канонадой, колонна осторожно прикоснулась к окраине кишлака Мулла Гулям.

Лейтенант, высунувшись наполовину из люка, наклонившись в сторону глинобитной стены, содрогался в приступах рвоты. Приоткрыв десантный люк, осто-

рожно высунув голову, я посмотрел на причину конвульсий. «Ну да, зрелище не для слабонервных». Обойдя нашу старенькую шестидесятку, танк, круто развернувшись на девяносто градусов против часовой стрелки, подставив левый бок духовскому кишлаку, на пониженной передаче медленно пополз вверх.

Преодолев большую часть подъёма, тяжёлая машина, скрепя траками, выбрасывая из-под себя раскрошенный грунт, замедляя ход, остановилась. Некоторое время гусеницы продолжали упрямо зарываться в землю. (Растерялся меховод, упустил момент. Сейчас бы оба фрикционных рычага рвануть до отказа на себя, и машина застыла бы как вкопанная). Напряжённо работающий двигатель неожиданно смолк, и танк замер в нехорошем молчании. Чуть постоял, словно размышляя, как быть дальше, и, клацая железом, набирая скорость, попятился по узкой наклонной дороге. Спустя секунды многотонная машина, пробив глинобитное ограждение и постройки, с грохотом скрылась в клубах пыли.

«Всё, ребят, находившихся внутри, от такого удара наверняка расплющило», – подумал я. Из развалин виднелся лишь уныло смотревший в безоблачное небо орудийный ствол. Все, видевшие экстремальный спуск, затаив дыхание, замерли в ожидании.

И надежды оправдались. Раздался приглушённый гул мощного двигателя, и вверх вырвался смешанный с пылью сноп сизого дыма. Развалины содрогнулись, посыпалась земля, и танк, как ни в чём не бывало отряхиваясь, полез прочь из чужого двора.

БТР, огибая разрушенный дувал и заваленного стройматериалом виновника нанесённого ущерба, пошёл на крутой подъём. Выбрасывая из-под широких колёс каменистый грунт, броневик медленно полз вверх. Движковый «дуэт» внутреннего сгорания пел свою привычную песню без намёков на фальшь. С напряжением взяли высоту, и в овальном отверстии боковой бойницы появилась совсем не ко времени умиляющая глаз картинка. Желая ее получше рассмотреть, пришлось даже опустить прицельную автоматную мушку. По выжженной солнцем земле сухопутная песочного цвета черепаха размером с приплюснутый футбольный мяч, в миниатюре повторяя движения камуфляжных броненосцев, неуклюже работая когтистыми лапами, то западая в ложбинки, то приподнимаясь на кочках, на всех парах шпарила прочь от иноземных монстров.

С боем, но без потерь, взяв под свой контроль круглую крепость, мы закрепились на сопках над кишлаком. Чувя превосходство противника в силе, духи разбегались в разные стороны, словно тараканы от дихлофоса. Зло огрызаясь из разнокалиберных стволов, они то и дело исчезали, ныкаясь в заранее вырытых норах-тайниках, чтобы вынырнуть вновь в другом месте. В эфире прошло сообщение, что из «зелёнки» «бородатый» гранатомётчик на подъёме обстрелял БМП. Для эвакуации трёхсотого вызывали вертушку. (Через 25 лет, в санатории для недострелянных солдат, что в центральной России, произойдет переросшая в дружбу случайная встреча. Уроженец Дагестана, махачкалинец Садык, в тот день потерял руку).

В эфире прозвучал приказ командира полка – остановить огонь. С нашей стороны всё стихло. Из кишлака на открытое место в ярких одеждах бежали вереницей женщины и дети, в более тёмных – за ними поспешали старики. Моджахеды (на наш взгляд, не совсем по-джентльменски) использовали паузу для передислокации. Мы позволили мирным жителям уйти на безопасное расстояние, и всё закрутилось вновь.

По кишлаку отработала штурмовая авиация.

Невооруженным глазом было видно, как люди скрывались в небольшой мечети с устремившимся вверх минаретом, и по ней никто не стрелял.

...Но всему приходит конец. Бой постепенно стихал.

Солдаты перезаряжали оружие. Складными короткими лопатами ровняли старые окопы. Возмущённые пауки-верблюды, приспособившиеся траншеи под вполне мирное жилище, проворно перебирая мощными лапками, брызгами разлетались в разные стороны. Мы от такого соседства тоже были не в восторге.

По слухам, иностранные солдаты гостили на этой земле задолго до нас и по схожей причине – помогали народу воевать со своим же народом. А если смотреть шире и глубже, то на чужой территории нашими руками и жизнями делили зоны влияния две мощные политические системы. В такой борьбе люди походили на зёрна, попавшие меж каменных жерновов – безжалостных государственных машин. Так вот, иностранные солдаты окрестили пауков «верблюдами» за то, что они поедали внутренности этих животных, а еще, мол, их укусы смертельны для человека. (Брехня, но осадочек-то остался). Всё это ужасающий миф. Укус хоть и не смертелен, однако довольно болезненный.

У подножья занятой нами возвышенности проходила асфальтированная, местами разбитая дорога. В таких вот выбоинах душманские руки, чаще под покровом темноты, рыли углубления. Заложённый фугас присыпали щебёнкой и ждали. Надо признать, полученные местные деньги в виде афганий духи отработывали тщательно.

На обочине лежал перевёрнутый танк. Метрах в тридцати покоилась башня без орудия. По всему было видно, что машина погибла давно и подорвали ее профессионально.

Ходовая осталась невредимой, а в днище зияло рваное отверстие, от которого не спасла даже дополнительная броня. Вдоль шоссе глиняные дувалы с плоскими крышами (дувалами мы называли не только заборы, но и сами дома) прятались в невысоких кустах и деревьях. За ними, омывая мутной водой обнажённую каменистую грядку, бежала река.

Солнечный диск клонился к скалистым вершинам. От кишлака отделились в сопровождении подростков два ослика. Перейдя пустынную дорогу, толкая под

зад навьюченных животных, стали по тропинке карабкаться вверх. Переглянувшись, мы ждали. На боках осликов крепились ёмкости для воды. В длинных рубахах и шароварах, но без головных уборов и босиком, поднявшиеся на позицию мальчишки, возбуждённо жестикулируя, предлагали товар. Понять было несложно, «шурави» нужные слова знали. Местные же жители, все от мала до велика, успешно владели искусством торговать и торговаться.

Капитан снял оцинкованную канистру. Наклонив широкую горловину, наполнил кружку. Вода была мутной, как в горной реке. Хозяину предложили выпить.

Всем было ясно, что продавцы могли вести двойную игру.

Мальчишка осушил кружку до дна.

В жарких странах к воде издревле сложилось особое отношение.

В расположении полка, в целях безопасности, пить водопроводную воду было запрещено. Возле служебного входа в столовую стояла полевая кухня. Ёмкость содержала свежий отвар на верблюжьей колючке. В отличие от обычной воды, он был светло-коричневым и оставлял на зубах желтоватый след, чем довольно сильно нас раздражал.

Отыскал я однажды в «зелёнке» эту колючку. Сидя перед ней на корточках, с уважительным вниманием рассматривал костлявое зеленовато-коричневое растение и думал, что теперь мне не только от количества съеденных злаковых лошади будет стыдно в глаза посмотреть, но и от выпитого отвара – верблюду.

Водой впрок наполнялись литровые фляжки, десятилитровые, резиновые, чёрного цвета, прямоугольные рюкзаки и тонные бурдюки. Последние размещались на кузовах грузовиков.

Командир полка Александр Иванович – кавалер Ордена Красного Знамени, заслуживший уважение солдат за личное участие в боевых действиях и за внимание к подчинённым, – часто проверял содержимое солдатских фляжек.

Мутная горная вода заинтересовала нас в связи с утратой водного запаса. На крутом подъёме резиновая ёмкость собралась у заднего металлического борта машины. Посудина не выдержала и дала течь.

Водитель «Урала» – Колёк, разливший бражку в первую ночь, – смотрел печальными глазами. Воды оставалось лишь на утоление жажды. Пустой бурдюк принёс массу неудобств, вот тебе и водовозка. Речную воду решили использовать для мойки котелков и умывания.

Бачата-дети переливали воду и торговались. Мы тем временем окружили упрямых трудяг. Стоявшие смиренно ослики насторожённо пошевеливали длинными ушами.

Я решил прокатиться. До армии мы пару раз угоняли лошадей в соседнем колхозе. Затаившись в высокой траве у штакетника, ждали, пока умолкнут вечно пьяные голоса сторожей. Подражая индейцам из любимых фильмов, пригнувшись в спасительном мраке, бесшумно крались к загону. В воздухе стоял густой запах свежего сена с примесью не менее свежего конского навоза. Набрасывали самодельные уздечки на головы мирно фыркающих лошадей. Взяв под уздцы, дабы избежать цоканья копыт по высохшей земле, выводили по траве за ограду. С ближайшей сельской лавочки взбирались на спины рысаков и растворялись во тьме. Наездники из нас получались неважные, но и лошадки были под стать нам, клячи чистой воды. В галоп их можно было разогнать в трёх случаях: при попутном ветре, под горку, да ещё если скакать в сторону скотного двора.

Благополучно добирались до окраины села, не повстречав при этом ни единой живой двуногой души. Лишь изредка брехавшие собаки тщетно пытались привлечь внимание хозяев. Зря разорялись, народ замирал в азарте у голубых экранов, наблюдая Олимпийские игры в Москве. (Туда же командировали для поддержки общественного порядка и лучших сыщиков страны).

Цокая подкованными копытами, степенно пересекали асфальтированную дорогу и осторожно выезжали на плотину водохранилища. Левый шлюз шумел убегавшей вниз водой. Река Егорлык, взяв начало от подземных источников у подножья горы Стрижамент, причудливо петляя извилистым руслом, впадала в Сенгилеевский водоём. Напитав его, пронизывала Новотроицкое водохранилище и уходила в соседнюю Ростовскую область. На шлюзах пахло влажной зеленью. Отражаясь разноцветными огоньками в ночном зеркале водной глади, по правую руку монотонно, величественно гудела Ставропольская ГРЭС.

Две гигантских трубы, упираясь в звёздное небо, светились ярко-красными аварийными фонарями. Приятно согревая тёплыми боками, лошадь послушно вывозила в начало рукотворной дамбы. Густо растущие вдоль дороги кусты и деревья в ночи выглядели длинным тоннелем. В конце тусклым светились лампы бетонного и оросительного шлюзов. С трудом удерживаясь по двое на костлявых хребтах, прищпорив коней, шли рысцой. Приложив немало усилий, разгонялись-таки до галопа. Врезаясь в темноту, обдуваемые ночным свежим ветерком, под стук копыт, мы ощущали себя Зорро. Но эйфория длилась недолго. Наш «Мустанг», наклонив голову, вставал как вкопанный. Зорро летели один за другим, и, пока мы кувыркались «голова-задница-голова-задница», лошадка вместе с уздечкой, даже не попрощавшись, рысью уходила на базу. Мы же, потирая ушибы и отряхивая лошадиную шерсть, издавая дурной запах столетнего конского пота, ковыляли домой.

...Я быстро взмахнул на спину ишака. Используя все хитрости кроме ударов, пытался тронуться с места. Прищпоривал пятками, чухал по жёсткой шерстке меж нервно подрагивающих ушей. Сулил за послушание сахар. Он стоял памятником, не сдвинувшись даже на шаг. Хоть мне иногда говорили, что я упёртый, как осёл, однако на практике он оказался упрямей. Несмотря на осечку, думать о меньшей своей упёртости было приятно.

Не тая обиды, спешившись, уступил транспортное средство следующему жокею-любителю. Водитель-механик любил сгущёнку, как верблюд колючку. Но восток, как известно, – дело тонкое.

Почувствовав на себе чужую толстую задницу, ослик рухнул на землю. Вместе с ним мы рухнули рядом от смеха. Смущённый и от стыда покрасневший пухляк остался стоять, а меж его ног с безмятежным видом лежало животное. (Ну и хитрец, тоже настоящий житель востока!).

Прежде, чем отпустить мальчишек, крепко сжимавших в руках банку говяжьей тушёнки и рафинированный сахар, комроты указал им на односельчанина. Мужчина в сером халате и чалме, со связанными за спиной руками, сидел на земле, прислонившись спиной к гусеничным каткам БМП. Надо ж было оказаться бедолаге в ненужном месте в ненужный час. Подозрительных предметов при нём не нашлось, поэтому из гостей домой вернётся, но лишь когда мы уйдём. (Ему же лучше, целее будет).

Бачата, быстро всё уразумев, шаря глазками, что бы можно украсть, отправились восвояси.

Дневной зной постепенно спадал, наступали сумерки. Костры жечь было запрещено. То тут, то там взлетали осветительные ракеты. Несколько раз за ночь, раскатываясь гулом над местностью, меж гор появлялась винтокрылая огневая поддержка. Заходя над позициями, из небесной темноты выбрасывали осветительные гирлянды. Фонарики висели на парашютах, озаряя местность желтоватым сиянием, позволяющим читать даже газету. Которая чаще использовалась далеко не по своему прямому назначению. До самого утра темнота то и дело рассекалась огоньками трассирующих пуль. Небо постепенно избавлялось от темноты, и вскоре занялась зорька.

Вдруг предутреннюю тишину пронзил возмущенный ослиный рёв. Я, спавший на матрасе, развернутом прямо в земляном окопе, настороженно приподнял голову. Рядом, на брезентовой плащ-палатке, устроилась свернувшаяся калачиком и заволновывавшаяся от истеричного звука Энди. Мы встретились вопросительными взглядами. Два взгляда, две жизни, две судьбы. Из её янтарных глаз струилась преданность. Мои, карие, отвечали уважением, заботой и чем-то необъяснимым. Никто не лучше и не хуже. Не выше и не ниже. В одной упряжке мы с тобой. А впрочем, как и все на тысячи миль вокруг. В любой момент накроет смерть своим холодным саваном и уравнивает всё и вся...

Мысленно поблагодарив «осла-будильника» за пронзительное «иа-иа», отбросив шелестящую плащ-палатку, присел на ватном матрасе. Овчарка, твердо зная, что это время принадлежит ей, зевнула и грациозно потянулась. Сделав из фляжки пару прохладительных глотков, на мгновение задумался. Уж очень хотелось смыть остатки сна и пыль с лица. Взвесив на руке непрозрачную пластиковую емкость, решил, что нынче такая роскошь непозволительна. Не тратя времени на одевание, ведь в данных конкретно условиях спали все в обмун-

дировке, продолжил сборы. Подхватил лежащий на бронезилете широкий кожаный ремень, щелкнув медной бляхой с выдавленной пятиконечной звездой, поправил подсумок с четырьмя магазинами. Отложив в сторону зеленую каску, слегка грякнув карабинами, набросил на правое плечо автомат.левой рукой подцепил броник и зашагал поближе к обрыву, где находился ночной дозорный. Энди, сбрасывая желтоватую пыль с темной шерсти, весело встряхнулась от кончика носа и до хвоста.

«Мне бы тоже не помешало повторить её упражнение, – подумал я. – Жаль, что не получается, пару раз пробовал, не вышло». Отпустив борющегося со сном часового, расположился у обрыва, лёжа на земле. Из-за нагрузки в световой день, от ночных дежурств меня зачастую освобождали. Что позволяло без особых трудностей оторваться ото сна.

Зная крутой нрав Энди, на прогулку мы вставали пораньше. Как-то водитель-киргиз решил угостить собаку сахарком, протягивая смуглую руку с лежащим в ладони белым брусочком лакомства из сухпая, при этом произнося дворовые призывы: «Кутю, кутю, на, на...». Выпрямив чёрную спину, изредка нервно подрагивая, овчарка сидела рядом со мной на броне, словно не замечая угощения, с невозмутимым видом рассматривала лежащий перед нами пейзаж. «Добродел», осмелев, вылез наполовину из водительского люка, придвинулся на опасное расстояние. Энди слегка напряглась и, не поворачивая головы, вибрируя рыжими подпалинами на морде и глотке, издала угрожающий внутренний рык. Водитель провалился в люк и, оказавшись вне досягаемости собаки, произнёс недовольным голосом:

«Она у тебя дура».

«Сама ты дура... Давай сюда свой сахар».

Из открытого люка показались лишь пальцы, сжимающие белый кубик. Забрав его, предложил Энди. Она с удовольствием сахар схрумала и облинулась.

Пока все спали, собака свободно прогуливалась. Я же с детства любил наблюдать за рассветом. Подстелив бронезилет, лежа на земле, смотрел вниз, в кишлак.

Где-то там несмело прокричал петух. Кутаясь в прозрачную дымку, куда-то спешила река. Прохлада ползла по низине, наполняя воздух утренней свежестью. Мне казалось, что вместе со мной всё вокруг, затаив дыхание, ждёт солнышка. Стало тихо. Ничто не спало, вся земля лежала в сияющем ожидании. Смолкли даже самые весёлые птицы. Мир замер в священном молчании. Во всём звучала своя музыка. Возможно, то, что мы называем предрассветным затишьем, и есть великая музыка, Гимн восходящего солнца.

Неосознанно цепляясь за звенящую тишину, я старался впитать каждой клеточкой мирное спокойствие земли. Всеми силами хотелось продлить эту паузу.

Только бы не прозвучал шальной взрыв или выстрел. Но произошло неожиданное, отчего на загривке волосы встали дыбом. Из мечети запел муэдзин. Хрипловато-прерывистый голос, эхом отражаясь от гор, повис над землёй. Рука машинально потянулась к автомату. В один миг всё стало чужим.

Зачем человек на протяжении тысячелетнего существования доказывает своё превосходство над другими людьми? Кулаками выбивает у слабого и нищего уважение и доброе отношение к себе. Почему? Разумное человечество живёт по принципу – пихни ближнего, наплюй на нижнего и лезь выше.

Появилось дикое желание поднять с земли каждую стреляную гильзу, забрать с собой погибший танк и уйти навсегда.

Налетит пылью афганец, залечит окопные раны земли. Время успокоит людей...

К расположению дивизии подходили ночью. Пройдя долгожданную эвкалиптовую аллею и КПП, поднимались по финишной дуге. Узкие лучи замаскированных фар резали пыльную темноту.

Сквозь хруст щебенки под колёсами и двигательный рёв послышалась музыка. «Ну да, – думал я. – В контуженной голове то шумит, то звенит, то что-то играет».

Однако «Марш славянки» всё нарастал и нарастал.

Справа на возвышенности, в запылённом мраке, закрепился музвзвод. Где-то среди них стоял с дудкой и мой сокамерник по гауптвахте.

От неожиданной встречи сердце сорвалось с места и глаза взялись влагой. Живая музыка зеленовато-голубым цветом плыла над землёй и ярким фиолетом поднималась в ночное небо.

«Спасибо братишки, за душевную встречу».

Глава 5

...День, когда мы вывели войска,
день победы разума над смыслом...

В конце лета на территории 149-го формировался условный полк. Собрали отслуживших свой срок осенников и поставили «дембельский аккорд». Старую технику, мал-малодвигающуюся, надо было отремонтировать, подкрасить и – своим ходом в Союз.

В автопарке появились новенькие БМП. Машины выкрасили в маскировочный пятнистый цвет. Дни напролёт на дивизионном плацу репетировался «прощальный парад». Прикомандированные из Союза военнослужащие в новенькой полевой форме, в непривычных для нас панамах и сапогах с высоким голени-

щем, восседали на свежевыкрашенных боевых машинах. Глаза у солдат были испуганные. Новая местность, недовольные офицеры высокого звания – всё наводило ужас и заставляло бледнеть их настороженные лица. На дивизионном плацу возвели смотровую площадку. Высокое металлическое сооружение с винтовой лестницей выглядело произведением искусства. «Гнёздышко» предназначалось для натовских гостей и иностранных журналистов.

В средствах массовой информации было объявлено о выполнении и завершении боевой операции советских войск в Афганистане. В середине октября временно сформированная общевойсковая группировка двинулась в обратный путь. Нашему полку была поставлена задача обеспечить беспрепятственный проход колонны до границы с СССР. Кишлаки и горы должны молчать, мосты и дороги не взрывать.

Двигались медленно. Чем длинней «ниточка», тем тише скорость. В один из дней остановились у небольшого моста на ночлег. Где и как устроились остальные, нам было неизвестно. Каждый выполнял свою задачу. Ранним утром, перед подъёмом, на пару с Энди желая попить и умыться, направились к реке. Беззаботно и резво овчарка кружилась рядом. Я шел не спеша, внимательно всматриваясь в извилистую узкую стёжку. Полоска, не зарастающая от ног желающих поклониться воде, круто спускаясь, упиралась в каменистое русло. На противоположном берегу, впереди и слева перед мостом, уткнувшись носом в «зелёнку», стояла БМП с наглухо задраенными люками. На этой стороне, покрывшись утренней влагой, притихли два БТРа. Внутри, прячась от ночного осеннего холода, укутавшись в ватные бушлаты и согревая друг друга телами, вповалку спали ребята. Даже часовой схитрил, поняв, что мы теперь бодрствуем, молча всё свалил на нас. Вот так и далёкая Россия сейчас спит в предутренней темноте.

«Ну и ладненько, пусть поспят...». Замерев в ожидании, вдыхая всей грудью приятную свежесть реки, крепко сжимая холодный автомат, я вглядывался в узкую полоску бегущей воды. Все органы чувств, как у хищника, работали на полные обороты.

Положение было неважное. Крутые берега надёжно прятали русло реки. Спустишься вниз – автоматически утратишь береговой контроль. Духи часто приспособливали природные укрытия под огневые точки. Отстреляются и бегом на четвереньках вдоль русла, скрываются в заранее вырытых норах-тайниках. Тихо спустившись в ложбину, приостановился, вслушиваясь и всматриваясь. За спиной ничего не подозревающая Энди резвилась и бегала, как конь. Громко дыша, цокая когтями по каменистой тропке, желая меня обогнать, нагло протискивалась сбоку.

По-прежнему удерживая палец на спусковом крючке, опустив левую руку, не глядя, ухватил пальцами за кожаный ошейник. Собака, послушно остановившись и приподняв мохнатую мордашу, посмотрела с вопросительным недоумением. «Здесь, как говорится, с разбегу мордой о телегу или, точнее, – о воду, не получится».

Энди у всех пользовалась особым уважением и привилегиями. В любое время суток, под обстрелом или в обманчивой тишине,двигающийся впереди считается смертником, идущим по лезвию ножа. Вслух это слово никогда никто не проносил, но так думали все. Оттого ей и позволялось чуть больше остальных.

Вчера, когда мы передвигались по центральной улице через Баглан, овчарка захотела пить. Внимательным жадным взором она всматривалась с высоты приостановившегося бронетранспортёра в собравшихся у колодца людей. Подчиняясь чуйке, я оглянулся и не увидел ничего особенного по здешним меркам. Взгляд сразу сфотографировал привычную деталь пейзажа в данных условиях – точку огневой поддержки. С высоты второго этажа, греясь под солнцепёком, затаившись, присматривали за перекрёстком упершийся ножками в плоскую крышу пулемёт и зелёная каска. Получив одобрение командира, тяжело грякнув амуницией и глухо ударив сапогами о землю, я вместе с Энди двинулся на водопой.

Собака терпеть не могла шумных, жестикулирующих людей, а чужаков тем более. Трое афганских мужчин стояли к нам спиной в ожидании воды, ничего не подозревая и мирно беседуя. По-видимому, здесь находилось «лобное место», где делились последними новостями. Чуть поодаль разноцветная толпа сгрудилась у открытого прилавка дукана. Приблизившись к людям почти вплотную, – нас никто не заметил, – я взялся за карабин на ошейнике Энди и легонько подтолкнул её вперёд и вверх. Слегка присев на задние лапы, приподняв голову для лучшей акустики, она коротко и звучно гаркнула на всю округу. Чудесным образом мы оказались в очереди первыми. Чуть испортив воздух от неожиданности и страха, замерев памятником с набранным ведром в руках, с выпученными глазками остался стоять лишь один мужичок. Сверкающие в солнечных лучах алмазные капельки, стекая с мокрой посуды, заманчиво влекли к себе. Магнетизм усиливали прохлада и свежесть воды. Быстро положив на влажный бетон перевернутую каску, попросил жестом наполнить. Разбрызгивая хрустально-чистую воду, овчарка жадно пила. Зная её резкий нрав, я придержал поводок и протянул для дозаправки свою флягу. Вернувшись к своим, бросил ребятам пластиковую ёмкость и влажную каску. «Ниточка» незамедлительно тронулась вперёд, каску отдали сразу, а литровая фляга, пройдя по кругу, вскоре вернулась пустой.

Стоя у кромки воды, продолжал наблюдение. Энди, осторожно ступая, замочив рыжие с подпалой лапы и живот, удерживая над водой лохматый хвост, слегка выгнула чёрную спину и, фукая носом, шумно пила. «Ловим момент, Энди, впереди неизвестность...». Положив автомат на по-осеннему вялую, влажную от утренней росы траву, снял гимнастёрку, разулся и, подкатив штанины, зашёл в холодную воду. Низкий поклон и сто баллов вперёд тому, кто её придумал... Дождей в здешних краях давно уже не было. Оттого-то река вела себя тихо и приветливо. Зеркальная поверхность в лёгкой дымке отражала серое небо.

Стоял на гладко отшлифованных течением вековых камнях, и стопы ломило от студёной воды. «Жаль, спинку некому потерять, – обливая голый торс пока-

лывающим водным холодком, подумал я. – Размечтался... Здесь потрут, снайперским выстрелом или полуметровым кинжалчиком в спину. Судя по слухам, этим могут баловаться даже безобидные на первый взгляд, шустрые не по годам «бачата» или скромные и застенчивые «ханум», что означает – женщина.

Взбодрённое чистое тело приятно горело. «Хорошо-то как! Главное, задвинуть лень в дальний угол. Вступишь в ледяную водицу, на весь день бодрячок обеспечен...».

Тропка проходила по краю сгоревшего пшеничного поля. Настолько крохотного, что комбайну не хватило бы места для разворота. Пустотелые стебельки, истлев до самых корней, припорошили золой неровную поверхность земли. Заботливые крестьянские руки собрали уцелевшие колоски. Однако, на радость птицам, кое-что ещё оставалось. Наклонившись, я поднял обугленный колосок. Отсоединив зёрнышко, стал медленно его жевать. Случайно уцелевшее семя, с запахом дыма и горечи, с трудом поддавалось зубам. Колосок лежал на ладони, выгнувшись дугой. Зёрнышки, спасаясь от пламени, застыли, прижавшись друг к другу. Сгоревшие чешуйки оголили беззащитные спинки семян.

«Вот так и люди, опалённые войной. Один сразу сгорит дотла, другой с виду будет целёхонек, но стоит лишь глубже заглянуть ему в душу, а там зола. Третьего жизнь и через огненные жернова пропустит, и гнуть да давить продолжит, а он ничего, живёт...».

Прости нас земля, прости... Как это бывает с людьми, стал мысленно выгораживать себя, искать оправдалки. Ведь я до войны участвовал в посевной и убирал зерновые... Лето, к нашему сожалению, тогда подходило к концу.

Стоял тёплый безветренный день. Но на сердце было неспокойно. Пришло время решать, куда после восьмилетки идти учиться. Все нормальные люди давно решили, но только не мы с Серёгой. Тополя-великаны у дома, тихо переговариваясь, шелестели листвой. Сидя на лавке, понутив головы, мы размышляли вслух: «В девятый класс пойдём, нас, лучших дружков, разлучат. Одного в английскую школу, другого в немецкую отдадут». Всё решила монетка, брошенная на деревянный стол. Идем во второе профтехучилище. Месяц спустя – снова консилиум под тополями, за тем же столом.

Шикарно-густые шевелюры деревьев к той поре отшумели и улеглись на нем разноцветной скатертью. Небрежно смахнув сухие листочки, присели на лавку. На столе лежали прощальные вспышки золотистой осени, напоминая об упущенном времени. Скоро пойдут дожди и наступят холода. На повестке дня вопрос стоял уже гораздо сложнее: надо поскорей забирать документы и мотать в технарь. Время ещё есть...

Утром в директорском кабинете на просьбу вернуть документы получили от ворот поворот. Аттестаты были у нас на твёрдых четыре бала. А в училище статистика, текучка, отчёт перед министерством образования.

Возмущённые отказом, мы решили пойти другим путём. За нулевую посещаемость и неуспеваемость сами отчислят...

Вот были денёчки!.. Утром с честными лицами собираемся на занятия. Встречаемся на нейтральной полосе, ждём, пока родители уйдут на работу, и возвращаемся домой. Недельку у Серёги мастерим цветомузыку, недельку – у меня. Паяли радио-передатчики, лазили по крышам, из медной проволоки натягивали антенны и хулиганили в эфире. Разучивали песни и мелодии под две гитары.

Уроки посещали редко. Выйдем на большой перемене во двор, а на лицах – тоска. «Давай хоть глазком на свободу глянем...».

Подтянемся над каменным забором, посмотрим друг на друга и махнём на простор. Идём по дороге с радостными лицами, вот это денёчек! Вот это жизнь! Вдруг, как по закону подлости, навстречу на «газоне» едет наш мастер. Машина, ясное дело, останавливается, Владимир Григорич, не скупясь в выражениях, загнав прогульщика в кузов и продолжая ругаться, заводит движок, и вперёд. А мы, едва присев на деревянные лавки, лишь авто трогается, на ходу прыгаем через борт – и на автостанцию.

Дважды нас хотели исключить из комсомола. Теперь уже не мы шли к директору, а он вызывал нас побеседовать в свой уютный кабинет. Но аттестаты не возвращал. Что не мешало мне, тем не менее, исправно защищать спортивную честь училища. Играл за футбольную команду. Однажды на районных соревнованиях среди юношей призывного возраста занял третье место в троеборье: бег, подтягивание на перекладине и стрельба. Пролетели два года. За окном весело поют птички. Пришло долгожданное лето. В комнате звучит тихая мелодия. Ей в такт, переливаясь радужными красками, сияет цветомузыка. С пользой для дела всё-таки прогуливали уроки. Вдруг с улицы донёсся многоголосный свист. Перебивая шум, кто-то кричал: «Соловей!» (так ещё с первого класса кликали меня ребята). Смотрим в окно, а на дороге стоит знакомая машина, в открытом кузове сидит вся наша группа. Ехали с учебного хозяйства и завернули к нам на огонёк. Не менее знакомая фигура Григорича тем временем уже приближалась к двору. Мастер дёрнул дверь и долго стучал в окно.

«Если дверь заперта, на стук не отвечают, значит, никого дома нет – неужели непонятно? Ну и люди...».

На следующий день мы были в училище. Прибыли, чтобы отблагодарить ребят за своевременное предупреждение.

Одногруппники в измазанных робах занимались своим делом, готовили технику к уборочной, с умным видом крутили гайки. Я же, в отглаженных брючках, в голубенькой сорочке с тонким галстучком, грустно шагал, набросив пиджак на плечо. Навстречу быстро шёл мастер параллельной группы. Подтянутый, среднего роста, с наглаженными, как и у меня, брючными стрелками, в клетчатой серо-голубой сорочке с коротким рукавом.

Приостановившись, задал резонный вопрос: «Климов, а мы почему прохлаждаемся?». «А я на БСЛ-1...». «Это что такое?», – удивлённо спросил он. «Большая Совковая Лопата... На току зерна бери больше, кидай дальше. Пока летит, отдохай...».

Владимир Михайлович улыбнулся и посмотрел умным изучающим взглядом, по всему было видно, что он обдумывает какое-то решение. Почувствовав, что это касается меня, я стоял, наблюдая за его серьёзным гладко выбритым лицом с красивой проседью на висках. Повернув голову в сторону открытой площадки хоздвора, на которой ровными рядами стояла училищная сельхозтехника, указав подбородком, мастер уверенно сказал: «Видишь новый комбайн? Через час подгоним подъёмный кран для установки кабины. До утра смажь и протяни все узлы. Завтра надо быть в поле, уборка стартовала, а мы ещё здесь».

«Нива» с порядковым номером «две семёрки» вышла в поле в назначенное время, в назначенный час.

В конце рабочего дня полевая техника ровными рядами выстраивалась на кульстане. Тёплый вечерний воздух приносил волнами запах сена, солярки и душистой земли. Деловито мотаясь туда-сюда, кормились стрижи. Остывающий металл приятно поклачивал в сельской тишине. Пребывая в доброй усталости, с загоревшими лицами, собирались ребята у яркой стенгазеты «Жатва-84». Смотрели, кому принадлежит пальма первенства. Не испытывая зависти, отпускали шутки. Потом мылись в душевой и, как всегда, кучковались. Бархатистые сумерки мягко опускались на землю. Потемневшее небо зажигалось самыми яркими звёздами. А с раннего утра машины вновь выходили в поле.

Комбайн жил своей, но контролируемой жизнью. Медленно двигаясь, жужжал, щёлкал, крутил и гудел. «Непорядочек», – оглянувшись, подумал я.

На поле оставалась тонкая полоска заваленной, не скошенной пшеницы. Остановив машину, быстро отсоединил «литовку» и, повторяя шуточный девиз комбайнеров: «Не оставим ни капли ни в поле, ни в стакане», побежал к началу ореха. «Сам отказался от штурвального, а ведь Михалыч предлагал взять помощника. Вот теперь теряй драгоценное время, сам коси и складывай в волок. Ну и ладненько, зато когда надежда только на себя, уверенней живётся. Можно бы схалевать, бросить зёрна на съедение обитателям полей. Но это не есть хорошо». Вспомнил своего деда Васю. Вернулся он с войны без одной кисти. Быстро приспособился работать одной рукой. Любили мы с братаном захаживать в его мастерскую. Инструменты аккуратно лежали и висели на своих местах. Приятно пахло свежей стружкой, древесным клеем и дедовой махоркой. В правом углу длинного верстака лежала старая немецкая каска. Похожие военные экспонаты теперь хранились в музеях, напоминая людям о войне, прогремевшей смертельным катком по нашей земле, оставившей траурный след в каждой советской семье. Бывший солдат остроумно эксплуатировал вражескую амуницию. В перевернутый шлем собирал старые гнутые гвозди. По необходимости, с чувством полного удовлетворения, перебирал «извилины» и, отыскав подходя-

щую, пускал её в ход. Тут же к стене крепился вражеский металлический термос с напильниками. Мастеровитым плотником был дед. Стулья, столы, этажерки, окна, двери – всё было ему под силу. Во дворе на акации висел скворечник. Это ж не птичий домик, а произведение искусства, даже с балкончиком! На случай, если шкодливый птенец выйдет встречать кормилицу-маму. За обеденным столом мы с детским любопытством наблюдали, как дед ловко управляет одной рукой. Закончив трапезу, он отодвигал пустую тарелку. Подставляя уцелевшую ладонь (работала она за двоих и расплачивалась ссадинами, занозами тоже за двоих). Смахнёт аккуратно культёй каждую хлебную крошечку в ладонь и одним махом забросит в рот. «А здесь вон сколько лежит ровным рядком. На четверть буханки потянет». Стерня слегка покалывала ноги. Работая «литовкой», постепенно приближался к послушно ожидавшему красному комбайну. Справа золотистой стеной стояла пшеница. Набравшие зрелости колосья тихо шептались между собой.

По левую руку, у межи хлебного поля, в тени деревьев разделительной лесополосы, за моей работой наблюдал с любопытством какой-то мужчина. По просёлочной дороге, поднимая пыль, подъезжал фиолетовый микроавтобус. Вынырнув из ложбины, уткнувшись в скошенную делянку, машина остановилась.

В широко распахнутую боковую дверь вышел агроном. Осторожно придерживая флагшток, помог училищному комсorgh вынуть его из салона. Подойдя ко мне и улыбаясь, сказал: «Достойный победитель. Без потерь работает, даже орех не поленился убрать». Комсорг развернул над полем красное знамя. Ветерок сразу взялся играть алым бархатом. Желтые соломинки матерчатой бахромы в солнечных лучах сливались с пшеничным полем. «Поздравляем, Вячеслав, так держать! Закрепи над кабиной», – вручая флагшток, важно произнёс комсорг.

Я стоял перед ними, держа в левой руке косу, уперев её рукоятку в землю, правой сжимал знамя, переминаясь с ноги на ногу, с одним желанием – побыстрее смыться. Ситуацию разрешил подошедший любопытный – пожилой мужчина небольшого роста в голубой сорочке и серых брюках. Восторженный взгляд, бледная кожа и аккуратно зачёсанные седые волосы придавали лицу сияющий вид.

С волнением, мягким голосом произнёс: «Я из Ленинграда. Жизнь прожил, но такое вижу впервые!». На что, выпятив грудь, я с гордостью выпалил: «Это ж вам, товарищ профессор, не Государственный университет, а механка, Тракторно-Балетная Академия. У нас и не такое можно увидеть». Но ничего этого не было. С лицом цвета помидора буркнул им что-то благодарственное и, сославшись на простой машины, приподняв занятые руки, крутнулся на пятках и побежал к «Ниве». Комбайн вздрогнул, напрягся и ожил.

«Интересно устроен человек, – внимательно наблюдая за работой жатки, поскрипывая водительским сиденьем, думал я. – Подавляющее большинство сельчан мечтают уехать и стать городскими». Впереди, за стеклом, спасаясь от грохочущей на всю округу уборочной, по свежескошенной делянке удирали

любители злаковых – куропатки. Потешно переваливаясь из стороны в сторону, куцехвостые рябовато-коричневые комочки, проворно перебирая лапками, бежали гуськом в лесополосу. Заботливая мамочка, чуя надвигающуюся опасность, вертя на ходу головой, словно поторапливая и одновременно контролировала «игрушечных» цыпляток. «Вот такую картинку горожане могут увидеть в лучшем случае по телевизору». Новенькая «Нива» продолжала исправно делать своё дело, а мысли исправно текли своим чередом.

«Интересно, какие почести, – вспомнил лица комсорга и агронома, – были б мне оказаны, если бы узнали о том, что позавчерашней ночью по моей инициативе с кульстана угнали трактор?».

Очень уж мне хотелось поработать в ночное время суток. Чтобы всё было как в теленовостях: золотистая пшеничная нива в свете ярких фар словно сама идет и послушно ложится в жатку комбайна, чтобы в следующем кадре чудесным образом превратиться в свежее выпеченный хлебный каравай, лежащий на вышитом рушнике в пышных женских руках пекаря...

С молчаливого согласия наставника в конце рабочего дня машина не вернулась на базу. Оставшись без ужина, двигаясь по полю из края в край, продолжал работать. Южная ночь наступила, как всегда, рано и быстро. Комбайн, повинувшись щелчку тумблера, засветился разноцветными огнями. Панель приборов – тусклый приятный фон – позволяла следить за контрольными стрелками. Прошёл час, однако всё было не так, как в кино. Напряжение усиливалось, окружающая темнота требовала комбайнеру помощника. Приборы, конечно, это неплохо, но живого человека не заменить. И случилось...

Жатка, отказавшись косить, валила сухую ровненькую пшеницу на землю. Чужое, я остановился и, придерживаясь за поручни, сбегал вниз по железному трапу. Щурясь в ярких лучах четырёх осветительных фар, окинул взглядом застывший агрегат и сделал совсем не радужный вывод: «Баста, карапузики... Сушим вёсла, разворачиваем оглобли и прямиком в стойло...». Гремя металлической лестницей, невесело взобрался в кабину. Приподнял жатку, выжал муфту сцепления и, положив руку на рычаг, приготовился включить заднюю передачу, да так и замер. Замер не только я, но и всё вокруг.

«Кина не будет! Электричество кончилось!». Выстрелил афоризмом, украденным из популярной советской кинокомедии. В воздухе повисла полная темнота и тишина, лишь глухо и часто стучало сердце. Кончилось не только электричество, но и заглох движок. На погасшей приборной доске нащупал ключ зажигания. Затаив дыхание, провернул замок. Ситуация в лучшую сторону меняться не захотела. «Уж если непряха, то во всём...».

В настежь распахнутую дверь, прямо мне в спину, сквознячок приносил волнами тёплый дух дизеля. Из открытой форточки пахло выпавшей росой и свежескошенной пшеницей. Крепко сжимая руками штурвал крейсера, я выжидал, пока зрение и слух привыкнут к новой обстановке и обмозговывал сложившу-

юся ситуацию. «Ждать до утра нельзя, с началом рабочего дня комбайн просто обязан быть в поле. В противном случае позволивший выйти в ночь мастер неприятностей не оберётся. Остаётся идти на кульстан, за трактором, и завести с толкача...».

Шурша колючей стерней свежескошенного поля, бежал на огни учхоза. На звёздном небе слабо светился месяц. Задрал голову, определил, что луна – «растущая». (Делается это довольно просто: если на небе сияет месяц буквой «с», то он «старый». Если же к «дольке» приставить палочку и получится буква «р», то луна «растущая»).

Пшеничное поле вскоре закончилось, и пришлось, сбавив шаг, пробиваться сквозь высокую траву через овраг. Сбитая роса быстро пропитывала хэбэшные штаны спецовки.

«Влага высохнет, главное, копыто не подвернуть». Благополучно преодолев препятствие, пытаюсь восстановить дыхание, отряхнул с ног остатки прилипшей травы. Маневрируя меж спящими сельхозмашинами, отбрасывающими лунную тень, направился к сторожке. Одноэтажное кирпичное здание охраны под одной крышей сожителествовало со складом. Времени на переговоры много не понадобилось. Получив вполне ожидаемый, не обсуждаемый отказ, отправился напрямиком к более лояльно настроенным «юным труженикам». Выйдя не солоно хлебавши из одной двери, пять шагов – и ворвался в летний приют для неместных.

В довольно просторном помещении стояло полтора десятка сетчатых кроватей, большинство из которых были укомплектованы мирно сопящими практикантами. Слева, за фанерной стеной, в камбузе для наставников, должна была находиться тёплая компашка и моё законное лежачее место. Не зажигая света, которого в «летнике» отродясь не было, заглянул в закуток. Кровати по-прежнему стояли на своих местах, однако без матрасов и постельцев. Из открытой задней двери, ведущей в небольшой сад, доносились весёлые возгласы и звук моей шестиструнки. Спальные места в хаотичном порядке расположились на траве под низкорослыми вишнями. Знакомые жизнерадостные голоса, разомлевшие, естественно, не от столовского компота на ужин, с оживлением встретили запоздавшего.

«Соловей, ты что, решил в одиночку весь механский хлеб убрать?!». Стараясь не зацепиться за раскидистые ветви вишника, подошел к дружкам.

«Ага, но подвиг не удался, однако». Увидев у ствола свою аккуратно поставленную спортивную коричневую сумку, напрямик направился к ней.

«Тихо, тихо! – заволновались голоса: – У нас там винчишко. Бери свой ужин, вон стоит на твоей подушке, и присоединяйся». (Физическую усталость или сильное нервное напряжение лучше всего снять небольшой дозой спиртного. Главное, чтобы нетрадиционное лечение не перерастало в грандиозную пьянку. Вот ещё

одна неувязочка в законодательстве нашего государства – на войну забирали с восемнадцати лет, на уборочные работы и того раньше, но в вино-водочный магазин разрешалось входить только с двадцати одного). Отыскав в сумке, что хотел, сел на матрас, заправленный одеялом, и принялся за еду.

(В боковом кармане с надписью «Хоккей» лежал самодельный нательный крестик. Из никелированного корпуса старого утюга вырезал крест. В эпоксидный клей подмешал чернила, взятые из авторучки. Эту смесь быстро залил в заранее приготовленную форму в виде распятия. Дав время высохнуть смеси, соединил металлический крест с более узким распятием. Братан, по-зоновскому методу, позаимствованному у освободившихся, смастерил из новой спирали для электроплитки тоненькую цепочку).

Шустро жуя холодную котлету с хлебом, одновременно рассказывал о случившемся и здесь же изложил свой план. Ребята слушали молча, ни разу не перебив. Несколько минут спустя, под ночным покровом, десяток молодых удалцов, похикивая, толкали по просёлочной дороге трактор Т-40. Добравшись до спуска в овраг, разогнали машину и завели. В маленькую кабину, включая Захара-водителя, вместились трое, остальные с чувством выполненного секретного задания отправились назад. Света у трактарёнка не было, поэтому я бежал впереди, сжимая губами крестик и маяча светло-серой майкой, указывал дорогу.

Хорошо, что нужное поле лежало сразу за ложбиной. Застывшая «Нива» выделялась тёмным пятном на светлом фоне бежевого поля. Быстро накинув предусмотрительно захваченный металлический трос, заняли исходную позицию. Чтобы не топтать ещё не скошенную пшеницу, решили заводить задним ходом. Мешала темнота. Тракторёнок, выбрасывая вверх искры из выхлопной трубы, натянув сцепку, стоял носом к носу с копнителем комбайна. Костя подавал команды Захару, Витёк, с мостика у кабины, за моей спиной, подсказывал мне. Волнующий момент подходил всё ближе, а вопросов становилось всё больше. Выдержит ли трос, хватит ли мощи и не закопается ли в мягкую почву лёгкий по сравнению с комбайном Т-40. Заведётся ли двигатель, и, когда заведётся, смогу ли я вовремя остановиться, чтобы не поцеловаться машинами.

Всё обошлось, двигатель завёлся, но света по-прежнему не было. Быстро проведя полевую планёрку, решили: трактор вернуть на место сейчас, а комбайн – когда рассветёт. Втиснувшись в малогабаритную кабину, ребята отправились на кульстан. Вскоре, приговорив остаток вина, Витёк и Костя вернулись, но уже с гитарой на плече. «А мы решили тебя одного не бросать!».

Застелили днище пустующего бункера свежей соломой и поочерёдно, словно в танковый люк, спустились в металлическую ёмкость. Ребята вскоре уснули.

Свежескошенная ароматная солома слегка покалывала тело через одежду. Прислушиваясь к ровно работающему дизелю, вибрирующему за тонким металлом, задремал и я. Боясь проспять зорьку, то и дело поглядывал вверх, в узкую щель неплотно закрытой бункерной крышки. Когда бархатисто-тёмная

полоска сменилась на нежно-розовую, я вылез из укрытия и повёл машину на ремонт. Врывающийся в открытую форточку свежий ветерок постепенно прогнал остатки сна.

Покрывшийся утреней влагой комбайн, плавно переваливаясь, шёл вдоль поля к просёлочной дороге. Повернув голову вправо, с уважением посмотрел в маленькое окошко бункера, предназначенное для контроля наполняемости урожаем. Закопавшись в солому, прижавшись друг к другу спиной, спали ребята. Наверное, это и есть настоящая дружба...

Солнце уже ласково пригревало, когда на кульстан подъехала бортовая машина с учащимися и мастерами. Владимир Михальч внимательно осмотрел выполняемую работу и, не задавая лишних вопросов, по военному кратко спросил: «Успеешь?». «Успею...».

Погрузившись в размышления, внимательно отслеживая работу комбайна, незаметно добрался к концу делянки. Флагшток со знаменем, временно приютившийся в кабине, поигрывал желтой бахромой. У края поля, с высот, увидел на склоне оврага васильки и бессмертники.

«Как же в такой день без цветов? Именно эти мне и нужны. На то они и бессмертники, до конца уборки не потеряют своего вида». Ударил по тормозам. Не тратя времени на спуск по трапу, с мостика, по-хулигански, перемахнул через перила. Приземлившись на мягкую пашню, рванул к склону. «Романтик, едрёна корень. Хлеб убирать надо, а он за цветочками полез...».

Из ложбины тянуло прохладой. Стоял густой, насыщенный запах травы. Её плотная сочная стена с краплениями жёлтого клевера ожидала покоса. Высоко в небе, среди облаков, чуть завитых по краям, серебристым колокольчиком повис жаворонок. Мимо пролетел лохматый полосатый шмель. (Вот такое чудовище меня ужалило в детстве под правый глаз. Мы резвились на покосе, он выбрался из стожка и без предупреждения – сразу в драку. Недельку бедный ребёнок ходил с перекосенным лицом. Страшно было в зеркало смотреть).

Из густой разделительной лесополоски донёсся птичий голос: «Спать пора, спать пора». «Должно быть, укладывает перепелка непослушных деток на послеобеденный сон».

Голубыми цветами – как своими осколками – по склону рассыпалось небо. Корабль полей, степенно раскачиваясь, плыл по земле. На панели приборов, в такт машине, слегка кивал мне букетик цветов. Солнышко, изливаясь лучами, придавало насыщенность цветовой гамме вездесущей природы.

По нетронутым хлебам лёгкой дрожью пробежал ветерок.

Отяжелевшие колосья, ставшие вновь недвижимыми, покорно склонились. Словно просили: «Скорей, скорей, пока не налетел ветер с дождём».

Всё случается, когда тому приходит время.

Уборочная страда подошла к концу. Рекорд 77-й «Нивы» по намолоту зерна пятилетку держался в училище вне досягаемости. На Краевой комсомольской конференции нас, передовиков ученических бригад, наградили наручными часами, грамотами и почетным знаком «Молодогвардеец».

Дальнейшие события моей жизни протекали стремительно. Всё менялось в лучшую сторону. Назначили старостой группы. Естественно, как это случается в большинстве учебных заведений, прогулы уроков всё же бывали. Но раньше я уходил в первых рядах, отныне шёл последним.

Назначили председателем совета Музея боевой и трудовой славы. Деваться было некуда, пришлось учиться на отлично. Вскоре избрали секретарём комсомольской организации училища. Преподаватели удивлённо спрашивали: «Климов, это ты? Разве так бывает?». «Бывает, – отвечал я. – Когда людям верят и доверяют».

После училища – поступление в институт и повестка в армию.

В Афганистане мне предстояла непростая встреча с комбайном.

Сидя на броне, мы медленно ехали по пригороду Кундуза. «Нива» одиноко стояла на небольшом, плохо асфальтированном пятачке земли. Неожиданным восторгом прошло всё тело. На чужбине, вдали от дома, я встретил лучшего друга, в недавнем прошлом круто изменившего мою жизнь.

Желая поделиться внезапной радостью, бросил взгляд на сослуживцев. Их лица оставались серьёзно-задумчивыми. Сразу стало понятно их безразличие. Просто ребятам не довелось познакомиться с сельским трудягой. Мне ж было известно о нем всё до каждого болтика, я помнил, как стучит его железное сердце.

Запылённая, уже не новая «Нива» уткнулась жаткой в асфальт. Кабина и выгрузочный шнек приклонились к земле. На приспущенных колёсах уборочная машина походила на раненого зверя, готовящегося к последнему прыжку. Всё напрасно, её навсегда пригвоздили жаткой к чужбине.

Комбайн живёт на бескрайних хлебных полях. Здесь же – как в Средневековье – небольшие квадратные чеки. Землю пашут на мулах деревянной сохой. Зерновые превращают в муку на водяных мельницах, перемалывая меж каменных жерновов. Свой короткий срок «Ниве» суждено прослужить, так и не познав размаха полноценной рабочей жизни. Износится, выполняя функцию молотилки, отделяя зёрна от колосков да шелухи. Сломается, и растащат её по дворам, применяя в хозяйстве подручный металл.

Мы постепенно отдалялись. Чувство вины всё сильнее давило на душу. Я оставлял земляка на растерзанье чужакам.

Оторвавшись от моста у сожжённого пшеничного поля, долго шли без привала. Петляющая асфальтовая змейка позволяла держать скорость. По правую руку, внизу, упершись в берег, замер сгоревший бронетранспортёр. Металлический корпус, наполовину погрузившись в речную мутноватую воду, стоял, задрал нос в чужое небо.

«Давненько замер вояка, таких моделей с движком впереди и открытым верхом уже и на вооружении нет. Небось, ещё во Вторую мировую гнал фашистскую чуму на запад. И навсегда прервался боевой путь на далёкой чужбине...».

За гладью реки с размытыми берегами ровной цепочкой тянулись светло-жёлтые сопки. За ними, словно из другого мира, на фоне безоблачного неба вырисовывались ровными геометрическими линиями и углами две высоковольтные опоры явно советского производства. Ближняя, так и не дождавшись электрических проводов, завалилась набок. Вонзившись левым плечом в землю, металлическая конструкция грустно застыла. Две из четырёх опорных ног были взорваны.

Пройдёт немало лет, прежде чем поймут «непримиримые», что хотя бы иногда не стоило отмораживать уши назло «неверным». И десятилетие спустя, столкнувшись с вклинившимся в Афганистан блоком НАТО, вспомнят «шурави» как достойного противника...

Впереди и слева на скале, повисшей вдоль дороги, приютились три грифа-стервятника. За мощной фигурой вожака нервничали два птенца.

Не зная, как к этому зрелищу относиться, я на всякий случай насторожился. Морщинистая длинная шея, украшенная воротничком с неряшливо торчащими в разные стороны перьями, слегка вытянувшись, подалась вперёд. Птица с покрытой старческим пушком лысой головой, приопустив крючковатый клюв, сверкающим «базедовым» глазом нагло пялилась сверху вниз. Словно перед ней не живые люди, а шашлык.

«Кыш, нечистая сила! Кыш!». Сразу захотелось пальнуть в воздух, испугать грифов и вспомнить, как крестились мама и бабушки. Старый стервятник, впившись когтями вампира в камни, присел на мускулистых ногах, оттолкнулся и, хлопая щербатыми крыльями гигантских размеров, стал уводить детёнышей в горы, подальше от опасного соседства.

«Чур меня... Кыш, нечистая, кыш...».

Под высокими, шапкой нависшими эвкалиптовыми кронами, земля была устлана жёсткими листочками. После полудня мы остановились у сторожевой заставы на привал.

Когда солдатам, как в детском саду, после обеда отдают приказ спать, это означает, что ночью будет войнушка.

Доказательство тому – заходившие по парам, сверкающие в голубом небе самолёты. Штурмовики шли низко над землёй, обрабатывая НУРСами горы. Реактивные снаряды, срываясь с места, опережая самолёт и оставляя белый след, уходили из-под крыла к заданной цели.

Пахло свежей смолой. Плащ-палатка лежала на мягкой опавшей листве. Позволяя Энди отдохнуть от людской суеты, я расположился поодаль от всех.

Спрятавшись за многовековым чешуйчатым стволом, читал книгу. Слух и нутро пронзил протяжный жалобный собачий голос. Присев на задние лапы, вытянув приподнятую морду, забыв обо всех, прикрыв глаза, овчарка выла как волк – так же длинно, мрачно и тоскливо.

«Энди!», – с недовольством стукнув кулаком по прошлогодним листьям, прикрикнул я на овчарку. Она послушно и виновато пряча глаза, опустила голову. «Быть беде...», – дрогнуло сердце.

«Да ладно тебе, думать о плохом, – тут же включился хитро сделанный разум. – Просто она устала от работы и шума. А может, её подбили на вой летящие самолёты», – продолжал заплетать кружева изворотливый ум. Успокоив себя и овчарку, решил отодвинуть плохое предчувствие дальнейшим чтением книги.

На войне у человека, как у хищника во время охоты, все органы чувств работают на максимуме. Возникает необходимость снять нервное напряжение. Нашим дедам были положены боевые сто грамм. Нам же приходилось самим искать выход.

Курящим старшина выдавал сигареты. Особо находчивые мудрили. Вслушиваясь в дворовые песни, забывались и вспоминали о доме. Я инстинктивно читал. Заставлял себя понять и прочувствовать незатейливый сюжет. Книга хотя бы ненадолго уносила в другую жизнь. От ветхих потрёпанных страничек веяло добром и родиной, словно открывалось окно в другую плоскость.

В рюкзаке, среди гранат и патронов, художественное произведение оказалось случайно. Хотя, как известно, случайностей не бывает, всё приходит в своё время... Приостановились мы как-то на блокпосту. Часовой повёл командира к своему начальству.

Функцию постовой будки выполнял списанный БРДМ. Вросший в землю металлический остов машины покоился без орудий, колёс и всего, что поддавалось демонтажу. На башне одиноко лежала старенькая зачитанная книга. Ветерок заманчиво перелистывал пожелтевшие от солнца и времени страницы.

Поёрзав от нетерпения, немного поразмыслив, я всё-таки перепрыгнул на соседнюю броню. Взял книгу с едва просматривающимся рисунком на потертой обложке, по которой можно было лишь догадаться, что на ней – деревья, кусты и название – «Лесная ягода».

«Часовой, читающий книгу на посту, это уж слишком», – подумал я, перепрыгивая обратно. Пряча находку в рюкзак, стал мысленно выгораживать себя.

«Почитал, дай другому почитать. С ближним надо делиться. Восстановлю авторучкой рисунок, прочту и на обратном пути, конечно же, верну». Оправдалок каждый из нас знает много. Возможно, повысив бдительность часового, я даже кому-то жизнь спас. Рисунок на обложке восстановил, но книгу дочитать не довелось. Обратного пути не было, поэтому и не вернул.

Темнело, ребята доставали из картонных ящиков рыбные консервы, в томатном соусе или в масле, кому какие приглянутся. Вскрывали и, без каких либо признаков эмоционального удовлетворения от еды, медленно жевали.

Прямо на углях костра, в металлических банках, разогревали тушёнку и каши. Мы сидели полукругом на земле, скрестив ноги на местный манер, и смотрели на красно-жёлтый полыхающий огонь. Пламя, обдавая нас приглушённым светом и тёплым дымком, потрескивало сухими дровами.

Тихими вечерами, когда мысли и душа сами собой настраивались на мирный лад, слушали гитару и все думали о своём. В памяти всплывал родной край, свой дом. Вспоминалась повседневность, когда вся жизнь, казалось, течёт своим чередом, как сама собой разумеющаяся. Здесь прошлое воспринималось по-другому.

Пройдёт время, гражданская жизнь вновь станет обыденной. Афганские события, оставляя шрамы не только на теле, но и в душе, ноющей раной навсегда впечатаются в солдатские сердца.

Перебирая струны, я тихо пел:

«...А быть может, ветер,
Что траву качает,
Унесёт за горы
Все наши печали,
Где мы с лёгким сердцем
Чистый воздух пили
Среди трав пьянящих,
На лугах России...».

Музыка объединяет сердца. На войне мелодия (лучше, если она дворовая, любительская, такая ближе) исцеляет душу. На гражданке этим песням военных лет предстояло объединять сердца в одно большое братское сердце...

Друзья сидели рядом. Олег по-свойски положил руку на левое моё плечо, Санёк, не сговариваясь, одновременно на правое. Не отрывая глаз от полыхающего огня и не прерывая песни, я улыбнулся им в ответ. Предчувствие не обмануло, это был последний наш вечер. Завтра гитара осиротеет.

Глава 6

...Француз-хирург, с изяществом артиста
– Ему не больно, потому бесстрашный! –
Восстановил тебя из липкой каши...

Яркая луна освещала полотно дороги. Ехали при потушенных фарах. Ведомые машины ориентировались по приглушённо-красным габаритным огонькам идущих впереди. Похоже, проскочили. В ушах еще звенело от выстрелов, пахло пороховой гарью.

Страха не было. Ступор и мелкая дрожь накроют чуть позже. Тогда и придут тягучие мёртвые минуты, которые наступают до или после боя. Руки потянутся механически к пачке «Примы» или «Охотничьих». Возникнет желание выбросить из головы, забыть и побыстрее уйти от мыслей и вязкой минуты.

Отродясь я не курил, и как-то само собой придумалось – грызть соломинку, сахар или сорванный прутик. Так было легче оторваться, заполнить зависшую паузу. 302-й БТР стал постепенно от нас отставать и остановился. Уступая дорогу колонне, рискуя подпрыгнуть на mine, мы осторожно взяли обочину и тормознули.

Вскоре сквозь шум моторов и гусеничный лязг послышался хлопок, колонна, замедляя ход, постепенно замерла. В эфире прошло сообщение о подрыве головной машины. Моджахеды воевали по отработанной схеме. Сначала остановить движение, затем, с заранее пристрелянных позиций, планомерно, как в тире, уничтожить колонну.

Боевые машины, ощетинившись стволами, пытались отыскать и подавить огневые точки противника. Энди взяла запах мины. Оглянувшись, я указал обнаруженное место. Помощник Вугар, стоял, опустив руки, вжав голову в плечи, и смотрел перед собой в землю.

Вот и мне довелось на своём пути встретить этот испуганный взгляд. Война срывает маски, и человек становится виден, как в чистом поле. Сквозь затравленный опущенный взгляд Вугара виделись мне лица дембелей. Отслужившие два года, они отсчитывали каждый пройденный километр до советской границы. Ожидание для них перешло в дни и часы.

Рассекая воздух и вонзаясь в землю незримыми жалами, пули ложились все ближе и ближе. Отогнав все посторонние мысли насколько это было возможно, стал ещё бдительней и собранней. Громко и часто колотилось сердце. Наступил момент «секунда как вечность».

Всё вокруг замерло и пропало. Время остановилось. Пауза ощущалась, как ощущается смерть в затянувшемся ожидании. Рука лишь на мгновение застыла на mine.

Яркий солнечный свет резанул по глазам. Первый лучик пришёл сообщить о начале дня. С детства любил я и ждал эти секунды. Юношами ходили мы в туристические походы. В России и здесь, на Афганской земле, когда гитара была под рукой, всегда пел «Гимн Восходящего Солнца».

В такие мгновенья были лишь двое – зорька и я...

...От встречного ветра не прятал лица
и шёл, не срезал круги.
Поэтому тёплый комок свинца
нашёл меня раньше других.
Я труса в себе не посмел бы простить.
Взглянуть не посмел бы на вас.
Поэтому силы сумел найти
в решающим ставший час.
Поэтому голову не опустил.
Поэтому стал смелей.
Ворвался свинец и не отпустил.
Скрутил и пригнул к земле...

Отмучилось, остановилось солдатское сердце. На двенадцатый день так и не пришел в сознание, и наступила клиническая смерть.

В операционной Кабульского госпиталя хирург методично применял технику непрямого массажа сердца. Длительное забытё сменилось давящими жерновами. Измученное, израненное тело было согласно на всё, лишь бы без боли. Не существовало ни комнаты, ни хирургического стола, только угнетающая боль, на каждую клеточку.

Всё зависло в промежуточной, временной точке. Струна напряжения должна была не выдержать и лопнуть. Постепенно становилось тяжело и легко. Совмещалось несовместимое. Холод-тепло, боль-удовольствие, давление и невесомость.

Перед глазами – живая, золотисто-бархатная, бездонная пустота. Радужная, одновременно чужая и родная. Притягивающая и отталкивающая, живущая своей жизнью, звенящая, переливающаяся с яркоцветными, хаотично движущимися точечками пустота. Разом ощущалось одиночество и присутствие наполняющего собой бескрайнюю вселенную вездесущего. Ещё немного, струна разлетится со звоном, и всё навсегда рассыпется и распадётся на мельчайшие частички, и я стану бездонной, живой вечностью...

Неизвестное быстро сменилось знакомыми ощущениями. Темнота стала однотонной и поверхностной, боль острой, физической. Чьи-то руки невыносимо давили на грудь в области сердца. Негромкий мужской голос твердил: «Дыши, дыши...». К лицу прижималась кислородная маска. Монотонно-прерывисто пищал зуммер. Сознание затуманилось, всё стихло.

Стабильное понимание и восприятие происходящего возвращались в госпитальной палате. Не было ни стен, ни пола. Голову и тело, покалывая мелкими иголками, сжимали неведомые тиски. Откуда-то издалека доносились неразборчивые голоса. Темнота перед глазами давила неизведанным животным страхом... Свет, где же свет? Ненадолго хотя бы маленький успокоительный лучик. Нет, это не сон и не ночь... Чужая, угнетающая, мрачная, незнакомая темнота.

Двинул правую руку к лицу. «Надо сорвать, сорвать всё, что мешает проникновению света...». Закованная в гипс рука дёрнулась и непослушно опустилась на тело. Лево́й ощупал тугие бинты. Открытая нижняя часть лица и шея покрылись чужой жёсткой коркой. Пальцы судорожно старались попасть под бинты. Нетерпеливо, упрямо рванулась рука. Острая боль прошла голову и каждую клеточку тела.

Силы ушли, рука упала. Ослабленное тело лежало, сознание лёгким облаком парило над ним. Я словно пребывал одновременно там и здесь. Лежал на кровати и плавно пульсировал под потолком.

Цепляясь одна за другую, вяло потекли тревожные мысли. «Как жить дальше? Это навсегда? Где я?.. Почему в здесь? Ведь до Кабула почти триста километров. Сколько прошло времени?».

Вопросы неумолимо пожирали и без того ослабленное тело.

«Я теперь никогда не смогу играть на гитаре. Мотоцикл, меня дома ждёт мотоцикл. Как же там Энди? Нет, она будет жива. Перед взрывом я спрятал её за спиной. Колонна? Она должна вырваться, за выбоиной начинался ровный асфальт. Надо побыстрее возвращаться, лечиться и назад, к ребятам, в строй...».

Изнуряющие тягучие мысли замкнутой цепью возвращались к тому, с чего начинались. «Как сообщить родителям? Ведь я даже своей рукой написать не смогу. Письма, написанные заранее, наверняка ещё в пути. Однако вскоре иссякнут и они. Матери, бедные наши матери. Пуля, попавшая в сына, рикошетом попадает в мать, болью пронизывает материнское сердце. Простите нас. Не для того вы нас растили.

Зачем люди убивают друг друга? Вместо того, чтобы лечить больных, искоренять нищету и насилие, лучшие умы тратят жизни, изобретая смертоносные орудия. Тратятся бешеные деньги, круглосуточно работают заводы. Всего лишь для того, чтобы стать кому-то ещё богаче и могущественней. Всё, всё ради денег... Не для того дана нам жизнь, чтобы вот так её прожигать».

На кровать кто-то присел.

«Ноги целы», – подумал я, пошевелив под одеялом пальцами. Тихий уставший мужской голос спросил: «Не спишь?» (сплю... Это единственное, что теперь мне

по силам – заставить себя уснуть. Возможность вырваться из мысленной рутины, а значит, из настоящего...).

Но на вопрос ответил коротко: «Нет».

Голос продолжил: «Я хирург. Ты наверняка не пил и не курил? Тренированное, здоровое сердце у тебя, поэтому и выжил».

Я молчал. Не желая оставаться в давящей тишине, он опять заговорил.

«Держись, переломы челюсти и скуловой кости срастутся и жевать станет легче. Гипс и бинты с грудной клетки, придёт время, снимут. Крупные осколки мы удалили. В лице и груди у тебя ещё десятка три наберётся. Их не стали трогать, мешать они тебе не будут».

Голос, не желая убивать надежду, умолчал о главном. По той же причине не задавал вопросов и я.

Сердце грустно шептало: «Это навсегда...». Разум упрямо громоздил надежды...

Пришла медсестра. Хирург приподнял головную часть кровати и, попрощавшись, ушёл. «Какое сегодня число?», – хриплым голосом спросил я. «Первое. Первое ноября», – быстро исправился девичий голос, и, слегка гремя посудой, медсестра осторожно присела рядом.

«Какой же день был тогда? Кажется, девятнадцатое октября...».

Сестричка терпеливо кормила.

Мне от своей беспомощности стало неловко и стыдно. Еда была жидкой и тёплой. Вкус, обоняние и слух вернутся нескоро и не полностью. Лишь через полгода, на День Победы, подаренный девчонками букетик цветов пробьётся запахом весны.

Госпитальные палаты были переполнены. Окружной центральный Кабульский военный госпиталь ждал отправки раненных в СССР.

Уставшие от боли и безделья бойцы давили уныние и горе потехами, смехом и шутками. Развлекали себя как могли. В соседней палате кто-то на забинтованной груди изобразил карту боевого пути. У другого – на повязке, скрывающей глаз, красовался глаз «на замену» – нарисованный, нереально большой.

Лежащему на вытяжке с переломом ноги написали на гипсе: «Не будить, не кантовать, при пожаре выносить первым!».

Кто поздоровей да пошустрей, приударяли за медсестрами. Соседом по койке оказался однополчанин, артиллерист Лёха, получивший ранение в глаз и руку.

Лейтенантик всячески старался меня поддержать и развеселить. С его помощью стал постепенно вставать и двигаться. «Как быстро человека покидают силы, и как долго они восстанавливаются», – удивлялся я. Мёртвая обгоревшая кожа, как старая штукатурка, отделялась лохмотьями.

На розовой поверхности лица осталась лишь синяя пороховая россыпь, но это навсегда. Людская беспардонность в словах: «А чего у тебя лицо в краске?», – довольно часто будет заводить в тупик.

Медсестру Катерину попросил написать домой письмо.

«Жив, мол, ваш неугомонный сынок. А что чужой рукой письмо написано, так это просто песком глаза присыпало, не переживайте, скоро буду».

Внизу листа левой рукой с трудом нацарапал: «Целую, Славик».

Письма домой всегда старались писать бодренькие и ни о чём. «Несём службу. Кормят хорошо. Играем в футбол. Регулярно, два раза в неделю, ходим в кино и посещаем баню».

Главное – не содержание, а бодрость духа в написанных строчках. Такое письмо для близких работает лучше всякой успокоительной пилюли.

Уходя на боевые действия, писалось сразу несколько писем. На запечатанном конверте ставились даты отправки. Каптерщик согласно цифрам опускал в почтовый ящик на штабе весточку домой.

Желающих похвастаться перед близкими или разжалобить их отучали легко и быстро. В один из ясных солнечных дней – таких здесь больше, чем хочется – смотрю, ребята кучкуются. «Что за шум, а драки нет?». Ясное дело, решил посмотреть. Не знаю, как письмо стало достоянием гласности, но «писарчука» заставили во всеуслышание читать своё незаконченное послание.

Стоя под испытывающими взглядами собравшихся, чуя неладное, держа перед собой дрожащий лист, солдат испуганно мямлил: «Здравствуй, бабушка. Бью душманов, кушаю виноград и гранаты...». Но дочитать не успел. С глухим ударом сапёрная лопата зарядила хвостунишке по лбу.

В начале ноября афганское правительство проявило предпраздничное внимание и заботу к недострелянным бойцам. В больничных палатах на столах, раздвигая своим видом и запахом, стояли фрукты. Стояли, но не более того.

Восток – дело не только тонкое, но и жестокое. И уж лучше жевать «лошадиную радость», чем с отравлением валяться в реанимации.

Госпиталь ожил, как разворошённый муравейник. Готовились к отправке. Раненые меняли больничную одежку на военную форму. По инструкции, даже

если у военнослужащего отсутствовали ноги, сапоги аккуратненько ставились рядом с хозяином. На меня с трудом натянули защитного цвета форму и уложили на носилки. Все нервничали, суетились. Прежде, чем расстаться с медсестричками, я задал вопрос, как говорится, на посошок: «Уважаемые, а отчего мне как-то подозрительно дают сапоги?».

И с меня под всеобщий гогот стали стаскивать обувь. Впопыхах надели правый сапог на левую ногу, а левый, соответственно, на правую. Я почему-то вспомнил свои полусапожки, которые вместе с личными вещами остались неизвестно где.

(В Кабул привезли в трусах с чужого плеча. В смысле, не в чужих, – в армии, как при развитом коммунизме, всё общее, – а просто большого размера, почти до колен. Всё равно не ходячий, не слетят).

На своих полусапожках со шнуровкой смастерил вместо неуклюжей лапти стильную подошву. Подходящих инструментов не было, но было б желание, – в металлической крышке от консервной банки гвоздём набил отверстия. Работая крышкой как напильником, постепенно придал подошве нужную форму. Слегка скошенный каблук и сужение подметки старшина не заметит, а вид радует глаз (сапог не жалко, лишь бы на хорошие ноги попали).

В ТУ-154, оборудованный под летающий госпиталь, грузились с неуклюжей поспешностью. Кто-то нервно шутил, иные, стиснув зубы, молчали. Одно тревожное обстоятельство объединяло всех нас. Не о таком возвращении домой мы мечтали.

Носилки плавно приподняли и закрепили на крючках второго яруса. Мужчина, – наверное, кто-то из экипажа, взял мою здоровую руку и, положив её на пластиковую ручку, сказал: «Почувствуешь себя плохо, поверни кран, пойдёт кислород».

«Красный тюльпан» с грузом-300 на борту, натужно гудя турбинами и выстреливая тепловыми ракетами, по спирали поднимался над Кабулом. Кислород не понадобился, сознание покинуло раньше, чем успел повернуть кран.

Играя ниточками бинтов на лице, ветерок ласкал кожу и волосы. Тишина поражала своей необъятностью. Лёгкие, отвыкшие от свежего воздуха, с жадностью втягивали забытую прохладу. Опустив уцелевшую руку на шершавую землю, с горечью на губах прошептал: «Встречай, Родина, своих солдат...».

Думалось в тот миг, что, хотя до Родины ещё далеко, но теперь будет легче. Глупец, трудная и горькая жизнь делала лишь первые свои шаги. Алексей, однополчанин, спросил: «Очнулся, брат? Потерпи. Мы ещё на взлётке, всех увезли в госпиталь, скоро и за нами приедут».

Издали, рыча движком, подъехала машина. Санитары, шустро подхватив мои носилки, понесли на погрузку.

Алексей остановил их и твёрдым, уверенным голосом сказал: «Он живой. Развернитесь и несите вперёд головой».

В салон погрузили ещё одни носилки. Как оказалось, с раненым без обеих ног. Жужжа стартером, микроавтобус завёлся с трудом и рванул с места.

Раненый застонал от боли. Водитель, не обращая внимания, подпрыгивая на ухабах, давил на гашетку. Сосед заорал: «Ты что, ушлёпок, дрова везёшь?!».

Сразу после его слов катафалка, гремя железом, словно разваливаясь на части, подпрыгнула на кочке. Я сжал от напряжения зубы. Сосед сначала закричал от боли, а затем, с благим матом (вернее, совсем даже не с благим) стал метать в шоферюгу один за другим свои сапоги.

Выгружая нас возле госпиталя, перепуганные санитары вновь понесли меня вперёд ногами. Ну, тут Лёха не выдержал такой тупости, тоже обложил отборными словосочетаниями и без того перепуганных медиков срочной службы.

Переполненный ранеными и больными Ташкентский госпиталь расселял и лечил ровно так же, как и встречал. Однополчанин находился рядом, пока меня не переложили на кровать, но прежде, чем попасть в палату, мы долгое время ждали расселения в сырой и холодной душевой.

Вновь сменили форму на больничную одежду. В госпитале лечились военнослужащие со всего Среднеазиатского округа. В восьмиместной палате лежал разношёрстный народ, в основном, местные. Сплочённость и понимание в среде окружающих пропало.

7-го ноября, в День Октябрьской революции, палату посетили комсомольские активисты. Тяжелораненым преподнесли подарки. Михе – с такой же, как и у меня, травмой, – маленький приёмничек, мне – механическую бритву. Уход за израненным, слабочувствительным лицом, в прямом смысле слова – втёмную (зеркало стало самым ненужным предметом), приносил неудобства и выводил из себя. Брились пару раз в неделю, а это уже радовало.

Однако не успевшие принести пользы подарки к утру из тумбочек бесследно исчезли. Пришли товарищи по Кабульскому госпиталю, били сокамерников, переворачивали матрасы, вытряхивали содержимое тумбочек. Но пропажу так и не нашли.

После перелёта уход за ранеными заметно ослаб. Медперсонал упрямо бездействовал и сохранял терпеливое молчание. Он был, и как будто бы его не было.

Неизвестно по какой причине раны не промывали, повязки не меняли. Наверняка считали нас перед отправкой в Россию временно присутствующими. Все походило на то, что у данного заведения имелось собственное – немаленькое – кладбище.

Повязки ослабевали и медленно сползали. Непромытые раны требовали ухода. Мы снимали старые бинты и, помогая друг другу, перевязывались вновь. У ребят сдавали нервы, кто-то уже кричал: «Я больше не могу... Да лучше б меня убило!».

Ещё не раз в последующие годы в мыслях повторяются эти вот режущие слух горькие слова. Единственная процедура, которая регулярно выполнялась, – по утрам измеряли температуру. И дождались. Моя поползла вверх. Доктора лишь тогда обеспокоились. Не обо мне, а о своей, видать, карьере.

Собрали местный консилиум. Пальпировали лицо, болезненно промывали раны и пазухи. Но температура не спадала. На очередном осмотре кто-то из врачей спросил: «Что у тебя с рукой?».

«Не знаю, как говорится – очнулся – гипс». Дело в том, что я лежал в отделении офтальмологии, а рука должна была находиться в опорно-двигательном. Но так как мы ещё пока что были с ней заодно, на неё никто не обращал внимания. Быстро сняли гипс, под ним обнаружился резиновый дренаж, вросший в ладонь. Хирург, не утруждаясь обезболиванием, рванул инородное тело. Ох уж эти мясники, он бы с такой же лёгкостью вырвал мне и палец.

После случая со мной уход за ранеными улучшился. Однако на улучшение настроения это кардинальным образом не повлияло. Хотя всё зависит, с какого ракурса смотреть на происходящее. Что наша жизнь – краеугольный камень, сложна и проста одновременно. Во мраке трудных дней желающий отыщет, как проблеск, искру – положительное. Такой психологический костыль и градус настроения повисит, и жизнь облегчит.

Радовало ещё одно обстоятельство, а вернее, его отсутствие. Бытовая проблема, о которой старались умалчивать. Она же, в прямом смысле слова, вгрызалась в человеческую плоть. Вши... В первые годы десятилетней войны в Афганистане они были бесплатным приложением к армейским будням. Спасались, кто как мог. Разводили костры и, добавляя посудомоечное средство, кипятили в ведрах одежду. Водители вымачивали гимнастёрки в бензине. Имеющие доступ к электричеству мастерили кипятильники из двух лезвий для бритвы и подолгу вываривали свое облачение. Из неохотного рассказа дружков, отслуживших в те годы, выяснялось, что бороться с этой заразой всем было довольно трудно. Вши были везде, включая упакованное кровопийцами постельное бельё, приходящее раз в неделю из праечной.

Отслужившие два года Василий с Витьком застряли в те дни на пересыльном пункте в Кабуле. Границу закрыли на один большой замок в связи со смертью Генерального Секретаря ЦК КПСС – Леонида Ильича. Разрешение на вылет имел лишь борт – президента ДРА. Три осенних дня маялись ребята в отстойнике. А дембеля всё прибывали и прибывали. Прознав, что один самолёт на Ташкент, всё же выпускают (терпеть больше не было сил), ребята всеми правдами и неправдами постарались оказаться в числе счастливыхчиков.

Пассажирский ТУ оторвался от Афганской земли. Все сидели молча, думая об одном и том же, вслушиваясь в рёв турбин, ласкавший слух и расшатанные нервы. Витёк, желая скоротать тягучие минуты, снял шинель и расстелив в проходе между кресел, улёгся спать на пол. Вместо подушки сунул под голову шапку, развернув её так, чтобы красная звезда не давила на лицо.

Длящуюся, казалось, целую вечность маету прервал приятный голос бортпроводницы: «Уважаемые пассажиры, наш самолёт пересёк воздушную границу Союза Советских Социалистических Республик...». И, сменив официальный тон на ласково-сочувствующий, уже не так громко добавила: «Поздравляю, ребята, с возвращением домой!»...

И тут началось – кто-то одновременно плакал и смеялся, от переизбытка чувств матерились, прыгали от радости, подбрасывая солдатские шапки.

...И вот Ташкент – как долгожданный летний дождь. Борт приземлился на военном аэродроме для досмотра. Витёк с Васьком, вырвавшись за пределы запретной зоны на свободу, взяли курс на видневшийся город.

Быстро зашагали по бездорожью, оседавшему пылью на кирзовых сапогах. Двигались напрямик, не замечая асфальтированной дороги, лишь изредка поглядывая на затаившийся в стороне островок из кустов и деревьев. Отмахав полпути, переглянулись и рассмеялись. Не сговариваясь, по привычке, ставшей уже образом жизни, обошли опасный участок на расстоянии выстрела.

На подступах к городу решили культурно откусать в ресторане, грандиозный повод на то имелся. Мечту разрушил швейцар. Они стояли в лёгком смущении, всё прекрасно понимая. Что серые шинели далеко не вечерние фраки. И их загоревшие, исхудавшие лица с не по годам уставшим, дерзким взглядом выдают, что провели они последние два года отнюдь не в обществе мальчиков-одуванчиков. Понимали, и все же было обидно.

Случайно проходивший майор, бросив беглый взгляд на солдат и заведение для «избранных», всё понял без лишних слов. Приблизившись, тихо спросил: «Ребята, вы оттуда?» и, не дожидаясь ответа, добавил: «Пойдёмте со мной, я знаю, где можно перекусить не хуже, чем в этой харчевне».

Пройдя пару кварталов, они вошли в офицерскую столовую. Майор предложил ребятам располагаться, где понравится, взмахом руки поздоровался с официанткой и прямым ходом отправился на кухню. По всему было видно, что здесь он был своим человеком.

Минуты спустя офицер появился, сказав: «Скоро всё будет, оплата не требуется». И, пожав дембелям руки, ушёл. Ребята переглянулись – мелочь, а приятно.

Хотя заплатить было чем. У каждого во внутреннем кармане парадной гимнастёрки лежала пара сотенных боевых-отпускных. Вскоре всё та же официантка

в белом фартучке поставила на стол две глубокие тарелки с пельменями, обильно сдобренными сметаной, притягивающей взгляд своей белизной. Затем – гостиница и водка. Утром, попрощавшись, интернационалисты расстались.

Василий махнул автостопом на родину, в Киргизию. По мирным просторам, да в чине гражданского, путешествовать было слегка непривычно и даже забавно.

Напрягали лишь большие прозрачные стёкла пассажирских автобусов. Дома, в городе Фрунзе, ждали родственники и натопленная банька. Вышел Василий, распаренный, в отцовском махровом халате и домашних тапочках.

«Ну, сынок, выкупался, а теперь надевай форму и к столу», – радостным голосом проговорил отец.

«Нет формы, батя, я её сжёг...».

«Как сжёг? Шутки в сторону, скоро гости придут, мама уже стол накрыла».

«Я же сказал, формы нет. Горит в банной печи», – отведя глаза, негромко произнёс сын.

«Да ты что?», – вскипел отец.

И Василий, не сдержавшись, глядя родителю в глаза и повысив голос, выпалил: «Да ты пойми! Там война! Смерть! Окопы, вши! Там люди режут друг друга, как баранов!».

Виктор, прежде чем ехать в аэропорт и лететь в далёкий Ставрополь, к родственникам и подрастающей дочурке, из гостиницы отправился на барахолку. Упаковавшись моднячим гражданским шмотьём, попросил торгашей завернуть обновки в полиэтилен. Разузнав, где находится городская баня, зашагал к месту назначения.

Долго скоблил и драил себя. В безлюдной раздевалке сел на деревянную лавку и с наслаждением, не торопясь, стал одеваться. Навсегда расставаясь с военной формой, аккуратно изъясил из гимнастёрки документы, деньги и блокнот, где безвозвратно испорченным почерком были вписаны адреса боевых друзей, а главное – стихи.

Война сорвала какой-то механизм, и рифма потекла о наболевшем.

В мирных советских городах люди практически не слышали о неизвестной войне, тем более – от поэтов. А Витя в полумраке многоместной палатки царапал себе в блокноте, так и сложились эти слова: «Цинковая почта».

Моя мелодия и голос, его глубокие стихи переплелись, спаялись и зазвучали песней...

Цинковая почта

Воздух пахнет пряно,
С примесью бензина,
Из Афганистана
Друга увозили.

Небо голубое –
Чисто, как нарочно,
Знаешь, что такое
Цинковая почта.

Мир другой,
Не прежний,
Скомканые ночи.
Это ад крошечный,
Цинковая почта.

Этот груз почтовый
Смехом был, глазами,
Жестом был и словом,
Стал теперь слезами.

Вытянулась пуля,
В грудь засела прочно,
В август – из июля
Цинковая почта.

Дни мои и ночи,
Сам я где-то между...
Цинковая почта –
Долгий ад крошечный.

Даль Афганистана
Ветры просквозили,
Воздух пахнет пряно,
С примесью бензина.

***

Мысли о скором возвращении домой приносили тревогу. Они изматывали, не давая покоя ни днём, ни ночью. Ощущение, сжимавшее сердце, победить было не под силу. С наступлением темноты страдание нарастало, боль в ранах усиливалась. Охватывало чувство одиночества и покинутости. Казалось, что ты повис в холодной, надоевшей, черной пустоте. В бездне, наполненной невыносимыми душевными и физическими страданиями, идущими друг за другом. Ночь казалась бесконечной, а её тишина – мучительной.

«Славка, ты спишь?», – сквозь сопение и тихий храп прозвучал уставший Мишкин голос.

«Нет. Уснёшь здесь».

«Пошли, что ли, в сортир, покурим». Не зажигая света, который нам теперь был совсем ни к чему, скрипнув сетчатыми кроватями, шарили босыми ногами по пыльному полу в поисках казённых тапочек. Матерясь вполголоса, уцелевшими руками искали затерявшуюся дверную ручку. Стараясь не будить уснувших ребят, шли гуськом, неуверенно и настороженно, вдоль правой стены длинного коридора. Отсутствие посторонних звуков – топота ног, разных шорохов, – позволяло неторопливо двигаться в пустынном помещении. Внезапный наскок на дверь, возникшую на моём пути, – оставил открытой какой-то тормоз, – выбил искры из глаз. Неожиданность удара и яркая вспышка ввели в кратковременный ступор. Забыв о спящих, шуткнул: «Хорошо, что башня забинтована. Искры посыпались настолько яркие – думал, прозрел!». А затем, понизив голос, добавил: «Ничего не скажешь, тихонечко добрались...».

И, подавляя смех, шлёпая тапочками, мы засемили дальше.

Ночную тишину нарушил дежурный по госпиталю, вихрем ворвавшийся в небольшое помещение санузла. «Тааак... Распорядок дня нарушаем? – и, не дождавшись ответа: – Да я на вас рапорт начальнику госпиталя напишу!». «Кто-то уже настучал, – подумал я. – Ох уж эти сексоты, неистребимая прослойка населения. В армии особисты их пристраивают каптёрщиками. На гражданке прихлебатели да подхалимы заносят хвосты вышестоящим. Живут по принципу: «Если хочешь жить хорошо и к начальству ближе, держи попу высоко, а голову ниже». Тьфу на вас, людишки! Тьфу на вас ещё раз!». Пока я предавался философским размышлениям, дежурный выпустил пар.

«Ну, что молчите?».

Когда не видишь глаз собеседника, трудно понять его эмоции. У нас же головы были забинтованы по кругу и крест-накрест.

Я по-прежнему сидел на подоконнике под открытой форточкой, в больничных трениках и исподней рубашке. Покачивая ногами, левой рукой заботливо прижимал к животу загипсованную, чудом уцелевшую и от этого ставшую ещё ближе и дороже правую руку (хотя, если быть более точным, то и голова на плечах тоже уцелела чудесным образом). С наслаждением вдыхал свежий уличный воздух: «С детства ненавижу запах курева и незаслуженно громкого крика».

Михаил, чадая сигаркой, восседал, как гриф на вершине скалы, известное дело где. Мы спокойно стали объяснять офицеру, что нас не надо пугать. Хуже, чем есть, всё равно не будет. Всё, отвоевались. А если, товарищ начальник, вам что-то неясно, то идите лесом. Не найдёте в Узбекистане лесного массива, тогда идите куда подальше.

«Ну, мы ещё с вами разберёмся!».

Круто развернувшись, ушёл, хлопнув дверью.

Вышла осечка. Офицер наверняка уже не раз – и с одинаковым успехом – атаковал постоянно чувствующавшего себя в чём-то виновным госпитального брата.

«Отлѣживаются тут всякие, а мы за государственный счёт должны всех лечить, кормить и охранять».

Ничего нам за ночную стычку не было.

Время тянулось медленно и нудно. Всякий лежащий, ходящий и стонущий ждал здесь выписки или отправки.

Постепенно надо было привыкать к новой реальности, в которой более широкий мир теперь становился лишь живым звучанием. Притуплённый, травмированный взрывом слух старался уловить все разношёрстные звуки, на которые из здоровых мало кто обращал внимание. Это была новая жизнь, не знакомая прежде. За окном запели птички – пришла долгожданная зорька. Всё стихло вокруг – похоже, наступила ночь. Барабанная дробь по карнизу за стеклом сообщала о начавшемся дождике. Восприятие цветной природы сузилось и обнищало. Солнышко стало либо ласково-тёплым, либо изматывающе-жарким, сверкающий яркий снег – податливо-холодным и мокрым. Предметы перешли в измерение приятно-гладких или шершавых, твёрдых или уступающих пальцам. День ото дня вязкая темнота глушила зрительную память. Блестящая в утренних лучах роса на ярких от влаги кустах и траве, красные, жёлтые и белые цветы, знакомые лица и предметы теперь лишь иногда виделись во сне. Передвигаться приходилось настороженно и медленно, внимательно исследуя и запоминая расположение вещей и обстановку помещений. «Прежде, чем сесть, обследуй место посадки». (Как-то Мишка ушёл покурить, я ему под одеяло засунул воздушный шарик. Пришёл друг и сходу – в кровать, подорвался повторно).

Личные вещи приходилось аккуратно складывать и запоминать, куда положил. Подолгу искать упавший предмет. Раньше осматривал, теперь ощупывай. Видел окружающий мир, разноцветье, смотрел кинофильмы, теперь – домысливай.

Самое трудное – привыкнуть, что ты не мобилен, принимать унижение и обман.

Люди выжимают из жизни все, не боясь ни Бога, ни его оппонента.

Отсутствие зрения, ноги или руки невозможно понять или объяснить. Его можно только почувствовать.

Сиди хоть целый день в кресле, имитируя отсутствие ног, ходи с закрытыми глазами, тыкаясь в углы – всё это пустая грустная игра. В ней отсутствует самое главное – гнетущее понимание, как пожизненный приговор, что ты такой теперь навсегда.

Лучшее лекарство на свете, как известно, – это сон. В такие часы человек идёт на поправку. Раны во сне затягиваются быстрее, душевная боль затихает. Спасительную дремоту прервала кишкопляска.

Словно малые дети, получившие новогодний подарок, местные радовались казану плова (мы, даже будучи взрослыми, как малыши верим в чудо и ждём подарков). Под гиканье и улюлюканье они приплясывали вокруг стола с ложками в руках.

«Вставай кюшать плёв! Бистро вставай, папробуй нашу вкусную плёв!». Заботливые родители решили угодить своим приболевшим чадам. Надо признать, им это удалось.

Посещать госпитальную столовую, да три раза в день, я не любил. И проблема была далеко не в качестве еды. Утраченная чувствительность мягких тканей лица и неумелая левая рука не позволяли ложке попасть по месту назначения. Хотелось зафугасить посудину о пол вместе с содержимым. Так что, скрывая гнев на самого себя, отказывался от жидкого. Второе без особого разбора метал, как в топку, что попадалось в ложку, с одним желанием – поскорее уйти. Что касается плова, то повседневная реальность новой жизни проявляла себя даже в мелочах. Пока нашли свободную ложку, да уступили место за столом, пробовать практически было нечего. На дне казана, как оказалось, лежала лишь присыпанная рисом большая круглая айва.

«Айва?! – разочарованно подумал я. – Лучше б таких же размеров кусок мяса спрятали. Хотя всё равно б не досталось».

Мне всегда было чуждо чревоугодие. Лучше остаться голодным, чем быть одержимым звериным инстинктом.

Вспомнился афганский плов. Тогда я поступил немного иначе.

Придерживаясь золотой середины, нельзя позволять садиться себе на шею.

Мы стояли на блоке в «зелёнке», между шоссе и пустующим кишлаком. Уходя из зоны боевых действий, крестьяне поспешно покидали обжитые места. Пустующие глиняные дувалы и небольшие орошаемые плодородные делянки располагались хаотично. Люди приспособивались к местности как могли.

Спасаясь от жары, населённые пункты ютились у живительных рек. От них в разные стороны кровеносными сосудами расходились рукотворные арыки. Причудливо петляя, заметно похудевшие и ослабленные, они объединялись вновь. Находясь в постоянном движении, вода питала возделываемые культуры, дикорастущие кусты и деревья, называемые нами «зелёной».

Утром в наш лагерь пожаловал крестьянин – в непривычных для глаза голубом халате и такого же цвета тюрбане. На босу ногу была надета неизменная обувь

местных жителей – чёрные калоши. По его активной жестикуляции и не менее эмоциональной речи без особого труда мы поняли, что человек просил помощи в погрузке урожая. Комроты отобрал десяток бойцов и приказал вооружиться.

Мы углубились в «зелёнку». Петляя среди кустов и деревьев, перепрыгивая через узкие арыки и канавы, крестьянин быстро шёл впереди. Идти было недалеко, вскоре послышался звук работающего двигателя, а затем показался советского производства трактор «Беларусь» в сцепке с телегой. Под высокими тополями, на небольшом чеке, возвышался стожок скошенной пшеницы.

Капитан велел пулемётчику и двум автоматчикам осмотреть виднеющееся в глубине «зелёнки» жилище и занять за ним оборону. Прочие, установив пирамидой автоматы стволами вверх, принялись за погрузку.

В приятной прохладе мирно пели птицы. Высокая, полукруглой формы глинобитная стена придавала постройке вид неприступной крепости.

Стараясь не греметь амуницией, держа стволы на изготовку, а ушки на макушке, мы втроем осторожно шли вдоль дувала. Сапоги беззвучно ступали по песчаной земле. Огибая слева мусорную кучу, я обратил внимание на вырытую под нею нору. Резко остановившись, схватил за рукав пулемётчика. Третий, немного пройдя, настороженно замер. Деревянно-земляную огневую точку искусно скрыли под кучей старого навоза, сваленного у подножья стены. Сверху хаотично засыпали сухими ветвями и блёклой травой. Стоящий на другой стороне Витёк продемонстрировал ручную гранату. Мы, молча согласившись, отступили назад. Ухнул глухой взрыв. ДЗОТ выдохнул пылью и дымом в бойницу. Крупинки земли, прячась в траве, ползли вниз по шершавой стене ДЗОТа. Обрезки ветвей дрожали, пыль лениво оседала на тропку.

Птицы по-прежнему весело перекликались между собой.

Не дождавшись подозрительных звуков, отправились искать вход в уже совсем не мирное жилище. Высокие двустворчатые ворота встречали, слегка приоткрывшись. Мрачные деревянные створки, не выдавшие краски, выглядели добротнo и уверенно. «Такие плечом не вышибешь».

Осторожно вошли в большой, неправильной формы, овальный двор. Нашему взору открылось недавно покинутое замкнутое пространство. В воздухе ещё висела суeta и нервозность. На глаза то тут, то там попадался разбросанный мусор, какой остаётся обычно при переездах.

Постройка изначально задумывалась как небольшая крепость. Строительным материалом служил раствор глинистой земли и воды. Словно из пластилина лепились ограждения, к ним присоединялись кубики подсобных и жилых помещений с плоскими крышами. Крепостная стена трёхметровой высоты и полуметровой толщины служила прекрасной защитой от пуль. Входные ворота постройки находились на противоположной стороне от шоссеиной дороги. На ровной по-

верхности пустынного двора стояло одинокое гранатовое дерево. Приземистое, с редкими листьями растение склонилось под тяжестью недозревших плодов. Под кроной, в ограждении, зияло сквозное прямоугольное отверстие. Бойница для стрельбы лёжа. Такие же виднелись повсюду. Разница лишь в том, что вести огонь можно было с колена и из положения стоя. Обманчивая тишина затаила смертельную опасность, ощущаемой каждой клеточкой. Замаскированный ДЗОТ и бойницы были уготованы явно для нас и против нас. Стараясь не нарваться на растяжку, мы внимательно осматривали покинутое жильё .

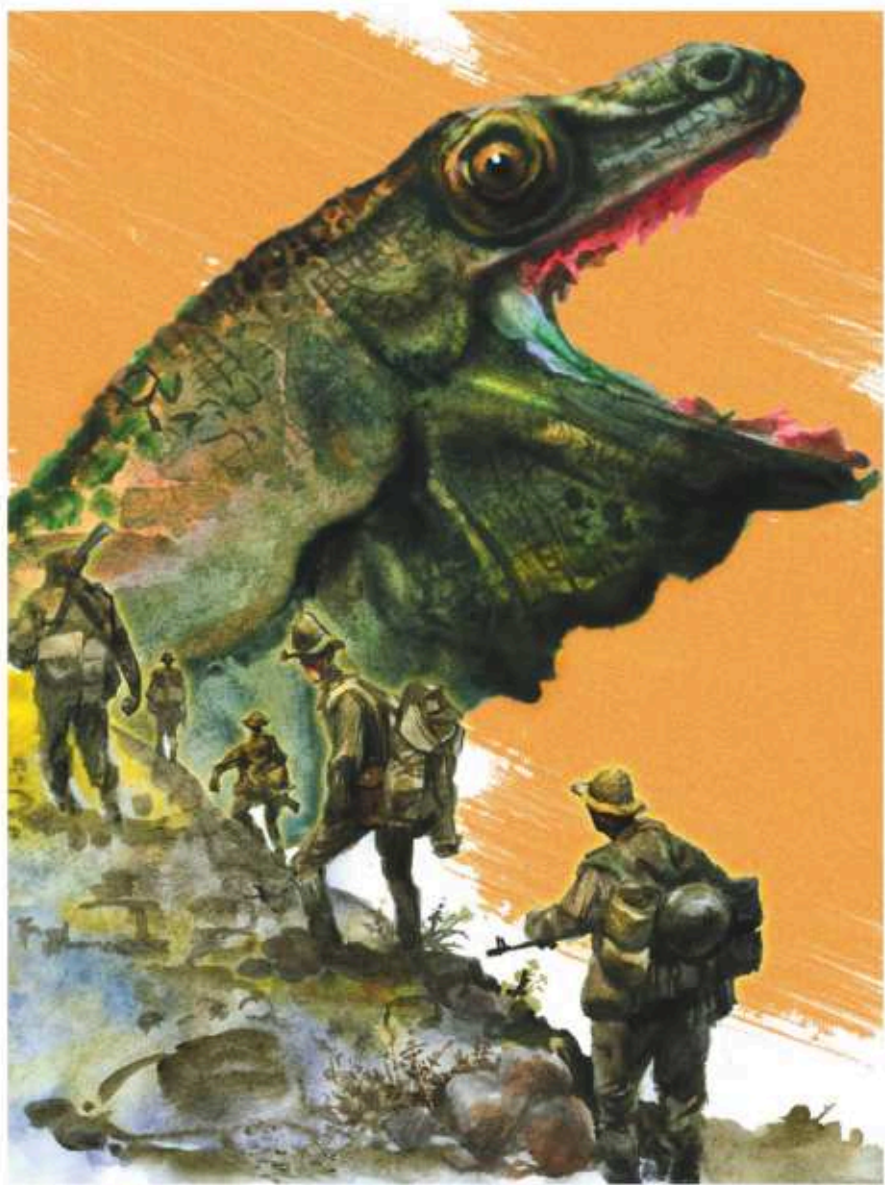
По левую руку приютились невысокие хозяйственные постройки, с них и решили начать. С древесины в здешних краях был напряг, оттого местные, покидая жилище, увозили все, что подлежит демонтажу. Приблизившись к тоскливо зияющему дверному проему, сразу услышали устрашающее громкое шипение. Такого рода звуки, раздражающие не только слух, но и натянутые до предела нервы, всегда, неизменно, вызывали желание тикануть от греха подальше, куда глаза глядят...

Приостановившись, мы переглянулись. Рептилии, живущие по принципу – меня не трожь, и я тебя не трону, огнестрелами не пользуются. Поэтому были все шансы разбежаться с миром. Подталкиваемые необходимостью выполнения приказа и юношеским любопытством, мы осторожно заглянули в сарайчик. Желтовато-песочного цвета варан, с узором из многочисленных темных пятнышек и точек на животе, стоял на мощных ногах и шипел, раздувая бока. В широко разинутой пасти с острыми, слегка загнутыми назад зубами, нервно подрагивая, двигался глубоко раздвоенный змеиный язык. Слегка присев на задние лапы массивным телом, поднимая пыль и куриные перья, варан хлестал из стороны в сторону внушительной длины могучим хвостом.

«О, зема, а ты какого хрена здесь делаешь? – стараясь не раздражать дракона, чуть слышно произнес я. – Куриными яйцами пришел полакомиться...».

(«Зем-зем» – так называли серую ящерицу призывники из Туркестанского ВО). Яростно блестящие стеклянные глаза и впившиеся в землю, острые, слегка загнутые когти на напряженных лапах говорили о том, что пожиратель ядовитых змей и пауков готов биться до конца. Хлесткий выпад хвоста по бедру испытывать уже доводилось. Удар, подобно плетке, кроме острой, но терпимой боли в основном оставлял лишь обиду от перенесенной порки. Однако крепкие челюсти и конусные зубы заслуживали особого внимания и опасения. Слюна ящера, попавшая в кровь человека, вызывает озноб, повышение температуры и головную боль. Челюстями варан мертвой хваткой сжимает свою добычу. Однажды, совершив резкий прыжок, схватил любопытного за кирзовый сапог, навсегда оставив на ноге след от двух передних, самых длинных зубов, причем оставив не только довольно глубокие разрезы, но и кусок сломанного зуба, который со временем у варана меняется на новый.

Испытывая обоюдное желание без особой необходимости не ввязываться в драку, мы попятились назад, а варан, вскоре почуяв снятие блокады, высо-

чил из курятника и метнулся через просторный двор. Гигантских размеров, более полутора метров в длину, ящер словно летел над землей. Вытянув шею, извиваясь всем телом с широкими поперечными бурыми кольцами на спине и хвосте, варан перебирал расставленными лапами и «рвал когти». Лихо, не сбавляя повышенных оборотов, обогнув ствол гранатового дерева, чуть замедлив ход и подогнув лапы, нырнул в отверстие бойницы. Лишь на прощанье нервно скользнул по неровной поверхности глиняной стены чешуйчатым змеевидным хвостом. Наши молодые лица выражали одинаковое чувство: «Тьфу, и как здесь можно жить?»...

По-прежнему держа стволы на изготовку, а ушки на макушке, продолжили осмотр покинутого жилья. Ступая осторожно, по-кошачьи, насколько позволяла рифлёная подошва, продвигались по гладкой земле без малейшего намёка на травяной покров. Не желая пропустить растяжку на уровне каски или ног, мы тихо подошли к такому же уныло зияющему дверному проёму. В одной из комнат, на грязном земляном полу, среди мрачной серости, ярким пятном выделялась цветная фотография. С портретного снимка смотрел студенческого возраста азиатский юноша. Брюнет в тёмном пиджаке и неуклюже выпирающем галстуке.

Всё как-то было здесь не к месту. Небрежно брошенный, сделанный где-то в городе яркий снимок. Пиджак и великоватый чёрный галстук в крупную белую клетку. Вещи явно позаимствованы у фотографа. И мы – с оружием на боевом взводе, в закопченной комнате с низкими потолками и чужим отталкивающим запахом. «Не свалилась бы какая-нибудь пакость за воротник», – подумал я. «Вспомни нечисть, она и появится!». Над оконным проёмом, по глиняной стене, перебирая корявыми ножками, полз размером с теннисный шарик черный мохнатый комок. «А вот с этим паучком лучше не встречаться! Фаланга хоть и не имеет своего яда, однако взрослая особь может прокусить кожу человека. Учитывая, что паук питается падалью и в его челюстях часто скапливается трупная зараза, его укус для человека чреват осложнениями вплоть до самых невесёлых». Тем временем фаланга, беспрестанно двигая жвалами сверху вниз и справа налево, просеменя по стене, выкатилась через окно на улицу.

«Не пора ли и нам последовать примеру паука, но только как и вошли, через дверной проём». Не без удовольствия выйдя на свет божий, по спокойному лицу следившего за внешним миром постового поняли, что всё в порядке.

Наконец добрались до ДЗОТа. Узкий лаз вел под забор за пределы двора. Опустившись на колени, заглянули в дыру. Внутри было пусто. По-прежнему пахло взрывчаткой и пылью. У входа валялась металлическая блестящая лопата в виде изогнутого цветочного лепестка, мощный черенок которой был у основания наискось сломан.

Выйдя из ворот за пределы дувала, все заметно приободрились. Перед нами, сверкая яркими плодами, раскинулась помидорная делянка. По правую руку, петляя среди кустов и деревьев, шла узкая, с выбитой колеёй проселочная до-

рога. Два Витька залегли тут же, перед высокими томатными кустами, в неглубоком сухом арыке, не забыв при этом выхватить пару спелых плодов.

Быстро шагая по высохшему поливочному руслу, протирая ароматный помидор о рукав гимнастёрки, я поспешно выбирал себе позицию.

Оставив справа и сзади прочёсанный объект, залёг под деревом в редком кустарнике, не забыв перед этим внимательно осмотреть лежанку на наличие затаившейся местной фауны. Мощный тополиный ствол шириной в два обхвата возвышался над головой, качая раскидистой кроной. Такие красавчики-великаны сейчас шумят у моего дома.

Впереди, мелькая сквозь зелень, показался голубой трактор. Подпрыгивая на ухабах, петляя по просёлочной дороге, он приближался к ребятам.

Вдруг они неожиданно встали в полный рост и преградили путь транспорту. Сидящие в кабине мужчина и женщина с ребёнком на руках насторожились. Подойдя к открытой двери остановившейся машины, стараясь перекричать шум работающего двигателя, наши дружно закричали: «Шурави кантрол!».

А затем: «Чарз, аст?» («Есть ли анаша?»). «Аст, аст!», – соглашаясь, закивал левой. Сомнений не было, анашой здесь приторговывали даже пяти-шестилетние мальчишки. Все с миром разошлись по своим делам. Местные продолжили путь, Витьки, оживленно и весело болтая, гремя амуницией, рухнули в арык.

«Засада перестаёт быть утомительной, наступает кратковременная веселуха». Вскоре над томатным безветренным полем поднялся еле уловимый сигаретный дымок. Через несколько минут ребята «поймали ха-ха». Приподнявшись, я посмотрел на охрану. Перед кустами, задрав опорную ножку вверх, на боку сиротливо лежал пулемёт. Витьки, задыхаясь от смеха, схватившись за животы, катались на дне пыльной траншеи.

«Нашли время, охламоны», – укладываясь на хрустящую прошлогоднюю листву, беззлобно срунулся на них.

Осудить легко, выдержать давящую реальность гораздо трудней... Прятался от её каждый по-своему.

За мной числился грешок из трёх самоходов. Конечно, не по таким вот зарослям. Не зря ж у нас говорили: «Афганистан – страна чудес, пошёл в кишлак и там исчез».

Дело было в Кундузе. Он хотя и считается центром провинции, вбивавшим в себя в те годы полторы сотни населения, на деле ж – большой кишлак.

Стояли мы в те дни на сторожевой заставе под названием «Тюрьма». Врылись в пустынные сопки наши ребята, оцетинившись стволами трёх танков и окружив себя минным полем. Жили в таких же, как и местные, глинобитных землянках.

У подножья невысоких пригорков проходила пыльная сельская дорога, за которой с укрепления можно было увидеть жилые постройки и массивную, увенчанную колючей проволокой, высокую стену правительственной тюрьмы. От неё и получила своё название советская точка.

Первый выход осуществлялся с целью поесть персиков. Питаясь консервами и прочей нехитрой солдатской едой, мы страдали авитаминозом. У меня по этой причине ногти выгнулись в обратную сторону лодочкой.

«Сам о себе не подумай, никто не подумает». Безрезультатно бродили мы по садам и огородам. Опоздали, урожай собрали без нашей помощи. По штучке персиков все-таки съели и один бросили в мешок. Не с пустыми ж руками возвращаться к ребятам.

На обратном пути повстречали девушку. Сидит в выгоревших чёрных шароварах и такой же рубахе, с увлечённым видом полощет бельё в речушке. Подняв глаза на нас, оцепенела от неожиданной встречи. Взвизгнув, подпрыгнула и, чудесным образом провернувшись в воздухе на 180 градусов, бросилась наутёк. Мы свистели вдогонку улепётывающему, высоко задиравшему розовые пятки зайцу. Бельё медленно плыло вниз по течению. Чёрные блестящие калоши, далеко не детского размера, так и остались стоять у кромки воды.

В следующий раз ходили в дуكان полакомиться мороженым. Не витамины, конечно, но всё же смена обстановки и декораций благоприятно воздействовала на нервишки.

Откуда деньги? Мелкая спекуляция. Танкисты продали сэкономленное топливо да немного сухпая, оттого-то с барского плеча и угощали. Честное комсомольское, боеприпасы и оружие никогда не продавали. Догадывались, что под покровом ночи спекулятивный товар вернётся и полетит прямёхонько в нас.

...Если быть более точным, то лакомились мы не в дукане, а в почти что культурной кафешке.

Дуكان – что, торговая лавка, в которой отсутствует лицевая стена. Две большие створки-ставни днём открываются в разные стороны, и магазинчик, используя полезную площадь от пола до потолка, становится одной сплошной витриной.

Для удобства покупателей пол приподнят до уровня колен. В центре витрины, скрестив ноги, восседает дукащик. Купить здесь можно всё: моднячие швейцарские часы, ятаган, батники и складные солнцезащитные очки в придачу с музыкальной открыткой. И, конечно же, из-под прилавка, на любой вкус и цвет, – золотые украшения. В общем, всё, от жвачки до миномёта...

Мы же забрели в почти в цивилизованную чайхану-мороженое, у входа которой, справа на витринном стекле, красовались не по-советски броские, хаотично наляпанные, заморские рекламные наклейки. Лишь приоткрыли скрипучую дверь,

как над головами звякнул колокольчик, сигнализирующий хозяину о вошедших поедателях сладостей. Несмотря на то, что мы были налегке, без броников и касок, пришлось прямо втискиваться в узкий дверной проём небольшой комнаты без посетителей.

По правую руку, у стены, стоял диковинного вида холодильный аппарат с рычагом для выдачи мороженого. Слева примостился низкий, серый в коричневую клетку диванчик. Здесь же на стене, уютно расположившись на полочке, висел большой чёрный двухкассетный магнитофон. Из сетчатых колонок его звучала довольно сносного качества местная музыка. Сгрудившись в рабочем беспорядке по центру, стояли два небольших приземистых столика с низенькими, под стать столам, стульями. Всё, что находилось в помещении, было далеко не новое и слегка затёртое. Всё, кроме хозяина заведения, сидящего на стуле у прямоугольного ящичка с лакомством. Тёмно-синяя длинная рубаша с такого же цвета жилеткой и чёрная каракулевая папаха подтверждали далеко не рабоче-крестьянское происхождение бая.

Эта деталь сразу привлекла наше внимание. Проскочила мысль: «А не успел ли не по-восточному негостеприимный дяденька послать гонца к «бородатым», известить о прибытии необычных посетителей?». Гремя низкими стульями и жёсткими подошвами о деревянный пол, двое из нас уселись за лакированный столик. Третий, по кличке Красный, взятой от его же фамилии, набросив на плечо автомат, расплачивался афганями за три порции мороженого. Я сидел спиной к двери, ведущей в глубь помещения, контролируя вход и улицу. За витринным стеклом виднелся лишь квадратик светло-голубого неба, где вдоль пыльной дороги, справа за сопкой, находилась наша точка. Если начнётся пальба из стрелкового оружия, сослуживцы легко услышат. Спиной к диванчику расположился Савелий, ручки которого, как и у меня, покоились поверх лежащего на коленях автомата. Он вроде как невзначай приглядывал за третьей, приоткрытой дверью, которая, судя по солнечному свету, вела во внутренний двор. Вскоре к нам присоединился ещё один искатель приключений, купивший три вафельных рожка со сливочным наполнителем. Бросив на нас весёлый, но понимающий взгляд, не подавая виду и болтая всякую всячину, занял свою позицию. В его обязанности входило, помимо слизывания быстро таявших шоколадных шариков, пасти закрытую дверь подсобки за моею спиной.

Судя по едва уловимым косвенным факторам (откуда в столь юном возрасте они были мне известны, пусть останется тайной), позволяли в совокупности сделать вывод, что данное безалкогольное заведение, притаившееся на окраине провинциального городка, с наступлением темноты использовалось для развлечения уже по-взрослому. Даже в дневном полумраке, без электрического освещения, просматривались несвежесть, прокопчённость потолка и бежевых обоев на стенах. Припалины на тусклом лакированном столике, а главное, едва уловимый аромат, пропитавший атмосферу и всё вокруг, который не возможно спутать с другими запахами, говорили о том, что основную прибыль приносили хозяину отнюдь не шарики мороженого в вафельных рожках, а кальян и то, что к нему прилагается для раскумарки (и по желанию – немного больше). Временно

исполняющий роль продавца, неуклюже имитируя занятость, по-прежнему сидел полубоком на своём месте, так и не повернувшись лицом к пусть и чужакам, но всё же гостям. Однако и нам, по большому счёту, на его гостеприимство было начхать с высокой колокольни...

Последний самоход получился самым ярким и запоминающимся. На этот раз занесла нас нелегкая на танцы.

Естественно, не на городскую дискотеку, в здешних краях таких просто не существует, а в закрытый клуб восточных танцев. Звучит громковато, но на танцующих женщин любовались только мужчины и то далеко не все.

Всё началось с того, что танкисты, уже не первый год сидевшие на сторожевой заставе, предложили съездить в город за водой. Заманчивое предложение, по случайному совпадению, поступило от экстремального экипажа, недавно показавшего нам, как не надо спускаться с горы. Именно эти ребята в кишлаке Мулла Гулям, на заглохшем движке, задним ходом да без тормозов лихо влетели в глиняное дувало.

«Только оденься поприличней», – глядя на мой внешний вид и загадочно улыбаясь, сказали танкисты.

Хорошо, что в домашних условиях, если их так можно назвать, позволялось оставаться в мужской ночной рубашке. Вне боевого дежурства, когда спадала жара, ходили в одних экологически чистых хлопковых трусах, наводя ужас на местных дам, проезжающих в гужевом транспорте у подножья возвышенностей.

Солнце, прожарив нас на пустынной сопке до костного мозга, наконец-то клонилось к закату.

«Красиво едем!», – сжимая приклад новенького автомата подошвами начищенных стильных сапог (выточенных в тайне от старшины «вот этими умелыми ручками»), подумал я.

Защитного цвета водовозка маневрировала по узкой оживлённо-запруженной улочке. Правила движения как пешеходами, так и водителями автомобилей и повозок не соблюдались. Преимуществом пользовался тот, у кого «бурбухайка» (от афганского «ехать») побольше и стволы покрупнее. На мелькающих с пассажирской стороны некрашенных досках высокого забора красовался агитационный политический плакат. Размеры его позволяли даже в движении рассмотреть последнего генсека, комбайнера и землячка Михаила Меченого и президента ДРА Наджибуллу.

Всякий раз, проезжая мимо застывших самодовольных лиц, испытывал навязчивое желание проверить на меткость роднёхонький АК-74, при этом без малейшего угрызения совести. Слишком рано уяснил для своего возраста, что Родина

и государство – понятия несовместимые, две параллельные колеи одной дороги. Родина – матушка, душа народа. Государство – непредсказуемый, беспокойный сожигатель, которому вечно что-то надо. Ненасытно отжимающий соки из своего же народа.

Озорной бродяга-ветерок трепал наши коротко стриженные волосы и белые подворотнички. В кабине ЗиЛка, к всеобщему удовольствию, стёкла отсутствовали.

Неделю назад водовозка приехала на точку. Заполнив все ёмкости водой, отправилась восвояси. Спустившись с возвышенности, машина выехала на просёлочную дорогу и прибавила скорость.

От играющих на обочине детей внезапно отделился мальчишка и бросился перебегать проезжую часть. Водитель взял круто вправо, перевернулся и лёг на крышу в высохшем русле.

Ребёнок отделался испугом, а солдат – переломом правой руки. Спасла металлическая бочка.

Водителя увезли в госпиталь, водовозку вернули на точку. Кабину заменили, но стёкла вставить не успели.

Неожиданно для меня мы свернули на узенькую улочку вправо. Взглянув на попутчиков, увидел загадочно сияющие улыбки. Словно не заметив моего вопрошительного взгляда, ребята продолжали делать вид, что, в сущности, ничего не произошло, и по-прежнему смотрели вперёд. Уверенно двигаясь по удивительно ровненькому асфальту, догнали едва тронувшийся с места карьерный КраЗ советского производства. В свежескрашенном кузове-совке, схватившись за металл борта, в разноцветных лёгких одеждах стояло с десятков ребятишек дошкольного возраста. Детские лица светились восторгом и радостью. Новенький грузовик, выдыхая сизый дым, набирая ход, ушёл по прямой. Мы ж на перекрестке свернули налево. И тут же три внимательных взгляда нарвались на дивчину, да какую! Она словно плыла по дороге – в связи с отсутствием тротуара – нам навстречу. Стандартного свинцового цвета паранджа с плотным сетчатым квадратиком на уровне лица отличалась необычным покроем. Накидка, скрывающая голову и тело, со спины была выше подколенных ямок. Впереди, пряча грудь от посторонних глаз, укороченная паранджа плавно уходила назад. Из-под грубой накидки виднелась блестящая, с рукавом в три четверти, розовая кофточка. Белокожие руки прижимали к телу маленькую черную дамскую сумочку. Темно-коричневая прямая классическая юбка заканчивалась чуть выше колен. Изящно ступая туфельками на каблучках, в розовых колготках, девушка исчезла из виду так же быстро, как и возникла.

«Какая мудрая особа! Умело совместила два в одном: и национальных устоев не нарушила, и от моды не отстала». Мы успели лишь переглянуться, как водовозка остановилась под нависшей металлической трубой. Водитель вынул из-за сиденья банку сгущёнки и показал заправщику.

Неразговорчивый афганец с грустными глазами и пигментным пятном на белокожем лице, махнув головой, молча согласился.

Вода, гремя пустой ёмкостью, слабым напором потекла в бочку. Бросая таинственно блестящие взгляды, ребята позвали меня за собой.

Справа от нашей машины, метрах в тридцати, находилось высокое двухэтажное здание. Внимание привлекло полное отсутствие окон на боковой светло-бежевой стене.

У входа стоял вышколенный охранник. Выглаженная зеленовато-коричневая военная форма ладно сидела на нём. В руках стражник держал такой же новенький, как и весь он сам, сверкающий карабин. На прикладе оружия, совсем не к месту, красовалась броская наклейка. Охранник увидел нас, и его чисто бритое лицо растянулось в улыбке.

«Шурави кантрол!», – весело закричали ребята. С восточной приветливостью и повторяя: «Рафик, друг, рафик», – он позволил нам войти. Через тускло освещённый холл мы попали в просторный зал. На невысокой сцене две девушки в красном и жёлтом национальных одеждах исполняли восточный танец.

«Ух ты! Как в индийском кино», – подумалось мне. Бил барабан, играла живая музыка. В мягких креслах у сцены сидело человек двадцать мужчин в богатых халатах. Такого скопления каракулевых папах мне ещё видеть не доводилось.

Мы предусмотрительно скромненько присели недалеко от входа. «Папахи» то и дело бросали на нас колючие взгляды, по которым без особого труда можно было определить, кто с наступлением темноты обернётся душманом. И тогда свистопляска пойдёт совершенно иная.

Красавицы в лёгких рубахах до колен и шароварах продолжали выбивать браслетами бисер. Крутясь вокруг баев, мальчонка с большим круглым разносом в худых руках, обделяя нас вниманием, почтено кланяясь, угощал буржуев восточными сладостями. (Подумаешь, больно надо. Чай, не баре. Комсомольцы в прислуге не нуждаются... Мы не гордые, захотим – сами возьмём, причём вместе с разносом...).

Понимая, что оставаться здесь долго нельзя, ёрзая в мягких креслах, мы изредка переглядывались между собой. С улыбками на устах и блеском в озорных глазах наслаждались забытым зрелищем – танцами. Проглотив пару из них, удерживая боковым зрением первые ряды, гуськом двинулись к выходу. Бородатых же сейчас больше интересовали волнующие женские формы.

(Ну и пусть себе фантазируют, тубетейки каракулевые).

Да и аргументы кое-какие у нас всё же имелись: два автомата и убедительно оттягивающая правый карман водителя ручная граната. Вода, сливаясь, про-

должала собираться в бочке. Сидя в прохладной кабине без стёкол, делились впечатлениями от увиденного.

По тихой безлюдной улочке приближался взвод правительственной армии. Монолитность строя и единство шага отсутствовали, каблуки сыпались горохом. Но ребята старались, сжимая автоматы, с серьёзными лицами тянули носочки.

Мы с интересом рассматривали солдат в светло-зелёной форме. Аккуратно выбриты и подтянуты, лет на пять-семь будут постарше (а многие из нас – ещё с мальчишеско-подростковым пушком на юных лицах. Однако задачи перед нами ставились гораздо серьёзнее).

В глаза бросился сверкающий никелем автомат Калашникова. «Наверняка удалил заводскую краску и покрыл бесцветным лаком (таким оружием впору не воевать, а любимым девушкам в окна «зайчики» пускать).

«Глянь, глянь, ППШ!», – толкнул меня локтем сосед (о как! Такие дисковые автоматы я только в музеях-то и видел. Небось, ещё Великую Отечественную помнит, старичок).

Замыкающим шёл непутёвый солдат. Согнувшись под тяжестью ноши, вместо оружия он пёр на спине деревянную лестницу.

Козырёк кепки жалобно сбился в сторону, по лицу текли блестящие капли пота.

«Эй, бача!», – стуча рукой по двери снаружи, высунувшись в зияющее окно, закричал я, обращаясь к проходившему мимо вояке.

«Чмо, да? Бача чмо?!».

Не понимая, о чём речь, соглашаясь так, на всякий случай, он утвердительно закивал. Тихая безлюдная улочка взорвалась смехом, гоготали до боли в животах. Три коротких автоматных очереди командира послужили сигналом к возвращению.

...Витьков тем временем накрыл жор.

«Правильно делают. На кухню надейся, а сам не плошай...».

Отряхнувшись от прошлогодней листвы, перепрыгнул через арыки и стал заталкивать за пазуху гимнастёрки ароматные помидоры.

К грузчикам мы подходили, словно на сносях, с оттопыренными брониками. Трактора с телегой уже не было. Однако на поле осталась третья часть пшеничного стожка.

«Почему всё не увезли?», – спросил я, угощая командира томатом.

«Оставили дань душманам. Сказали, если всё заберут, они им головы отрежут (политиканы дерутся, а у народа хребты трещат...!»).

Знатный салат из свежих овощей получился у нас. Но салатница запомнилась больше всего.

С каски сняли брезентовую сбрую, оставив лишь металлическую основу. Тщательно вымыли, и многофункциональная салатница «Сделано в Советской армии» готова. В перевёрнутую каску поместили крупно нарезанные помидоры с луком (огурцов не нашли). Овощи сдобрили выцыганенным у старшины растительным маслом. Вечерело, сидели вокруг салатницы, скрестив ноги на тёплой земле. Гремя алюминиевыми ложками о привычно зелёный металл, крякали от удовольствия.

Костры жечь было запрещено до полной темноты, надо успеть отмыть каску в арыке. «Вжик!», – в полумраке со свистом взлетела белая сигнальная ракета. Кто-то задел растяжку на нейтральной полосе. Наши все дома, поэтому часовой выдал длинную трассирующую очередь. К нему присоединилась ещё парочка стволов.

«Во дают... И охота им потом в темноте перезаряжать магазины...».

Выплюнув боеукладку, грохот стих так же внезапно, как и возник. В наступившей тишине из-за кишлака послышался прерывистый степенный голос ДШК. Словно никуда не торопясь, сказал своё слово и затих, чтобы перевести дух.

«Лупят афганэс партизанэс не прицельно, наугад. Демонстрируют свой арсенал и напоминают о себе». Несколько шальных пуль со свистом впиллись в высохшую, плотную землю.

Утром следующего дня, оставив двух бойцов охранять базу, наши отправились в сопровождение. Спустя некоторое время, петляя между деревьев, из «зелёнки» показались мужчина и мальчик верхом на осле. Они, шустро двигаясь, приближались к позиции.

«Не сидится им дома... Мыкаются туда-сюда, пока не подпрыгнут на своей или нашей mine...». В старшем узнали просившего помощи в погрузке пшеницы вчерашнего крестьянина.

«Бачёнок», восседавший верхом на осле, крепко, но бережно сжимал руками ведро. Мужчина, активно жестикулируя, указывал на прикрытую крышкой посудину и твердил: «Бакшиш, бакшиш!».

«Причём здесь подарок?», – недоуменно переглядывались мы. Не дождавшись ответа, крестьянин взял ведро из рук сидящего на осле мальчика. Быстро осмотревшись, направился под ближайшее деревце. Опустившись на колени, резко перевернул посудину вверх дном, уперев крышку в примятую траву.

Постучав по бокам и дну, осторожно приподнял. На крышке с невысокими бортами горкой лежал плов.

«Бакшиш!», – с сияющим лицом вновь произнёс мужчина. Мы были в курсе, что афганский национальный этикет и правила хорошего тона требуют обязательно отведать предложенное угощение и по достоинству его оценить, даже если пребываешь в сытости. По удачному совпадению плов появился как ни есть вовремя... «Для четверых в самый раз. На всех делить – так это что слону дробина...».

Пока я размышлял, принюхиваясь к ароматному блюду, Саня, сияя армянской улыбкой, подходил с ложкой в руках.

«Нис, нис!», – замельтешил руками старшой, всем своим видом показывая, что нельзя ложкой, грех.

Сняв холщовую серую сумку с плеча ребёнка, вынул тонкие кукурузные лепёшки. Вручив каждому по одной, он стал учить нас, как обходиться без ложки.

Оторвав жёсткий кусочек, полукруглым движением зачерпнул плов и с довольным лицом сунул в широко открытый рот. «Бачёнок» с завидной быстротой принялся уплетать наш подарок. Такой расклад нам слегка не понравился. Но чтобы не обидеть гостей, мы сидели, как и они, скрестив ноги, и усердно пытались хоть что-то урвать. Но жевали лишь жёсткие кукурузные лепёшки, то и дело убирая с подбородка и гимнастёрки крупинки жирного риса.

«Это не дружеский обед, а прямо эстафета какая-то».

Пацан с невозмутимым видом выхватывал румяные кусочки баранины.

«Всё правильно. Молодому здоровому организму надо расти. Но не так быстро и не за наш же счёт!».

Кучка плова со стороны гостей таяла прямо на глазах, неумолимо приближаясь к средней полосе.

«Ну восток! Ну хитрецы!».

У Саньки первого не выдержали нервы. Он выхватил ложку из кармана и, практически не жуя, стал метать плов. У меня в голове активно закрутились шарики. Мозг просто выносило в поисках выхода.

«Идти искать хоть чью-то ложку? Уж лучше сразу с благородным видом отказаться в пользу голодающих востока. Но русские просто так не сдаются!!!».

Вовремя щёлкнула солдатская сообразилка. С рядом лежащего спасительного автомата быстрым движением руки снял крышку возвратной пружины. Орудуя, как совком, с удвоенной скоростью налёг на еду.

«Кукурузную лепёшку приговорю позже, без спешки...». Ослик, двигая длинными ушами, покорно ждал своих хозяев. Изредка, не торопясь, преклонив голову, щипал мятые травинки. Среди нас, ослов, он выглядел наимудрейшим.

Расставались довольными собой – причём и мы, и они.

«Тэшакюр – спасибо! Спасибо – тэшакюр!», – пожимая руки, улыбались друг другу. Встреча с добродушным афганцем, живущим согласно неписанному кодексу чести, в котором гостеприимство считается делом ответственным и национальной гордостью, однажды вновь состоялась на окраине провинциального города. Боковым зрением я увидел эмоционально жестикулирующего молодежаватого мужчину в светло-голубом одеянии. Внутренне сомневаясь, что внимание оказывается мне, осмотрелся и не обнаружил того, кто мог отвечать крестьянину взаимностью. Оторвавшись от всё того же советского трактора, приближаясь радостным шагом, мужчина кричал на ходу: «О, рафик! Ас-салям-алеюкум!». Ответив на приветствие: «Ва алейкум-ас-салям!», я продолжал с дорожно вспоминать: «Кто и откуда?». Мы, правда, приобнялись на восточный манер и похлопывали друг друга по спине, но на всякий случай я придерживал за подствольник висящий на правом плече автомат. В данной ситуации воистину – лучше перебдеть, чем недобдеть... И тут меня осенило: «Плов. Бакшиш».

«Рафик! Плов!».

«Да, да, плёв!», – смягчая русские слова, восторженно подтвердил мой знакомец. И вновь обнявшись, но уже гораздо теплее (при этом автомат я отпустил), мы хлопали друг друга по спинам...

...Скрипнув сетчатой кроватью, упершись головой в стенку, я отвернулся от шумных «сокамерников».

Руку наконец-то освободили от надоевшего гипса. Пальцы работали плохо, но ложку и стакан уже держал уверенно.

«Плов. Плов...».

Сейчас бы картошечки жареной, да с домашними соленьями. На выездах картошку на костре жарили довольно часто. Вместо сковороды использовали цинк от патронов. Готовили еду, чтобы утолить голод.

В родном же кубанском лесу это был обряд, событие, к которому готовились заранее. Кучкуясь, решали, кто приносит из дому сало, кто – хлеб или картошку. Самые взрослые – такими считались школяры – мудрили, понизив голос, придвинув друг к другу стриженные головы, – чья очередь тырить у батьки сигареты и спички.

Разбегались «брызгами» по домам и вскоре встречались, хвастаясь добычей. Предвкушая события, решали уже по пути – куда сегодня идём, на кручу или в

лес? На ходу выхватывая из высокого бурьяна, собирали сухие веточки, обрывки газет. Выискивался грамотей, кричавший: «А слабо с одной спички костёр разжечь, а слабо, да?».

Вожделенная спичка загоралась, и процесс начинался. Падали на живот, раздували чадающий костерок. Грязными руками утирали слёзы, выдавленные едким дымом. Крутили друг другу фиги, кричали, приплясывая: «Куда дуля, туда дым! Куда дуля, туда дым!».

Когда костёр набирал силу, жарили на палочках сало, и стекающие капельки жира заботливо собирали на хлеб. В углях пекли картошку. Оставшийся хлеб никогда не выбрасывали. Нанизывали на прутик, подсушивали, поджаривали и, хрустя обугленными краями, наминали за обе щеки.

Тлеющие угли засыпали землёй. Чей-нибудь голос подавал идею:

«А давайте его замочим!».

«Ты чё, с дуба рухнул? Не знаешь, что «дзюндзик» болеть будет!».

«Пожарник», хотевший одной струёй убить двух зайцев – облегчиться и остатки костра погасить, стоял, задумавшись.

«А вдруг и правда. Тогда вся улица, а там, гляди, и село узнают, что мой «крантик» сломался. Стыдоба, сраму не оберёшься».

Дружно носили в ладонях землю и притоптывали тёплые угли.

Кубань уважали и одновременно боялись. На основное «сказанное» русло ходили посмотреть. Подмытые берега обнажали корни деревьев. Вода шумела, играя зеленоватыми гребешками.

Один раз мы всё-таки решились это сделать. Плыть на другой берег собрались по серьёзной причине. По слухам, там на пологом и солнечном берегу, в камышах, водятся невиданных размеров «шкрекуны» (так мы называли лягушек).

Мне предложили оставаться и охранять одежду.

Главная же причина была всегда одна и та же, которая меня бесила, от которой меня трусило и выжимало слёзы.

«Ты самый младший и маленький. Да и плаваешь только по-собачьи». Трое, один за другим, со страхом и азартом в глазах вошли в быструю прохладную воду и отплыли. Тем временем, собрав ненавистную одежду, я спрятал её под приставучий, цепкий ежевичный куст и прыгнул вдогонку. Отфыркиваясь от мутной воды, бормотал ругательства себе под нос: «Оставайся, ага, щас. Фигу вам. На год старше, сами только-только второй класс закончили. Ага, вы мне не указ!».

Сопrotивляясь давящему справа течению, обиженный на весь мир, я грёб в холодной «скаженке». Лягушки, к нашей радости и огорчению, были такие же, как и на нашем высоком и тенистом берегу. Зря только распугали стайку серых цаплей. Уж больно важно они двигались на своих ногах-ходулях.

Назад плыть стало страшнее. Оттягивали время, набирались сил. Все осознавали опасность, не один уже взрослый утонул в этих местах. Быстрое течение закручивалось водоворотами, затягивало под коряги и упавшие в воду деревья.

Прошли вверх по каменистому берегу, с расчётом, что течение вынесет к одежде. Стадом лохматых барашков по небу ползли облака. Где-то глухо постукивал дятел. На том берегу, у самой воды, могучей стеной шумел смешанный лес. Густые ветви деревьев, склонившись над речкой, играли тенистыми пятнами.

Впервые ощутил я на себе власть природы, и несло меня вниз по течению маленькой щепкой, за какими я наблюдал много раз. Приближая берег, упорно грёб и грёб по-щенячьи. Вода неумолимо и настойчиво выдавливала к повороту устья реки, что приводило в ужас. Стараясь не думать о неизвестном, я смотрел на подступающую сушу.

Вот уже каждый листочек видно вверху на деревьях. В тёмной, бешено пенящейся воде, покрытые тиной и илом, застывшими осьминогами притаились у берега ненавистные коряги.

«Они только и ждут, чтоб схватить меня за ногу и утащить в тёмную нору» (пару месяцев спустя на этом отрезке реки уйдёт под воду десятиклассник. Хоронить будем всей школой).

Мальчишки, выбравшись на берег, шныряя под кустами, указывали место, где безопасней причалить. Стуча зубами от холода и страха, пулей выскочил из воды.

Возле одежды, у ежевичного куста, стоял запыхавшийся, принесший нерадостную новость скорород. «Толика и Славика ищут родители...».

Кто-то уже настучал про заплыв, который был категорически запрещен. Мы с братаном бежали домой, одеваясь на ходу. Решили бежать напрямик, по тропинке через лес. Родители пойдут по дороге, ребята им скажут, что нас с ними не было. Пока мама и папа тем же путём вернутся назад, мы уже, как в ни в чём не бывало, будем сидеть на лавке у дома.

План не удался, прибежать быстрее смогли, но сбрехать правдоподобно ещё не умели. В наказание два дня сидели дома.

Обычно купались в тихих уголках реки. Прыгали с берега, поднимая со дна муляку, оседавшую на подбородках и груди. В сезон дождей или таяния снегов в горах бравшая своё начало от белоснежного Эльбруса Кубань становилась мут-

ной и быстрой. Прозрачные говорливые перекааты на глазах превращались в буйную, наводящую страх стихию. Вода бурлила, пенилась и несла мусор, щепки, деревья.

Однажды проплыл ветхий деревянный крест (наверняка вверху по течению смыло старое кладбище). Мы стояли с открытыми ртами, притихшие от страха и ожидания. В глубине мутной воды мерещились плывущие в чёрных ящиках, как положено, вперёд ногами, белые скелеты в истлевшем тряпье.

Кто-то обязательно должен был закричать: «Глядите, вон он! Жмурик плывёт! Тикаем!». Дикие утки, ошпаренные внезапным шумом и страхом, хлопая крыльями, срываясь с камышового берега, спасались, как и мы.

Бежали по вихлястой лесной тропке, боясь оглянуться. Старались обогнать мелькающую спину, из-за которой так больно хлестали по лицу ветви нависших кустов.

Желая поддать жарку в огонь, для больших эмоций и последующей хохмы, находился умник, кричавший: «Давай быстрее! В кустах дикий кабан хрюкает! Секач!». От страха и азарта земля под пятками горела. Трещали, ломаясь, самодельные удочки, терялись тапочки и сбитые ветвями кепки.

А может, и не было вовсе никаких крестов.

Выбросили с крутого речного берега, через покосившийся плетень в конце огорода, обрезанные ветви и старую, с облупившейся белой краской оконную раму. Пришла большая вода, смыла людской хлам вместе с прошлогодним травяным тленом и понесла вниз по течению.

Вечером, дождавшись отца с работы, шли семьёй на Кубань. За селом, перед спуском к реке, густо пахло сеном и дурман-травой. Слышались коровье мычание, собачий лай, тонкие и протяжные крики. На каменистом спуске к реке, с берегов которой свисали длинные листья конского щавеля и тёмно-зелёные, с прожилками, бархатные лопухи, то и дело попадались коровьи лепёхи. Как обычно, пастух приводил стадо на полуденную дойку и водопой.

Вдоль берега, на полянках, под высокими шумными лиственницами, на длинных ножках качались ромашки. Нарядными молчаливыми маятниками приветствовали проходящих людей. Тяжело гудели труженицы-пчёлы. Беззаботно, от голубых незабудок к ромашкам и обратно, порхали бабочки-капустницы.

Разгорался закат. Перекааты, преломляя солнечные лучи, подпрыгивая на камнях, глушили птичий базар. Испуганные лупоглазые стрекозы угорело кружили и вновь приземлялись на влажные камни у кромки воды.

Пережив ещё одно дневное нашествие детского муравейника, отдыхали тихая заводь и лес. После ребячьего гвалта вода на Уголке успокоилась и просветле-

ла. Верба, с которой прыгали воду, устало склонившись ещё не успевшим просохнуть гибким стволом, смотрела в зеленоватое водное зеркальце.

Птицы, днём заглушаемые детскими криками и визгами, разошлись не на шутку.

Искупавшись, обсыхая на берегу, мы бросали камешки в воду. Сломанными веточками отгоняли назойливых комаров. Прислушиваясь к пению кукушки, мешая друг другу, отсчитывали с братаном года.

В один из таких вечеров послышался необычный голос кукушки, какой-то прерывистый.

С трудом пробиваясь сквозь шум листвы и пение птиц, звучал хрипловато, как будто она осипла.

Нам стало смешно. Но кукушка, не обращая внимания, продолжала свою песнь.

Полумрак постепенно поглощал воду, лес и кусты. Весёлый птичий перебор незаметно стихал. Казалось, громче шумит перекат, сильнее жалит комар. Темнота повисла над нами. Увидев в лесу прыгающий то вверх, то вниз огонёк шагающей сигареты, застывая от страха, шептали: «Смотри, кто-то идёт? Бандюган какой-то, да высокий какой! Ничего себе, гля, по воде пошёл!».

Подбирались поближе к родителям, и сразу хотелось домой. Маленький светлячок всегда наводил на нас ужас. А осипший голос кукушки день ото дня продолжал радовать нас. Каждый вечер с детской нетерпачкой мы ждали свою певунью.

Встав раньше всех, осторожно ступая, дабы не разбудить домочадцев, вышел из дома на невысокое крыльцо. Выкрашенные коричневой половой краской доски приветственно скрипнули под детскими ногами. Нависший над головой фигурно-металлический карниз скрывал большую часть ярко-голубого неба. По разомлевшему ото сна телу пробежался мурашками свежий утренний воздух. Густо разросшийся куст сирени, совместно с деревянным забором, прятал улицу с трудно произносимым для детского языка названием – «Революционная». Неожиданно справа, из приятно пахнущего палисадника с яркими разноцветными розами, хлопая крыльями, белым пятном взлетел на ограду петух. Намертво вцепившись в узкую планку костляво-когтистыми лапами, удерживая равновесие, недолго побалансировал, вытянул шею и, прикрыв глаза, загорлопанил на всю округу.

Откричавшись, слегка наклонил голову вперёд и в сторону, замер, изучающе вслушиваясь: отзовется ли на брошенный клич какой-нибудь его друг-соперник и с чьего он будет двора? Нахальное безразличие к присутствию пусть ещё маленького, но человека, меня слегка разозлило. Шугануть бы с забора, да по спиняке эту писклявую жирную «курицу», чтобы не шарилась по цветнику, и заодно показать, кто во дворе хозяин. Однако не желая связываться с драчливой птицей и не возвращаясь за одеждой, я с бесшумной мягкостью спрыгнул со

ступенек и, оставляя по правую руку окна с настежь распахнутыми, словно гигантские бабочки, голубыми деревянными ставнями, а слева – невысокий заборчик вокруг цветочной клумбы, побежал в ту часть двора, где уже пригревали яркие солнечные лучики.

Сразу за палисадником, прижавшись спиной к ограде, стояла летняя русская печь. Похожую модель использовал в известной сказке везунчик Емеля. Принюхиваясь к солярному запаху, по-хозяйски обошёл колхозно-отцовский колёсный трактор. Угадывая знакомые буквы, выдавленные на синем железном капоте, прочитал и без того хорошо известное название «Беларусь». Дверь кабины была настежь открыта и намертво прикручена проволокой для беспрепятственного доступа свежего воздуха в жаркий рабочий день. Вдыхая маслянисто-пыльный запах, вцепившись в прохладный металл и упираясь босыми стопами в ребристые ступени подножки, пытаясь влез в кабину замершей машины.

Усевшись в нагретое солнцем, приятное своей теплотой дерматиновое сиденье, уверенно схватился за большой чёрный руль. С трудом дотянувшись до ключа зажигания как будто бы завёл движок. Щекотно вибрируя языком о верхнее небо, зарычал: «Дррры-дррры-дрыыыы...». Одновременно подпрыгивая на скрипучем седле, азартно крутил баранку, то и дело косясь на своё тусклое отражение в боковом стекле, где мелькал идеально кругленький лысый шарик с тёмным чубчиком в виде лопатки. В большое ветровое стекло, вместо врытого в землю подвала и кирпичного сарайчика, из-за которого выступала конусная крыша поросычьего домика, смешно называемого человечьим именем «сашок», детский мечтательный взор видел широкую дорогу, ведущую в захватывающее неизвестное.

Безуспешно попытался дотянуться правой ногой до рифлёной педали и, бросив эту затею, со страхом и осторожностью подёргал рычаги гидравлики. Завершая мнимый автопробег, левой рукой надавил торчащую вверх чёрным пупком маленькую кнопку клаксона. Электросигнал, словно сговорившись с петухом, не обращал на меня никакого внимания. Однако я уже и без его помощи звонко кричал: «Пибиииип!». Не утруждая себя осторожным спуском, по-залихватски прыгнул из кабины во влажную от росы, прохладную траву. Кратковременный полёт и приземление на четыре конечности смягчили открывшееся парашютным куполом цветасто-весёленькие ситцевые трусы. Воробьиная стайка, ошивавшаяся у крольчатника, спасаясь от неведомо откуда свалившейся опасности и возмущёно чирикающая, брызнула в разные стороны.

Откликаясь на подозрительный шум, слева, в собачьей будке, сначала зазвенела цепь, а затем оттуда показалась заспанная мохнатая мордаха Рекса. (Решением семейного совета дворняжке было присвоено имя главного персонажа многосерийного детского мультлика). Рыжий пёс лениво зевнул и, не выходя из будки, с торчащей на улице головой, рухнул набок, досыпать.

Приблизившись к кроличьей клетке и кривясь от ударившего в нос резкого запаха мочевины, я пересчитал длинноухих чернышей. Кролики, настороженно

косясь и шебуршась, продолжали точить мягкую древесную кору на тонких веточках, брошенных им ещё с вечера. Морщась от резкого фана, подлил воды в поилку: «Пусть пьют и писают».

Следующими пунктами утреннего обхода – по часовой стрелке – тех, с кем я ещё не совсем дружил, были поиски ягнёнка и посещение поросёнка.

Внимательно осматривая двор, сразу заметил приоткрытую калитку, ведущую в огород. «Ага, всё понятненько. Покуда хозяева зорюют, кучерявый отправился на поиски пропитания».

Карабкаясь по старому корявому дереву, быстро достиг кроны. Расположившись спиной к железной крыше дома, чуть ниже печной трубы, обхватив руками и ногами ствол, примостился на горизонтальной ветке. (Хотя кровлю, втихаря от родителей, я уже давным-давно обследовал). Три акации нашего двора были лазанье-перелазанные мной по миллиону раз. Даже ночью, в кромешной тьме, точно знал, за что зацепиться и на что опереться. Сидеть в дозоре, когда ты видишь всё, а тебя – никто, мне здорово нравилось. Особый восторг вызывал со скрипом раскачивающийся под натиском порывов ветра старый ствол, словно мачта попавшего в шторм парусника.

Осмотрев с высоты утопающую в зелени огородную делянку и не заметив подозрительного, занял выжидательную позицию. «Рано или поздно всё равно появится. Да и безветрие мне в подмогу, картофельная ботва и вытянувшаяся кукуруза стоят не шелохнувшись».

Внизу, по левую руку, сначала что-то зашумело, затем возмущённо закудахтало, и из-за угла дома, минуя печь, выскочила белая курица. Вытянув вверх и вперёд коричневый клюв, бегунья мёртвой хваткой удерживала болтавшегося в нём мясистого червяка. Вероятно, выбрасывая из-под себя корявыми лапами землю, разгребла мягкую почву и обнаружила то, что искала.

Две рябые преследовательницы, издавая боевой клич, потешно и неуклюже переваливались из стороны в сторону и увлечённо держали погоню. Уж очень им хотелось сообразить на троих. Обладательница счастливой находки, вероятно, по этому поводу думала иначе. Захваченный скачками куриный эскадрон, нарезав полукруг по двору и напрочь забыв об окружающем мире, миновал подвал и мой наблюдательный пункт, оставил за собой взбаламученную пыль и, уйдя на второй круг, скрылся за домом...

Кинув взгляд через низкий, мазанный глиной соседский сарай с дровами, внимательно осмотрел смешанный кубанский лес, густо разросшийся в низовье реки. За волнистой темно-зелёной лентой в лёгкой дымке лежали ставропольские возвышенности. До боли в глазах всматривался в знакомый отрезок дороги, где в хорошую погоду, играя солнечными зайчиками на стёклах, блестели автомобили, медленнодвигающиеся на Татарский подъём по трассе Невинномысск-Ставрополь.

Справа виднелась самая высокая точка равнинной части России – гора Стрижамент. Совсем недавно на тракторёнке мы ездили туда всей семьёй. Жаль, что отсюда не были доступны зрению высоченные, в три обхвата, деревья и нагромождение обрушившихся камней у подножья горы, напоминающих то ли руины древнего замка, то ли поле битвы, усеянное костями сказочных чудищ-гигантов. Медленно пробежался взглядом по давно изученной ярко-зеленой бровке ставропольской горы, уходящей в голубое небо, с темнеющими по верху полосками леса. С этого места было видно так много больших и малых удаляющихся гор, что они казались застывшими волнами сплошного каменистого моря.

Вдруг острый глаз дозорного приметил заволнованный на меже бурьян. Затем закачался потемневший от времени плетень, и вскоре показалось серое живое пятно.

«Ё-моё! Пропавший промышлял в соседском огороде. Надо побыстрее спасать его от нависшей трёпки...».

Неприятно шкрябая шершавым стволом дерева по телу, продолжая мысленный монолог, устремился вниз. «Вообще-то, он правильно делает, и я его прекрасно понимаю. Своё съест еще успеется. Да и чужое отчего-то вкуснее...».

Вскоре, схватив за мягкий загибок почувствовавшего свою вину и покорно семенящего лохматыми ногами барашку, выпроводил его из запретной зоны. Не забыв при этом свободной рукой на ходу выхватить прямо с грядки упругий душистый огурец. Прикрыв калитку в огород, вытирая колючий завтрак о белую майку, отправился к порослячьему домику.

Приподняв деревянную крышку кормушки, заглянул в сашок. На свежей жёлтой соломе, вытянув копытца, лежал розовый хрюн.

Правый дальний угол свинарника выделялся обугленно-тёмным пятном. Оставленный след сразу напомнил о нешуточной детской забаве со спичками.

Недавно выстроенный и временно пустующий деревянный домик очень притягивал детвору своею миниатюрностью. Словно предназначался для маленьких человечиков вроде нас с братаном. Окна отсутствовали, внутри царил полумрак, это и вынудило нас принести парафиновую свечку для полного комфорта. Такая имелась на случай отключения электричества в каждом уважающем себя жилище.

Покрутившись на веранде у керосиновой лампы, решив, что если разобьем тонкое стекло, нахлобучки точно не миновать, пошушукались и решили свистнуть спички и остаток толстой свечи. Стараясь не греметь заветным коробком, пряча под майкой пожелтевший огарок и строя беззаботный вид, тихо улизнули из дома. Вскоре на душистом сене, в старой стеклянной рюмке, горел бездымный пламенный язычок. Укрывшись от взрослого бескрайнего мира, сгрудившись на слегка покалывающей подстилке, мы всматривались в играющий огонёк.

Живой лепесточек, зацепившись за почерневший фитилёк, отражаясь в сияющих восторгом глазах, словно в маленьких зеркальцах, магнетизировал детские взгляды. Уютную тишину нарушало лишь размеренное двойное сопение и слегка потрескивающий источник света.

Сквозь тонкие деревянные стены отчётливо зазвучали родительские голоса. Мы переглянулись, испуганно засуетились и, надеясь на скорое возвращение, осторожно приоткрыв маленькую дверцу, вышмыгнули из укрытия. Пока суд да дело, свеча постепенно таяла, меняла форму и, потеряв равновесие, вместе с подставкой завалилась в сухую солому.

К тому времени, когда вспомнили, дым уже валил из всех щелей в прошлом приятно пахнущего свежими досками нового домика. Усилиями всей семьи пожар погасили и постройку спасли. Если точнее – ещё не сильный огонь гасили родители, поливая из ведер водой.

Мы же, чуя вину, стараясь загладить её, а заодно и выслужиться, создавали ажиотаж и лишь путались под ногами. Чуть позже получили и одну на двоих нахлобучку. Стояли, понуриив головы, переминаясь с ноги на ногу, выслушивая мораль – что спички детям не игрушка.

Вполне с этим соглашаясь, с честными лицами клятвенно обещали – мести двор, пилить на зиму дрова, биться с сорняками в огороде, ухаживать за животиной, мыть ненавистную посуду и руки обязательно с мылом, аккуратно складывать свою одежду и даже готовиться к школе и собирать гербарий... (И чего только человек, взрослый или юнец, не наговорит от страха, да дуру...).

В тот момент мы соглашались на всё что угодно, лишь бы побыстрее закончилась взбучка. Стоя по стойке смирно, потупив взгляды, думали об одном и том же: «Наобещать с три короба – плёвое дело. Языком чесать – не навоз лопатой ворочать... Внедрить всё сказанное в жизнь будет гораздо труднее. Но главное – как же без спичек? Ведь в дремучем лесу без огня, сто пудов, пропадёшь!». Постепенно, как это зачастую случается, родительский пар недовольства иссяк. И подвели вполне удовлетворяющий нас итог: – главное, что шалуны остались невредимы. А всё остальное – дело наживное... С таким выводом мы вполне согласились, и об эксцессе вскоре все забыли.

...По-прежнему наклонившись вправо и удерживая левой рукой тяжёлую крышку кормушки, смачно хрустя огурцом, напрягая глаза после яркого дневного света, я вглядывался во внутренний полумрак свинарника. Поёжившись, вспоминая о пожаре, постарался побыстрее уйти от хмурых мыслей, искажающих утреннее весёленькое настроение, и стал присматриваться к жильцу.

«Издох, что ли... Не шевелится совсем...». Упершись одной рукой в крышку, другой со снайперской меткостью запустил огрызком огурца в лежащую животину. Сначала заволновался спиралевидный хвостик, а затем, приподняв влажный пятачок, гора выдохнула недовольным хрюканьем.

Огибая чисто выбеленный саманный дом с аккуратно выкрашенным чёрным фундаментом, босые стопы мягко ступали по выщербленной, прохладной, бетонной дорожке. Над головой, из высоко посаженных кухонных окон, послышался звон посуды. Завершая утренний осмотр двора, минуя колодец, прямо на ходу, не утруждаясь на остановку, бабахнул его по деревянной крышке прихваченной на всякий случай палкой. И снова оказался у крыльца с кустом сирени, но уже с другой стороны дома. Осторожно выглянул за калитку на улицу. Одутловато-сердитых, вечно недовольно булькающих соседских чёрных индюков с красными «сопляками» под клювом, к моему удовлетворению, ещё за ограду не выгнали.

Пронзив взглядом пустынную узкую улочку, уходящую влево и в горку утрамбованной гравийной дорогой, сразу заметил у невысохаемой лужи на перекрёстке злодейскую стайку гусей.

Топаю я как-то тёплым вечерком один-одинёшенек из детсада домой. Зная, что щиплются крикливые птицы довольно больно, решил обойти их тихонько сторонкой. Когда оставалось совсем немного до поворота на свою улицу к дому, отчего-то решив, что я обижу их желтых гусят, птицы подозрительно громко заготовали и стали бить о землю большущими белыми крыльями.

Чуя неладное, я побежал, а они, вытянув длинные шеи, шипя, полетели за мной. Поняв, что от погони уже не уйти, остановился и, снимая сандалии один за другим, стал метать, словно гранатами, в шумных злодеев. Ценой обуви от психов отбился, но как вернуть сандалии теперь? От утраты и незаслуженно нанесённой обиды заплакал. Шла добрая тётя, отогнала гусей и вернула обувь.

Случались и более экзотические нападения.

Иду с утраца в тот же детсад, в ту же старшую группу. Вдруг, подкравшись со спины, ягнёнок боднул меня маленькими рожками прямо под зад. Обидел – и с довольной мохнатой мордахой – тикать в открытую калитку своего двора.

«Чесал бы свои растущие блестящие рожки об угол забора или о деревья! Надо ж – пхнуть человека исподтишка, да обязательно в самое обидное место! Морда баранья!»...

Тихие, утонувшие в зелени и цветах сельские улочки взрослые принимают за рай. Для детишек это, конечно, раздолье, но с непрременной оглядкой на чёртика из табакерки...

...Выйдя за калитку двора, на улице, прилегающей к нашему дому, чисто выметенной мамой еще с вечера, увидел большую мёртвую птицу. Серая, в коричневую волнистую полоску, она лежала напротив калитки, всем своим видом устремившись в сторону наших окон. Осторожно подошёл к незнакомке. Довольно упитанная, с уже тускло-блёклым оперением, лежала она на правом боку, поджав скрюченные лапки.

Полузакрытые мутные глазки говорили о том, что она здесь и её уже нет. Отсутствовало что-то главное, необъяснимое и незримое.

Подсунув под тело птицы обе детские ладошки, стараясь придержать повисшую голову с небольшим клювом, понёс грустную находку во двор.

Папа сказал, что это кукушка и умерла она, скорее всего, от старости. Мы с братаном решили её, как положено, предать земле. Толян взял штыковую лопату, и мы, маневрируя меж разросшихся картофельных кустов, отправились в конец огорода. Предчувствуя неладное, до вечера маялись в смутных сомнениях.

Дождавшись конца рабочего дня, пришли на Кубань. Сбросили шорты и майки, но в воду, как раньше, с шумом не прыгали. Тихо искупались и всё сидели на берегу, ждали осипшего, прерывистого, уже родного голоса. Так и не дождавшись, грустно поплелись домой. Родители нас утешали, но всё было напрасно.

Утром отправились на рыбалку, поближе к пропавшему голосу. Ловили на удочки пузатых пескарей. Нанизывали на прутики, жарили на костре и хрумали пресное мясо без соли и хлеба, постепенно отдаляясь от событий прошлого дня и забывая о грусти.

Затем родилась идея поесть диких груш или яблок. Знали мы хорошо, где и что можно найти: боярышник, тёрн, кизил и орехи. Но больше всего было облепихи, без сахара которую есть было просто невозможно. Желтели её мелкие полезные плоды на колючих ветвях вдоль устья реки...

...Вырвался из спасительной капсулы приятных воспоминаний о радужном детстве и вернулся в бесцветное муторное настоящее. На кровать кто-то несмело присел.

Сжимая и разжимая кисть правой руки, дал понять, что не сплю.

«Тебя мина ранила?», – спросил тихий голос с азиатским акцентом.

«Угу», – ответил на выдохе я.

«И я тоже, – не дождавшись ответного вопроса, продолжал голос. – Кющать хотел, банка каша на огонь поставил и ждал. Он стал как мяч круглый и взорвался».

Поддерживать разговор и спрашивать, почему перед разогревом не пробил отверстие в металлической банке, совсем не хотелось. А ещё меньше хотелось пустозвонить, жалясь на жизнь.

«Да, судьба у всех разная. Вытерпеть физическую или душевную боль – это не самое трудное в жизни. Гораздо сложнее принять её такой, какая она есть. Не обвинять в своих трудностях людей, государство или себя.

Хотим мы или нет, но данную ношу придётся нести. Так лучше это делать, не сгорая от злобы, утопая в слезах и соплях, а с достоинством. Принять свою судьбинushку как понимание, открытие, вспышку. А не как успокоение, доживая оставшиеся годы с поникшей головой, волоча своё существование со смирением нищего у церкви...

Глава 7

...Мы учились терпеть,
постигая терпенья предел.
Мы герои теперь,
только снег уже больше не бел...

Самолёт мягко приземлился на подмосковном военном аэродроме. Морозный воздух непривычно пронизывал лёгкие до самого дна. Щипал неприкрытую кожу рук и лица.

Молоденькие медсестрички с беспокойными добрыми голосами прямо на взлётке предлагали горячий чай и хлеб с маслом, неустанно повторяя: «Мальчики, мальчики, кто будет чай?».

В ответ мы грустно и виновато улыбались. Чувство сконфуженности и тоскливой безысходности поселятся внутри теперь навсегда... Под вой сирен и, наверняка, проблеск голубых маячков автобусы быстро пошли на Подольск.

Дальнейшее можно охарактеризовать коротко: «Слава советской военно-полевой медицине!». Как в Кабуле, так и в Подольске. Ежедневный осмотр и перевязки, усиленное питание, чистое бельё и чистые палаты. Тугую повязку сменили штормкой, закрыв пол-лица.

Активисты-комсомольцы в день моего двадцатилетия подарили транзистор. Скучая от безделья, мучили его все, кто пожелает. Слушали всё подряд, наслаждаясь подзабытым мирным эфиром. Приёмничек могли уронить, свернуть ему голову, – ведь руки были заточены под военную промышленность, – но не украсть.

Нашлась и гитара, но петь совсем не хотелось. Перебирал забытые струны, возвращая руке ушедшую ловкость движений.

С посторонней помощью отослал письмо домой: «Приезжайте». И вновь потянулись тоскливые дни, подавленные душевным гнётом.

Однажды и снова однажды в палату вошёл Мишка из опорного отделения. Мы всегда его слышали из коридора. Мишка бойко стучал заменителями ног – древними, как наш мир, костылями. Современные войны ставку делают на минно-подрывную деятельность. Вот и Мишка попался на противопехотке, потерял ногу ниже колена. Ребят с таким ранением мы считали счастливчиками.

Он всегда врвался в палату с боевым кличем, а тут вошел и тихо присел. Сидит, напыжился и шмыгает обиженно носом.

«Что случилось, Миха?».

Выждав успокоительную паузу, он вздохнул и стал тихо рассказывать.

«Иду к вам сейчас по нижнему этажу. В коридоре лоб в лоб встретились с госпитальным служащим, как и мы, срочником.

Стоим, смотрим друг другу в глаза, он с двумя ведрами в руках, я с двумя костылями. Упёрлись взглядами в пустом коридоре и ждём, кто первый уступит, – шумно выдохнув, продолжал дрожащим голосом: – Ну, постояли мы немного, он ударил ногой по костылю. Да сволочь тыловая, подсёк, где нет ноги. Рухнул я на скользком полу, а он геройски переступил через меня и ушёл».

В восьмиместной палате, где большинство знали друг друга ещё с Кабульско-го госпиталя, повисла недобрая тишина. Все напряглось, натянулось струной – расшатанные нервы и израненные тела.

Сжалось нутро от обиды за братское сердце. Все понимали горькую правду, что мы другие теперь.

«Но пока в силах – своих отстоять!..».

Затишье перед бурей быстро прошло. Кровати зло заскрипели, голоса от ненависти и нетерпения теперь задрожали у всех.

«Где эта крыса, как выглядит? Сюда его», – лился гнев со всех сторон.

Первым на поиски подорвался весельчак Лёха. С ранением в глаз, он был самый шустрый и неугомонный из нас.

Обидчик с ведрами попался в том же пустом коридоре.

Без лишних вступительных слов получил в ухо ногой. Ведра со звоном покатились и остались валяться на чистом полу.

Дверь в палату с грохотом распахнулась, и в проёме меж коек растянулся обидчик.

«Он?», – прохрипел Алексей.

«Да», – совершенно другим голосом произнёс Михаил.

Я лежал в углу на своей кровати и перебирал струны гитары. Но за глухими ударами, охами и сдержанными матами совершенно не слышал мелодии.

Воспитательный процесс длился недолго. Получив напоследок пинка для рывка, бедолага в полёте распахнул дверь и вновь растянулся, но уже в коридоре.

Спустя несколько дней попал ещё один под раздачу.

Этот косил под больного и имел два побега из армии. Служил курьером, большую часть времени пребывал вне казармы, и всё равно ему было плохо.

Процесс повторился вновь.

«Дизелёк» залетел, прошёл ускоренный курс военно-политической подготовки и вылетел за дверь.

Проще сказать, афганская восьмиместка бузила.

«Дедовщина? Да... Плохо? Очень... Скажите, пожалуйста, где её нет? С детсадовского возраста старшие притесняют младших. Подростки довольно часто выясняют отношения через кулачные бои. В повседневной жизни психологически сильный зачастую подавляет более слабого».

Заведующий отделением, полковник, добрейший души человек, прежде чем войти к нам, принимал успокоительное.

По-отцовски тяжело видеть искалеченные судьбы детей, но порядок и дисциплину никто не отменял.

В один из дней меня позвали в процедурный кабинет, к внутреннему телефону. Сердце сжалось и, сорвавшись с места, забилось чаще и громче.

«Приехали родители с братом», – эта бешеная мысль отсекала все вокруг.

Сколько б к этой секунде ни готовился, бьёт она похлеще взрыва.

Завотделением связался с КПП, и посетителей пропустили.

Ребята без слов тихо ушли.

Я за эти месяцы много раз думал, как встретить, чтобы меньше ранить близких людей. Всё тело начала пробивать мелкая нервная дрожь. Стал между кроватями, прислонившись к своей тумбочке, и не мог дожидаться, когда щёлкнет ручка. Сердце выпрыгивало из груди и стучало где-то в глотке. Дверь несмело открылась, и я пошёл своим навстречу.

Обнялись и сели напротив друг друга на аккуратно заправленные кровати. Мама стала ощупывать мои ноги.

«Ноги целы, мама... Только глаза...».

Родителей вскоре позвал к себе полковник. Сообщить о диагнозе. Оставшись с братом вдвоём, решил использовать момент отсутствия родителей. Отклеил лейкопластырь и, отведя в сторону повязку на лице, показал, каков теперь я стал. Повисла тягучая тишина. Два брата сидели на солдатской кровати у окна, упершись локтями в колени и опустив головы. Каждый думал о том, как жить с этим дальше... Старший, отслуживший два года в Туркестанском военном округе, был ещё в дембельской форме. Младший, в коричневых брюках и чисто-белой, специально приготовленной для этой встречи, новенькой исподней рубашке.

Переночевав без сна в гостинице, родственники ранним утром покинули город.

Спустя две недели, за два дня до Нового года, получив в госпитальной конторе по случаю тяжёлого ранения единовременное материальное пособие в размере трёхсот рублей, мы с отцом ждали поезда на Павелецком вокзале в Москве.

Разношёрстная толпа гудела, суежилась, ругалась.

Я сидел в гражданской одежде, на жёсткой лавке, спрятав руки в карманы моей доармейской бежевой зимней куртки, упершись затылком в холодную стену. Бинтовая шторка в пол-лица укрывала глаза. Сидел и с грустью размышлял.

Триста рублей... Какое совпадение, ведь в колонне, идущей в Союз, было примерно столько же бойцов. Выходит, за каждую жизнь – по рублю. А если учитывать спасённую военную технику и боеприпасы? Да к этому прибавить обмундирование и сухпай. Тогда за жизнь и ломанного гроша не дадут...

Возможно, так думать – низко и безнравственно. Но это они, шакалы позорные, оценили вот эту давящую темноту и исковерканные молодые судьбы в триста рублей... «Ну ладно, не злись, сгоришь но нечего уже не изменишь», – успокаивал я сам себя, продолжая внутренний диалог.

Получается, что мою жизнь оценили и там и здесь. За убитого солдата духам и наёмникам выплачивали по двести пятьдесят тысяч «афошек» (афганий) за голову. По курсу это примерно пять тысяч рублей.

Деньги и снова деньги.

Мир, похоже, сходит с ума. Или уже давно сошёл...

Трёхсотка – для «трёхсотого»... Засунули б они её себе...

Какой же я стал злой... Будешь тут «добрячком-боровичком», по такой жизни...

Не кипятись, давай лучше считай.

Триста рублей... Что можно купить за эти деньги? Мотоцикл «Восход», новый, стоит в пределах пятисотки. Мой «Спортак» – тысячу рублей. Легковушка «Жи-

гуль» – свыше семи тысяч. Эти политикины, пивяки человечества, обладатели чёрных «Волг» и загородных дач, пошли они, бздунчики красномордые. Они окопных вшей не кормили и солёный пот с кровью не глотали...

Успокойся и расслабь кулаки. Считай, лучше считай.

Триста рублей... Поллитровка водки, кажется, 3-62. Коньяк – 7-42. Напиться б и забыться б. А что дальше, кроме головной боли и тошнотиков?.. На персональную пенсию республиканского значения, которую мне, вроде, обещали – в размере 128 рублей, можно не просыхать. Медленная смерть, под ежедневным наркозом. Нет, уж лучше сразу пулю в лоб...

Остынь, не заводись. Давай, давай считай дальше...

Триста рублей... Буханка хлеба – двадцать копеек... Кстати сказать, автоматный патрон оценивается ровно в столько же. Сколько же мы их сожгли... Под сапогами, на камнях скрипел металл стреляных гильз.

И что меня всё тянет на военную промышленность... Пирожное – двадцать две копейки. Как же давно я их не пробовал... Можно, конечно же, купить, но как свинья уделаюсь, а затем ищи, где вода. И вообще, пить и есть придётся по минимуму. Особенно в дороге, чтобы не толкаться в очереди у сортира...

Триста рублей... Был бы паспорт, уже летели б на самолёте. Билет от Москвы до Ставрополя, с перелётом в час пятьдесят, стоит двадцать пять рублей. Учитывая мой новый статус, как там сказано в госпитальной выписке – «нуждается, в посторонней помощи», – надо умножать на два. Не густо...

«Нуждается в посторонней помощи». И это теперь всё обо мне. Тьфу...

Как же жить дальше?

Как, да хоть каком кверху. Здесь, как говорится, – копь попала собака в колесо, лай, матерись, но выживай. Надо всё принять и учиться жить по-новому. Изменить ничего нельзя, черта пройдена безвозвратно. Другой я теперь. Навсегда...

Дождевым червячком, вытянувшимся на мокром и тёплом асфальте, всё ползло и ползло размышление, лишь изредка отвлекаясь на монотонный голос диктора, объявляющий время прибытия или отправления, номер поезда и с каких путей.

Домой хотелось и нет. Лучший выход сейчас для меня – исчезнуть бы, бесследно пропасть. Пусть я уйду из людской памяти и белого света, как из моей слизи контузия куски из прошлого...

(Лишь двадцать пять лет спустя отыщет меня командир взвода и прилетит с Урала. За чаркой водки, ночь напролёт, от заката и до рассвета, с мягким ар-

мянским акцентом, будет восстанавливать Роман в моей памяти тёмные пятна мозаики из нашего общего прошлого...).

Неожиданно, вклинившись в вокзальную суету, послышался тупой удар о мраморный пол и пронзительный детский крик. Людской гул на время затих, чтобы узнать, что случилось, и загудеть с удвоенной силой.

С вокзальной внутренней лестницы упал цыганченок и разбил голову. «Но если кричит, значит, пока ещё жив...», – мысли вяло продолжали ползти в голове. Вызвали доктора. Зеваки ругали родителей, сочувствовали и тайно, не подавая виду, радовались, что их беда обошла: «Вот так бы по жизни всегда».

«Что-то здесь не так», – текло размышление. У меня по-прежнему оставалась привычка вспоминать забытое и раскручивать клубок непонятного.

При отсутствии зрительного раздражителя, как основного источника информации, теперь ничего не оставалось, кроме воспоминаний и размышлений. И я понял. Переживания и волнения, сопутствующие крику, крови и смерти, не затрагивая, обходили мои чувства, как вода и ветра обходят одинокий утёс.

Месяц назад вычислил я в себе ещё одно новшество, совсем не пригодное для новой жизни. Долго терзала мысль и чувство, что чего-то не хватает. Рука привычно искала своё продолжение – отсутствующий автомат.

Другими мы возвращались с войны. Пересекли линию, разделяющую нашу жизнь, как принято говорить – «на до и после». Окружающие, размышляя поверхностно, рассортируют нас на сильных и слабых. Осуждая, забудут о главном, что мы сделаны с ними из одного теста. Такими нас создал Бог, космос, великий разум, не важно, как называть, важно понять, что всё существующее бывает сильным и слабым.

Тополь под натиском ветра, дождя и холода застонет, затрещит жилами, с тяжёлым хрустом и долгим выдохом рухнет на землю. Дуб тихо умрёт стоя. И мы не говорим: «Тополь, слабак меланхоличный. Вот, посмотрите на дуб, сила его заслуживает внимания и уважения».

Забывают самое главное – что такими мы рождены, такими проживём и умрём. Разница лишь в том, что большинство, не пройдя, как в сказке, огонь, воду и медные трубы, прожив жизнь, так себя и не познает.

До дома оставалось километров пятнадцать. И они становились с каждой секундой всё тягучей, бременем, ранее неизвестным, давящим на плечи. Не без труда преодолел пять с половиной тысяч километров, а последние минуты давались невыносимо тяжело. Не о таком возвращении мечтает каждый воин...

Трясся в рейсовом автобусе, стоя на задней площадке, стала пробивать сначала мелкая, а затем ненормально крупная нервная дрожь. Я ничего не мог с собой

поделать. Руки, плечи и тело содрогались и подпрыгивали в неконтролируемом ознобе. Тополя на долгожданной улице под натиском зимнего ветра заунывно гудели обнажёнными кронами-нервами. Воронья стая, возмущённая холодом и чем-то ещё, раскачиваясь на унылых ветвях, каркала на всю округу, довольно точно олицетворяя моё душевное состояние. Нас и пернатых «землячков» совершенно не радовала предстоящая новогодняя ночь и наступающий 1987-й год...

Подходя к дому, повстречали родственницу. Увидев нас, она показательно запричитала так, как обычно делают на похоронах. Словно лицезрела меня в белых тапочках. Это было только начало и продолжалось месяцы, годы.

Приходили проведать, встречались на улице, и везде скорбь, вздохи и слёзы. «Бедный парень, пропадёт. А ведь такой молодой!», – эти слова говорились, думались или при встречах просто висели в воздухе.

Попадались «доброжелатели» особой масти. «А кто ему виноват?! Ведь сам напросился добровольцем в Афганистан...», – злорадно шипели за спиной.

Что, что я мог сказать им в ответ... Да и зачем, всё равно не услышат... Общаемся на одном наречии, но живём словно в параллельных мирах. Мы просто птицы из разных стай...

Руки скользили, гладили и одновременно осматривали мотоцикл. Каждый изгиб, каждый болтик, цвет машины мне были до боли знакомы.

Привычным движением открыл топливный кран, повернул ключ и толкнул правой ногой заводную лапку. Одноцилиндровый трёхсотпятидесятикубовый котёл спортивного мотоцикла, звучно выдыхая в мощную блестящую трубу дымом, незамедлительно ожил.

«Вот и всё», – тяжело вздохнув, стараясь не показывать близким тоски и душевного гнёта, дрожащей рукой поспешно заглушил двигатель. Ноющая внутренняя боль от утраченной радости управления техникой поселится в сердце теперь навсегда.

А затем всё происходило нудно и неинтересно, как говорится – борьба за выживание. По настоянию военного комиссариата дали квартиру в посёлке Солнечнодольск. Но душевного спокойствия не было. Ржавчина обиды, тоски и жалости к себе вгрызалась в душу, съедая её день за днём. Постепенно всё глубже и глубже погружался в трясину уныния. Счастьем и радостью человек стремится поделиться с другими, а боль, замыкаясь в себе, переживает в одиночку.

С наступлением темноты, затягиваясь петлёй на шее, набирает силу тоска. Душевная боль становится невыносимой, а ненавистная ночь – бесконечной. Забудутся, померкнут чужие проблемы, останется только своя, и покажется, что на всём белом свете не бывало такой. Гнетущее одиночество будет властвовать

до рассвета. Лишь когда послышатся за окном долгожданный птичий щебет и людские шаги, обессилено уткнёшься в измятую подушку и, забыв обо всём, погрузишься в долгожданную, спасительную марь сна. Однако и там своим кошмаром доставала война. Случалось, просыпался от собственного крика в холодном поту, с бешено колотившемся сердцем, которое готово было выпрыгнуть из груди.

Целенаправленно ломал я себе режим дня. Днем хотелось спрятаться от людей, забиться в темный, труднодоступный уголок. Когда все засыпало вокруг, хотелось бежать от изматывающей тишины, а главное, от себя.

Ночью раненым зверем бродил в квартирной клетке. Не желая встречи с людьми, выйдя в подъезд, отыскивал рубильник осветительного уличного фонаря и одним щелчком делал снаружи, как и внутри. Боясь споткнуться, осторожно спускался по ступенькам. Всегда казалось, что идёшь навстречу чему-то острому и жёсткому. Случайный удар в шрамы лица, разбивая тёмные очки в хлам, неизбежно вводил в кратковременный болевой ступор.

Но, как правило, опасения во время движения были впустую. Там, где все живые существа бегали и прыгали, моим уделом теперь были неуверенность и настороженность. Набравшие силу молодые окрепшие ноги, в сущности, не выполняли своего предназначения. Под покровом темноты подолгу сидел на ступеньках, упершись лицом в подставленные ладони.

«Что ж ты делаешь со мной, память моя, истерзали усталую душу воспоминания. Хочется хоть какого-нибудь успокоения и передышки. Крепко вцепилась война, не отпускает ни днём ни ночью, и не видно этому мучению ни конца ни края. Отец с балкона первого этажа спрашивал: «Сын, как ты?». «Всё нормально, папа, всё нормально», – всегда одинаково отвечал на этот вопрос, живя по принципу «все своё ношу с собой». Зачем грузить свою ношу на плечи окружающих людей, пусть даже и самых близких.

В приятной, ласкающей слух ночной безлюдной тишине, раскатисто прогремев, удаляясь, затих гром. От неожиданности нутро опухло страхом, глухо и часто заколотилось уставшее сердце, и механически потянуло в укрытие... Небесный взрыв повторился вновь, и крупные редкие капли, барабана при встрече с землёй, быстро перешли в летний ливень.

Запахло головокружительной свежестью и мокрым асфальтом. Протянув ставшие мягкими ладони к желанной влаге, продолжал сидеть у подъезда. А небеса, словно почуяв, не скупясь отвечали взаимностью (выплакаться бы сейчас, и, возможно, стало бы полегче. Вот как обрушившейся водой незримой грозовой тучке. Но тут слезами не поможешь...).

Проведя по лицу мокрыми ладонями, вновь подставил их под дождь. По щекам сползали на шею согревшиеся капли. Нутро дрогнуло от внезапного сходства стекающих капелек и струящейся крови.

В памяти всё чаще и чаще всплывал смелый орёл в ущелье Афганистана. Дважды стрелял я в него и, к счастью, промахнулся. Никогда не простил бы себе безвинной, ненужной жертвы, гибели мудрой птицы. Парящий в небе орёл, символ свободы и силы. Я метил в птицу, а стрелял в бога...

Утром выйду на свежий воздух, неаккуратно поставленная стопа погрузится в дождевую прохладную лужу. И мозг, как озарение, вновь прошьёт нахлынувшее воспоминание.

«Так вот что на протяжении всего пребывания в Афганистане безуспешно пытались отыскать мои глаза. Искали, но никогда не встречали дождевые лужи. Стихийно возникшие природные зеркальца, в которых отражается ярко-голубое небо, по которым, разбрасывая хрустальные брызги, бегала весёлая ребятня. Когда журчащие ручейки, наперегонки с босоногой пацанвой, уносили на своей сверкающей извилистой спине спички-кораблики. Воркующие голуби и звонкие воробьи, устав от утомительной жары, хлопая крыльями, устраивали себе баный день...

С рассветом и на протяжении всего невидимого светового дня, запершись в комнате, накрывшись подушками, не желая слышать людские радостные голоса, заставлял себя уснуть. Но заснуть не мог и не понимал, почему так происходит. Ведь я в Афганистане мечтал о домашней, мягкой, чистой постели. А тут – крутился, менял положение тела, поджимал и распрямлял ноги, но сна не было. Причиной же всему было хрупкое пулепробиваемое оконное стекло.

Затем я с психом сбрасывал подушку на пол, натягивал спортивные штаны, укрывался курткой и, свернувшись калачиком там же, на полу, засыпал. Только так накатывали спокойствие и сон.

Входила мама и недоуменно спрашивала: «Сыночек, да что же ты на полу?». Виновато улыбаясь, не посвящая её в истинную причину, возвращался в кровать. Пытался заставить себя думать о хорошем, но не мог. В голове замкнутым кругом, бесконечной киноплёнкой, тысячи раз прокручивалось одно и то же.

«Беззаботная, активная молодость. Гитары, ансамбли и дискотеки. Мотоцикл, скорость и ветер. Афганистан и ранение».

Ни на мгновение не сожалел о сделанном, лучше умереть со спокойной совестью, чем до конца жизни мучиться в раскаяниях. Но всё же всплывал один и тот же вечный вопрос: «Почему, почему так со мной произошло?». Именно это натолкнёт меня потом на духовный поиск.

...С трудом нашло меня первое письмо из Афганистана. Ребята сообщали, что в тот день колонне с двумя тяжелоранеными удалось выйти из-под огня. Мина, которую я разминировал, была двойной, миной-ловушкой, ставили её на неизвлекаемость. Верхняя, по неизвестной причине, так и не взорвалась. Благодаря этой случайности я остался жив.

Энди спустя два месяца подорвалась на mine и погибла.

Снова один, скрываюсь от людей в маленькой комнате. Снова – свернувшись калачиком и уткнувшись в измятую подушку.

«Ушёл самый преданный друг.

Ну почему так?

Прикрывая других, мы не смогли уберечься».

«Прячась от сходящего с гор ночного холода, мы спали в одном окопе. Я стелил на землю два бронезилета, вместо подушки клал себе под голову кепку и подсумок с четырьмя магазинами. Правая рука покоилась на автомате, левой пытался смягчить лежанку для головы. Согревая друг друга тёплыми спинами, таясь от утреннего тумана, укрывались одной на двоих плащ-палаткой».

Дни и ночи мои перепутались, сплелись в один невыносимо давящий, бесконечно тягучий клубок воспоминаний. Не успев закончиться, мысль закручивалась вновь и неизбежно упиралась в одно и то же – в роковой взрыв. Приходили друзья и знакомые, старались помочь, но внутренний огонь угасал. «Не тот пропал, кто в беду попал, а тот, кто духом пал...».

Последней каплей, которой было суждено либо раздавить меня окончательно, либо наоборот, послужили слова родственников второго колена.

«Лучше б он погиб...». Таков был их приговор.

Жизнь моя была ещё не длинна, но, учитывая последние события, уже и не коротка. Никогда от боли душевной или физической не стонал и не плакал. А здесь беззвучные слёзы, подталкивая друг друга, двинулись сами собой. От обиды внутри что-то рухнуло и сломалось. Земля поплыла, руки, плечи и голова опустились.

В экстремальных ситуациях у человека иногда случается ступор или истерика. Выводят из штопора пощёчиной, а если это мужик, то ударом по морде.

Неожиданно, откуда я ждал меньше всего, я его получил.

Подскочив с кресла, не помня себя, ломая пальцы, метался по комнате из угла в угол. Гнев захлестнул каждую клеточку, всё пылало внутри. «Пощёчина» сработала, за что спустя много лет я буду родственникам благодарен. Хотя твёрдо убеждён, что и словом можно добить человека.

«Не рано ли вы меня в ящик заталкиваете? – говорил сам с собой. – Ну ничего, весна покажет, когда снег сойдёт, кто где нагадил!»... Бойцовская злость овладела сердцем надолго.

Пришло осознание, что дальше так жить невозможно. Сгорю, сожгу себя воспоминаниями. «Но что же делать, с чего начинать? Надо переключить мозг на что-то другое, чем-то заняться. Выходить в люди». Уставшая рука подняла телефонную трубку. Указательный палец, неуверенно двигаясь по диску, отсчитывая цифры, набирал нужный номер.

Глава 8

...они воспарили над нами над всеми,
два солнечных блика,
две нежные тени...

Активисты Изобильненского РК комсомола привезли спортивные тренажёры. Я впрягся в них, сжигая зло, тоску и обиду.

Медикаментозное лечение обязательно на первом этапе выхода из посттравматического шока. Однако жить и работать на спекулянта Аптекаря – это не есть хорошо. Кипу лекарств, выписанных врачами, спустил в унитаз и, чтобы не возвращались, смыл дважды. Духовный путь гораздо надёжней и одновременно трудней.

У людей в белых халатах заданный мною вопрос всегда вызывал возмущение и недоумение: «Скажите, пожалуйста, можно ли мне выполнять стойку на голове?». «Вы что, с такой черепно-мозговой травмой – ни в коем случае!».

К тому времени я уже практиковал сиршасану, применяю её и по сей день (во время Руслан Константинович рассмотрел во мне ищущего и бросил в благодатную почву духовные зёрна). Много отзывчивых и душевных людей на Земле, на которых мне по жизни везло. Каждый добрый поступок останется со мной навсегда.

День теперь начинался иначе. Утром раздавался звонок в дверь, и, пока ротозеи спят, – плечо в плечо, нога в ногу бежали с Андрюхой вокруг посёлка. Спустившись у кинотеатра к воде, заплывали в водохранилище. А затем, как до армии, на школьной спортплощадке переходили от перекладины к брускам. Бегал я всегда босиком. Почувствовал, что так надо организму, и не ошибся. Стопы горели огнём, часто сбивал их в кровь и вгонял занозы, но упрямо стоял на своём.

Пошли осенние дожди, затем настали заморозки, лёг снег, но форма одежды оставалась неизменной.

По свежему пушистому снегу бежалось легко и мягко. Оторвавшись от обжигающего дорожного покрова, сжимал и разжимал пальцы ног для сугрева. Тело от мороза и сильного снега горело огнём. Снежинки, приятно покалывая, ударялись в слегка онемевшую кожу, сползали, уступая место вновь прилетевшим. Уверенно двигался вдоль набережной, и душу с телом согревала мысль – где-то там, совсем рядом, по левую руку, гостили, пережидая холода, белые лебеди. Ка-

нал, пронизав турбины ГРЭС, возвращался в водоём тёплой водой. Спокойные и несуетливые птицы, не подавая голоса, притягивали к себе людей своей красотой и особым статным величием, удивительное зрелище прославило залив на всю округу...

С тёмных очков растаявшие снежинки капельками стекали на лицо.

«Надо придумать очистительные щётки для окуляров...», – смахивая мокрый снег, ползший по щекам, бросил шутку дружку.

«На тебя вон бабуся смотрит и крестится. Ещё бы, она в шубе и в шапке, а ты в спортивных трусах и в солнцезащитных очках, да в такой снегопад». Результат наших пробежек не заставил себя долго ждать. Вскоре сон улучшился, нервы медленно успокаивались, общее состояние укреплялось и, самое главное, появилось желание жить.

Пришла весна, и не только. В комнате тихо играла музыка, виниловая пластинка, медленно вращаясь, создавала уют и покой. Переливаясь ярким разноцветьем в такт мелодии, на стене сияла смастерённая ещё до армии цветомузыкальная установка. Воспоминание об Афганистане делили на двоих. С Валерой мы были знакомы не первую пятилетку. Новость о моём ранении в те зимние дни настигла его на больничной койке. Ошеломлённый известием, он сбежал через окно второго этажа из районной больницы и на попутках тридцать километров ехал ко мне.

Под тихую мелодию память рисовала Ишкашимский уезд, армейская операция тогда собрала не одну сотню бойцов из близлежащих провинций. Однако пересячь нашим с Валерой путям на чужбине было не суждено. Жаль, угостил бы водилу БТРа яблочками из кишлака.

В разговор вклинился звонок в дверь, в квартиру ворвалось синхронное:

«Здравствуйте!».

По весеннему весёлые девчачьи голоса эхом зазвенели в подъезде.

«Нам поручили поздравить вас с майскими праздниками!».

В этот момент в открытую дверь, на лестничный пролёт, из квартиры пулей вылетел сиамский котёнок. «Ой, какой красивый! А как его зовут?», – восторженно воскликнули гости.

«Маркиз. Его морская душа жаждет свободы, ловите его, девчата, и вместе с ним входите».

«А где вы такого красавчика взяли?», – сидя в креслах, тискающая голубоглазого своенравного сиамца, спрашивали школьницы.

«Привёз из Одессы», – примостившись у открытого окна на подоконнике, отвечал я. Когда второй раз летал на пластическую операцию. Стюардессы от него тоже были в восторге. Весь полёт кот лежал на спинке сиденья, вытянувшись на подголовнике, свесив хвост и уложив голову на лапки. Когда небольшой борт болтало в воздухе и он проваливался, а затем, надрывно гудя, вытягивал всех наверх, юный «одессит» опускал лапку и мягко хлопал меня по плечу. Словно подтверждал, что он здесь и ему немного страшно.

Впервые за последнее время душа отдыхала. Находясь рядом с девчонками, хотелось говорить о всякой всячине или просто молчать.

После войны, госпиталя, пережитых физических и душевных болей и потрясений человек тянется к свету. Такими и были девчонки-старшеклассницы. Гости попросили сыграть на гитаре, и зазвучала живая мелодия. Татьяна непринуждённо поддерживала беседу, Леночка в основном скромно молчала, но её присутствия было достаточно, чтобы понять – «это Она».

Внутренние энергии двух людей, словно течения двух рек, сначала слегка соприкоснулись, затем потекли рядом в одном направлении. Постепенно межа размывалась, и река становилась одним целым. «А разве такое возможно? Не видеть и любить...», – судачил и судачит народ. Мы считаем нормой и давно привыкли к любви – глазами, ушами, желудком, кошельком и половым инстинктом, вытолкнув из этого списка и задвинув в дальний угол главный источник светлых чувств – сердце.

Много придётся вынести этому человечку. Пули людской молвы типа «Она что, другого не могла найти?» – ранят душу похлеще огнестрела. Собрать бы злые трепливые языки в один пучок и, чтобы не мешали людям жить, отвести на центральную площадь и привязать к фонарному столбу с надписью: «Не умеешь делать добро, постарайся хотя бы не творить зла...».

Вопреки заскорузлomu мнению, отзывчивых и светлых людей гораздо больше. Добро самодостаточно, оттого-то и живёт скромно, не выпячиваясь...

...В один из дней, сидя на траве в торце своей пятиэтажки, я прогуливал чепрачную немецкую овчарку. Недалеко, заскрипев тормозами, остановился мотоцикл «Ява», и чьи-то шаги стали целенаправленно приближаться. Карат, сидевший рядом на мягкой траве, напрягся и угрожающе зарычал. Я взял его за ошейник. Шаги, шаркнув о землю, остановились. «Можно с вами поговорить?».

Спортсмены-штангисты – Владимир Никитович, в будущем заслуженный тренер России, и Андрюха – будущий чемпион мира по тяжелой атлетике, пригласили в спортзал. «Мы тебя будем забирать. Железки потягаем, чаёк погоняем и в баньке попаримся...». Три дня в неделю встречались в спортзале. По вечерам, параллельно, поэт и бард Виктор Анатольевич собирал единомышленников в клубе авторов и исполнителей «Арсенал», где я познакомился с двенадцатиструнной гитарой.

Всплывала в уме одна встреча. То ли приснилась она, то ли нет. Всё у меня перемешалось. Во сне теперь видел цветные образы и события, наяву же – в тусклых разводах погасший экран. Словно плывущие по тёмной воде маслянистые пятна.

Вспоминались лишь голоса, значит, всё же было наяву. После взрыва, за двенадцать суток, начисто улетевших из моей жизни, я всё же смутно помню одну короткую встречу в дивизионном медсанбате.

Придавленный волнением от увиденного, мужской голос негромко сказал: «Здравствуйте».

Я не ответил, не было ни сил, ни желания. Всё вокруг плыло в вязкой, гнетущей пустоте. В голове не было никаких мыслей, словно находился в безжизненной, без конца и края тёмной водной пучине. Не существовало ни верха, ни низа.

«С вами сейчас будет разговаривать командир дивизии», – всё тот же голос адъютанта продолжал от изножья кровати.

Рядом со мной кто-то тихо присел.

«Как дела, сержант?», – спросил взволнованный голос генерала.

«Лучше, чем вчера», – с трудом шевеля израненными, обожжёнными, высохшими губами, еле слышно, вяло произнёс я.

«Держись, солдат, я лично напишу на тебя наградную».

25-го мая 1987-го года указом Президиума Верховного Совета СССР я был награждён Орденом Красного Знамени с порядковым номером 552772.

Обиды и жалость к себе бичуют многих людей, но если к ним прибавляется: «Меня не поняли, не оценили и мне должны», жизнь становится невыносимой.

Уяснив, что никто никому ничего не должен и жареная куропатка навряд ли залетит в открытую форточку, через полтора года после ранения принял решение поступать в Кисловодское медицинское училище на специальность «медбрат по массажу». К тому времени я уже самостоятельно освоил шрифт по Брайлю.

Проживание в чужом городе, одному среди новых людей, по идее, должно было следовать пословице: «Мука – для будущего наука».

Однако уже не первый год я жил под девизом: «Ну, я вам покажу кузькину мать, врагам победы не видать».

К концу третьего курса учёбы Изобильненский райком принял в ряды КПСС. Возможно, оттого, что твёрдо верил в человека труда, я и подал заявление в партию.

Однако вскоре перемены затронули не только мою судьбу, но и всю страну. Наступили времена рвачей и лихоимства. Жажда наживы и богатства затуманила людские мозги. Если ты не можешь заграбастать, урвать, значит, ты не умеешь жить.

Растащили державу, растоптали устои и нравы.

Но партбилет, прогибаясь перед новым временем, показательно не рвал и зубами не грыз. Историю хотелось уважать и хранить, а не стыдиться и выгодно поносить. Возможно, пришло время, система отжила, отработала своё. Наверняка можно было перейти на новую стадию без разрухи и политического гопака на пепелище предков.

Говорят, глаза – зеркало души. Взгляд может многое рассказать о человеке. Полный ненависти или добродушный, лукавый или участливый, кобелиный или влюблённый – можно распространяться очень долго...

О слухе – гораздо меньше. Поэтому глаза так активно работают, а ушами шевелят лишь немногие. Мне, кстати, это тоже не удаётся. У незрячих эмоции на лице застывают, и голова слегка поднимается вверх.

Со временем в своём поведении я стал замечать именно такие перемены. Напряжённо вспоминал, как выглядят люди, попавшие в схожую ситуацию, и вспомнил.

В Ишкашимский уезд путь проходил по сухому руслу реки. Дорога петляла, как бык облегчился. Подпрыгивая на обмытых ушедшей водою камнях, мы ползли настороженно вверх. Берега зубчатыми вершинами упирались в светло-голубое небо. Таинственное молчание скал волнением ложилось на сухую протоку. Казалось, сказочная задвижка откроется, река проснётся и нас щепками смоем вниз по течению.

Здрав вверх носы, орудия смотрели в разные стороны (в каменном мешке нет пыли – это плюс, но мы как на ладони – это минус).

Устье постепенно сужалось, гуляющая то вверх, то вниз береговая кромка заметно мельчала.

Выхватив пологую бровку, бронемшины выскочили из временно пустующей жилы и поползли по просёлочной дороге. Слева, с готовностью в любой момент оскалиться, прижавшись друг к другу, затаились глиняные дувалы. Обманчивость мнимого безлюдья подтверждал бросавшийся с лаем от машины к машине огромный гладкошёрстый волкодав. Клацая невообразимых размеров зубами и неприлично брызгая слюной, выдавал, что в дырки дувалов за нами непременно кто-то следит.

Неожиданно перед взором открылась пологая пустынная долина.

Напряжение спало, и стало как-то легче дышать. Пыльная дорога виляющей лентой уходила вниз по волнистому накренившемуся плато. Внизу виднелась густая зелень кустов и деревьев, надёжно прятавшая реку, людей и жильё.

Боевые машины гигантскими камуфляжными черепахами выползали на открытую поверхность и тактично рассредоточивались по выжженной солнцем равнине. Поздней ночью, вырисовывая багровыми вспышками контуры гор, залповые установки обрабатывали местность, где завтра предстояло нам погостить.

То тут, то там, освещая окружённый горами пяточок земли, взлетали ракеты.

Утром, растущими точками на ясном небе, над горами показались вертушки. Ярко выделяющийся на бежевой земле стелющийся красно-коричневый сигнальный дым, вытянувшись извилистым шнурком, указывал место посадки. Сверкая на солнце винтами, замедляя ход, поднимая вокруг себя пыль, прикоснувшись к земле борты продолжали работать. Подбежавшие группы бойцов прятались в теле гудящих машин. «Стрекозки», как в детстве на берегу Кубани, насытившись, попарно, одна за другой уходили в горы.

Корпус вертолётa мелко вибрировал. За линзой окошка открывался красивый пейзаж. Однако меня почему-то больше притягивало расстояние между блестящими клёпками на полу. Применяя внутренний глазомер, проверял, везде ли они одинаковы.

Со свистящим лопотанием МИ-8 завис над камнями, насколько позволяла местность. Мы выполняли прыжок, приземление и выбор огневой позиции. Вторая машина, не успев разгрузиться, клонула носом и задела винтами поверхность земли. Лопасть, отделившись от своих близнецов, кружась бумерангом, полетела вниз, обгоняя сбитые камни. «Как же её теперь оттуда достать?», – лёжа меж валунов и наблюдая за полётом, совсем не к месту думал я.

Подмяв под себя оставшиеся винты, вертушка, накренившись, лежала на спине, беззащитно оголив прошитое пулемётной очередью днище, и походила на замершую вверх пузом мёртвую рыбку. Из покосившихся дверей один за другим, с испуганными глазами, выскакивали военнослужащие. Некоторые без касок, один, прикрывая ладонями травмированное лицо, оказался Ванькой из нашей роты, он был без автомата и каски. Как только шум уцелевшего вертолётa, удаляясь, стал постепенно стихать, тут же обнаружил себя виновник неприятности, которая по счастливой случайности обошлась без жертв. Из труднодоступной скалы неумоимо бил крупнокалиберный пулемёт. Духи довольно практично и умело использовали природные пустоты в горах. В сложной сети пещер оборудовали скрытые огневые точки, схроны с боеприпасами, места для укрытий и отдыха.

...ДШК, заполняя прерывистым эхом ущелье, лупил без передышки, не жалея патронов. Выбивая мелкую крошку и пыль из камней, давил нас, прижимая к земле.

«Автоматной пулей его не достать, слишком далеко. Остаётся набраться терпения и ждать воздушную огневую поддержку. Гибель машины ему не простят». Маяться под вражеским прицелом на неудобно каменистой лежанке долго не пришлось. Вскоре на чистом небе, всё нарастая, показались две точки. Самолёты, устрашающе сверкая боками на солнце, шли, как всегда, на разной высоте умело выстроенной парой. Чёрный клубящийся дым от керосиновым факелом полыхавшей «восьмёрки» сигнализировал лётчикам, где мы залегли.

Опережая звук мощных турбин, над головами и зубчатыми скалами пронеслись штурмовики. В момент их знакомства с обстановкой на земле кто-то из автоматчиков выпустил длинную очередь трассеров, указывая длинным светящимся пунтирным «пальцем» местонахождение врага.

Успокоительно маякнув красными пятиконечными звёздами на дюралевых крыльях, пара взяв резко вверх, унеслась в голубую высь, чтобы вернуться вновь. Повторный заход не сулил духовскому стрелку ничего утешительного. Самолеты неслись двумя хищными стрелами. Реактивным жалом из-под крыла ведущего, выпустив сноп белого дыма, устремила к цели ракета. Оставляя ребристый с завитушками след, снаряд влетел точно в мерцающую точку работающего пулемётного укрытия. Отвесная скала, огненным драконом, выдохнув жёлто-красным языком пламени, замолкла навсегда. Лишь каменные груды устремились вниз, а сизый дым, постепенно растворяясь в воздухе, прижимаясь к горам, уходил вверх.

«Ну, теперь ваша очередь, душары, курить бамбук...».

Воздух был чист и прохладен. Ободряющий ветерок нёс в себе целительную силу вековых перевалов. Камни скрипели и сыпались вниз из-под сапог. С каждым шагом дышать становилось всё трудней и трудней...

Вернувшись в долину, утонувшую в ожерелье пустынных гор, приводили себя в порядок, бездельничали. На костре, в цинках от патронов, жарили картошку с тушенкой. Жевали кислые недозревшие яблоки из соседнего кишлака. Дорого могли обойтись мне эти яблочки.

Подружившийся со мной в первую афганскую ночь Колёк, поманив меня и удивившись, что никто не слышит, сказал: «Пишлы зо мною, щас зараз зробым банный день». «Приказано экономить...». «Айда, айда за мною, у мэнэ е дюже сикритна информация, шо нонче будэ заправка».

Тем временем мы подошли к его «Уралу». Привычным движением Колёк снял задвижки и открыл задний борт. На кузове покоилась изрядно похудевшая полторатонная чёрного цвета резиновая ёмкость. Приспособив рукав так, чтобы вода уходила самотёком, вынул пробку и быстро вставил другую. Теперь вместо одной толстой висели пять тоненьких трубочек. Бросив под ноги водительский резиновый коврик, быстро раздевшись, стали смывать въевшуюся пыль. Вымывшись, вернули всё в исходное положение.

Сидя в кабине, с голым торсом, подшивали белые воротнички. Тело дышало чистотой и прохладой. (Личной гигиене в Азии уделялось особое внимание. Мало было инфекционных заболеваний, так из-за чужого субтропического климата на теле у ребят, в основном из северных районов, появлялись трофические язвы. Довольно удачно с этой заразой справлялась копеечная «бриллиантовая зелень». В связи с полным её отсутствием – по неизвестной причине – ей нашли альтернативу. После бани засыпали в раны измельчённую в порошок тротилловую взрывчатку).

Справившись с подшивой, Колёк проговорил, улыбаясь:

«Зараз тэбэ письмо от мамо зачитаю».

Я посмотрел на него вопросительно, всем видом показывая, что неприлично так поступать. Колёк тем временем достал из бардачка распечатанный конверт, вынул сложенный вдвое лист. «Слухай. Здоровеньки булы, сынуля».

Он продолжал неторопливо, избирательно читать выведенные любимой рукой строчки. С каждым словом его лицо просветлялось, зелёные глаза становились по-детски доверчивыми и радостными. Мягко улыбаясь, друг погружался в долгожданный домашний уют и тепло.

Мама заботливо делилась с сыночком, что в саду давно уж поспели его любимые сладкие яблоки. Что корова скоро должна отелиться.

Николай перевернул лист, взглянул на меня и, широко улыбаясь, промолвил: «О, зараз найшов, слухай. Баба Груня кажэ, шо колы спаты с розянутым ротом, можэ гадюка залысты у рот и посэлыться у пузе. Сынко, да хйба ж так можно, оцэ шоб у людыны да ползуча тварюка була у животи? Хрыстом-богом умоляю, колы будэш лягаты спатки, нэ раззявливай джужэ рот».

Вдруг неожиданно с водительской стороны грянула о подножку чья-то жёсткая подошва, потом появились зацепившиеся за дверь пальцы, а за ними – радостное лицо. Просунув в открытое окно довольную физиономию, Толян восторженно выпалил:

«Сказано ехать за водой к кишлаку! Чур, я с тобой!».

«Зараз поихалы!».

Вернув в бардачок катушку белых ниток, я приоткрыл дверь, готовясь уйти.

«Ты куды? Айда гуртом, мы туды и витсэля, зараз вэрнэмся».

«Сейчас, только автомат возьму», – выпалил я, быстро натягивая на себя выгоревшую гимнастёрку со свеженькой подшивой, и увидел на БТРе одиноко лежащий чей-то автомат.

«Хватай ёго!», – запустив движок, крикнул водила. Подраскинув мозгами, я в два прыжка взлетел на броню и, стараясь не греметь, свинтил находку. Мысленно приговаривал, обращаясь к хозяину: «Вода всем нужна, а время дорого. Скоро верну, если хочешь, пользуйся моим. Он там...». Уже в двигающемся «Урале», громко хлопнув дверью и сидя в тесной кабине, проверил оружие на наличие патронов.

Запас оказался убедительно-успокоительным. Два спаренных рожка, соединённые чёрной изолентой, мастерски превращались в магазин-перевёртыш, вбиравший в себя шестьдесят патронов. Крепко сжимая правой рукой дверную ручку, а левой – устремившийся вверх ствол автомата, изредка настороженно поглядывал на Николая. Водители на выездах обычно спят в кабинах своих машин. Для полного комфорта откручивают на ночь руль, а утром, возвращая его в исходное место, по халатности иногда не закрепляют на рулевой колонке. И вот тогда-то и начинается самая что ни на есть экстремальная езда. Подпрыгнув на ухабе, баранка соскакивает со шлецов, и водила остаётся с ней в руках. Пока он пытается закрепить её на место, машина мчится, куда пожелает.

Предпенсионного возраста грузовичок, ревя бензиновым мотором, шпарил под горку, как угорелый. В октябре ему вместе с рулевым предстояло сделать дембельский бросок до советской границы. А пока мы, подпрыгивая на кочках, словно на родной российской дороге, повторяли одно на всех заклинание: «Вода, вода, вода...».

Неширокая, но быстрая речушка отделяла природное плато от утопающего в зелени кишлака. За ним вертикальной стеной стояли каменистые голые горы. У мосточка мы свернули вправо и тормознули у передвижной водокачки. Эту почётную функцию выполнял стоявший у кромки воды ГАЗ-66.

Металлическая зелёная будка без единого окошечка скрывала в себе сложную для нашего ума начинку. Сидящий внутри прапорщик, склонившийся над столом перед булькающими колбами, выглядел ни дать ни взять алхимиком. Соединив бурдюк на кузове с подачей проточной воды, поглазев на сложный процесс её очистки, отправились туда, куда и ради чего прибыли. Для начала – искупаться и выстираться.

Вскоре стояли у машин свежие и мокрые, поглядывая на заросли деревьев. Прошедшая несколько ступеней очистки вода, к нашему удовольствию, поступала довольно медленно. Оставив водителя следить за ёмкостью, мы с Толяном отправились претворять в жизнь вторую часть нашего выезда.

Перемахнули речушку с помощью моста и почувствовали себя достаточно некомфортно. За спиной, в небольшой долине, в пределах зрительной досягаемости стояли наши войска. Мы углубились в заросли и потеряли своих из виду, так что наше ощущение безопасности бесследно испарилось. От войска осталось два ствола с набалдашниками пламягасителей. В прохладе деревьев птичий говор заметно усилился. Стараясь не привлекать к себе внимания лишним

шумом, подошли к стене дувала и увидели яблоню. Мелкие, еще не дозрелые плоды замерли на ветвях в безветрии. Сорвав по одному, сняли пробу. Хрустя (казалось, на всю округу) сладко-кислым яблоком, не сговариваясь, решили – дальше ходу нет.

«А давай, каждую штанину внизу затаюем узлом и наберём яблок на всех сразу», – энергично работая челюстями, сказал я.

Вскоре, набив оскомину, мы пересекли границу реки. Толян шагал, раздутый от засунутых за пазуху гостинцев. Мне же давила шею ещё мокрая от стирки поклажа. На груди, свесившись по сторонам, раскачивались штанины, полные натуральных ароматных витаминов.

Весь обратный путь меня одолевала навязчивая мысль – что-то не так. И лишь поравнявшись с машинами, осенило – ремень, где мой солдатский ремень?..

«Братва, мне надо вернуться!».

«Зачем?», – в два голоса спросили друзья.

«Ремень потерял, а как я теперь без него...».

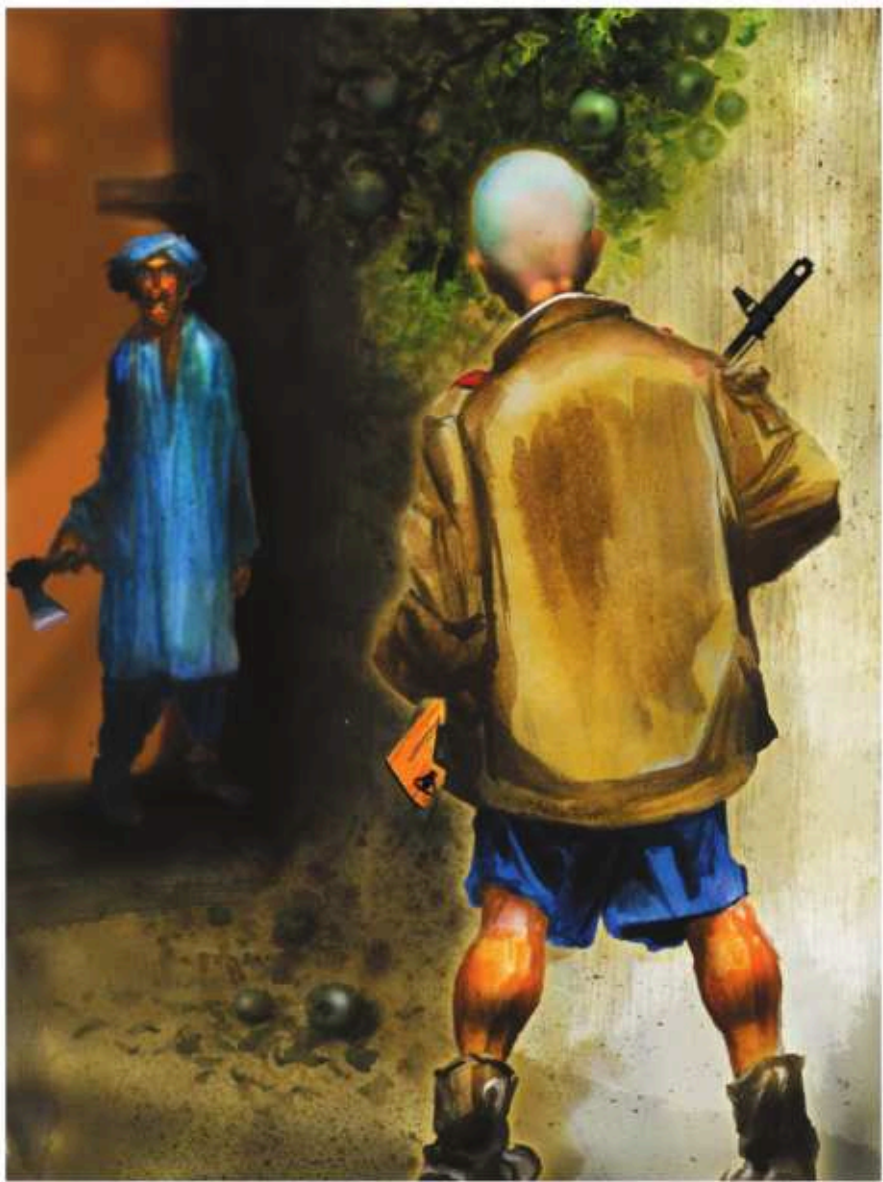
«Не боишься?», – спросил Толик. Посмотрев на его лицо с ещё розовым шрамом на левом виске от недавнего ранения, коротко ответил: «Нет...». Возвращение в кишлак давило в разы сильнее своим застывшим безлюдным молчанием.

(«Афган» – это персидское слово переводится как «молчание» или «безмолвие». В переводе с тюркских языков означает «ушедший, скрывшийся». В эти короткие слова вложено всё, что может охарактеризовать людей и страну в целом. Точнее не придумаешь).

Вот уже впереди показалась песчаная стена. Справа – глубокая воронка, наверняка от залповой установки «Град»... Если пройти между ними, сразу слева за углом, метрах в десяти, будет яблоня...

Осторожно ступая, выглянул из-за угла и увидел под стволом потерю. Свернувшись тёмной змейкой, ремень сиротливо поблёскивал на солнце начищенной медной бляхой. Автомат, снятый с предохранителя, как и прежде, висел на правом плече стволом вперёд. Удерживая палец на спусковом крючке, наклонившись, подхватил левой рукой кожаный ремень. Подхватил и одновременно почувствовал чей-то взгляд. Рядом с дальним углом, замерев от неожиданной встречи, стоял человек. Быть может, он вышел случайно, но так или иначе встреча состоялась. Между нами было метров семь. Светило солнышко, стояла тишина и никого, кроме нас, не было вокруг. Сцена по-прежнему оставалась немой. Стоявшие разглядывали друг друга. Я видел, что человек уже не молод, но ещё и не стар. Одет в светло-голубые шаровары и рубаху до колен. На голове возвышался такого же цвета тюрбан. На ногах тускло блестели чёрные калоши.

Согнутая в локте правая рука сжимала топор. Левая, свободная от ноши, свисала вдоль тела. Поживший, оттого и не делавший никаких подозрительно лишних телодвижений.

У меня видок был не менее экзотичен: короткая стрижка почти под ноль, сверкающий белым подворотничок, расстёгнутая куртка, надетая на голое тело, синие ситцевые трусы и высокие ботинки на шнуровке. Рученьки по-прежнему покоились на автомате. Правая кисть выделялась белой тонкой медицинской повязкой. Бинт скрывал свежую рану на большом пальце, след от неудачно запущенной осветительной ракеты из бракованной ракетницы. Стал так, чтобы при необходимости среагировать на любой выпад незнакомца. Он стоял не шелохнувшись, так и не изменив позы. Не произносил никаких слов, не делая жестов, наконец-то насторожённо отступил по направлению к углу дувала и остановился. Пожалуй, это походило на предложение – разбежаться с миром.

Я тоже, сделав шаг назад, замер. Следующий шаг мы осуществили синхронно и попятились каждый в своём направлении. Ему было ближе, оттого и исчез быстрее. Я, скрывшись за своим углом, замер, прислушиваясь. Став спиной к шершавой стене, взглянул вверх: высокоовато, в два человеческих роста. Не выпуская ремня и автомата, быстро присел и, упершись руками в тёплую почву, опасаясь поймать пулю и склонившись над землёй, выглянул из укрытия. Никого... Резко встал и, чуть пригнувшись, дал стрекача. Спина была как будто размером с плато, на которое так стремился попасть. Оказавшись за рекой, издали услышал знакомый голос: «Найшов?». В ответ, перейдя на шаг, поднял левую руку с находкой. Тяжело выдохнул – обошлось (авось, небось и накость выкусь...). Толик, уроженец Молдавии, заподозрив неладное, спросил:

«Встретил кого?».

«Угу».

«Духа, что, ли?».

«А шут его знает. Поди их разбери, они ведь камуфляжей не носят. Днём крестьяне, а ночью стрелки... Судя по взгляду, нет. У духа глаза злые, колючие, а этот смотрел удивлённо-испуганно».

Часовой, сидевший на возвышенности вытянув ноги, не глядя отбросил огрызок яблока и заметно забеспокоился. Отделившись от «зелёнки», с посохом в руке, в серой национальной одежде, к стоянке медленно приближался мужчина. Осторожно щупая перед собой палкой, он шёл несмело, словно по минному полю. Во всём его вытянувшемся теле была сконфуженная вопросительность.

Забыв про картошку и яблоки, мы застыли в ожидании.

Незрячий мужчина, ведомый слухом и голодом, подошёл к бронемашинам. На бледном, болезненно худом, словно неживом лице глаза были приоткрыты, но

мертвы. Одежда – небогата и поношена, в одной руке – сухая неровная палка, в другой – на локтевом изгибе – матерчатая сумка.

Всё было ясно без слов.

Сумку до отказа наполнили продуктами, в руки дали ящик с консервами.

Человек несмело качал головой и твердил слова благодарности. Мы бережно развернули его за плечи и указали дорогу домой.

Проанализировав воспоминание, сделал себе установку – улыбаться, гримасничать и шутить, как раньше. Не застывать и, не ленись, поворачиваться лицом к собеседнику. Чтобы свалившиеся мытарства не ожесточали и не отпечатывались угрюмостью на лице...

Внутреннюю работу вскоре добротнo оценили люди. За спиной судачили: «Климов врёт... Этого не может быть, что полностью не видит. Вы посмотрите, как он расковано двигается и ориентируется, улыбается да шутит!». Такие слова вызывали во мне двоякое чувство, подобно театральной маске, символизирующей комедию и трагедию одновременно. От депрессивных нытиков народ разбегается в разные стороны, как чёрт от ладана. Однако весельчаков, выпадающих из общепринятых шаблонов, оценивают поверхностно, упуская главное, что юмор – это всего лишь способ выживания, защитный трюк от повседневного гнёта. Закон природы о неразлучности двух противоположностей никто не отменял. У белоснежного айсберга существует другая, скрытая от всеобщего обозрения тёмная сторона. За беззаботной улыбкой, как правило, прячется глубокая грусть...

После медицинского училища, проучившись полгода в институте, понял, что юрист из меня будет неважный.

«Доучись», – уговаривала жена.

«Нет, ты, помогая мне в учёбе, будешь специалистом, но я без тебя самостоятельно работать не смогу. Не те времена».

Работа среди людей, в ставропольской поликлинике массажистом, многому научила. Физическая нагрузка сжигала внутреннее напряжение и переживание. Заставляла держать себя в тонусе. Не расплываясь на оценку внешнего вида, научился видеть внутренним взглядом людей и то, что они носят в себе.

Пациент приходит в поликлинику получить помощь и выжать медиков по максимуму, и это, наверное, правильно. Мало кого интересует здоровье и душевное состояние лечащего.

Народ с лёгкостью сливает свой груз, не привыкши ходить к психологу, да и дороги нынче такие услуги.

Пытался я пару раз что-то объяснить жалобщикам, не ставя в пример свою судьбу. Большинство входящих и не догадывалось, что массажист – с полной потерей зрения. Движения по кабинету были отточены и уверены, знания имелись, а вот критической потребности в зрении, чтобы спины чесать – нет.

Так вот о жалобщиках. Пожилая женщина на каждой лечебной процедуре рассказывала о своём травмированном мизинчике.

«Ехала в общественном транспорте, водитель резко затормозил, и я ударилась пальчиком...». «Вы знаете, – не выдержав многодневного нытья, сказал я. – У меня много ребят, у которых нет рук, ног, глаз, у иных – одновременно и того и другого. Не ноют ребята, живут...».

«Ну да, ну да. Но мизинчик-то мой болит...».

С тех пор перестал зря бить язык, всё равно не достучаться. Кто желает видеть и слышать, тот увидит и услышит без лишних слов.

Если уж вспомнили о психологии, то мне, как пострадавшему на войне, только через двенадцать лет позвонили социальные служащие и предложили помощь психолога.

Поблагодарив, грустно улыбнувшись, отказался. Что ж говорить о сельских ребятах, вылазь и спасайся, как можешь.

Встречались и приставучие пациенты.

«Скажите, а вы что, совсем не видите?».

«А вы что, за меня замуж собрались?», – дурковал я.

«Ну что ты, сынок, у меня дед есть. А вот скажи мне, во что я одета?», – не отставала гражданочка.

«В платье», – массируя ей кисть, отвечал я.

«Да нет же! Ну вот, что у меня на голове?».

«Рога...».

«Тьфу на тебя!», – возмутилась она, и на массаж больше не пришла...

Одна пациентка по приставучести всех перецеголяла.

«Вы совсем не видите?».

«Нет».

«Что, совсем-совсем?».

«Да, совсем-совсем. Тотальная потеря светочувствительности».

«Так вы и меня не видите?», – не скрывая удивления, доставала назойливая пациентка.

«А вы что, ярче солнца?».

Ответ на человеческую беспардонность ещё зависит от настроения. Подошли мы как-то с женой к кабинету. Я открываю дверь.

Женский голос говорит жене: «Скажите ему, что у меня к нему направление на массаж спины. Спросите, во сколько приходит на процедуру».

Лена ещё не успела понять такого расклада, но я-то уже с такими умниками сталкивался не впервые. Поворачивая ключ в двери, говорю супруге: «Передай ей, в 14 часов». «А что с собой приносить?».

Елена терпеливо объясняет: «Простыночку и массажный крем».

И, уже входя в кабинет, бросив ей через плечо, я съязвил: «И туалетную бумагу».

На следующий день пришла с рулоном бумаги.

«Да я пошутил!».

«Ну, вы шутник...».

«Ну, вы тоже не лучше...».

Люди бывают зрячими и незрячими. Первые, используя глаза или, точнее, физическое зрение, несмотря на возраст, довольно часто по жизни остаются духовно слепыми. Незрячие, в свою очередь, иногда достигают уровня видящих. Встречаются и зрячие – видящие, а незрячие, увы, – помноженные на два...

Работа с детьми – это особая страница в профессиональной деятельности. Со временем пришло понимание, которое не описывают в учебниках. С месячного возраста грудничков приносят на лечебно-профилактический массаж.

Они ещё не загружены мусором – материализацией своих желаний и погоней за ними. Оттого-то ребятишки и обладают повышенной чувствительностью к окружающему миру, извиняюсь за сравнение, но воспринимают людей, в лучшем смысле этого слова, – прямо как животные.

На негативного соседа зачастую сразу реагируют слезами, мельтешением конечностей и звонкими голосовыми возмущениями. Прикасаться к такому неж-

ному пациенту надобно со спокойными мыслями. Точнее сказать, вообще без дурных помыслов и злости. Дети такой подход вскоре оценят и успокоятся. Это довольно трудно, но вполне применимо.

Пациенты же чуть повзрослее – сама непосредственность.

«Дяденька, а почему вы в тёмных очках, ведь в кабинете солнца нет?..».

«А я хиппую».

«А-а-а... – многозначительно протянул любопытный, так и не получив вразумительного ответа. И тут же несмело, стесняясь, добавил: – А вы мне не поможете шнурки на ботинках завязать? А то я ещё не умею».

«Отчего же не помочь, давай, завяжу, а заодно и научу...».

Другой, маленький, но уже способный шантажист, маявшийся от безделья во время массажа маминой руки, всё ёрзал и крутился на стуле, доставая всех, неустанно клянчил:

«Мам, ну купи машинку».

«Нет, не куплю».

«Ну купи».

«Сказано, нет...».

«Ну тогда я расскажу папе, что тебя чужой дядя гладил по ручке».

«Этот своего добьётся», – думал я, продолжая массировать и разрабатывать суставы после длительной иммобилизации. Мама тем временем мне тихо шепнула, что во время семейной битвы кисть повредил отец.

«Такой точно выудит себе машинку и не только. Скорей всего, не желая повтора драмы, мама-таки купит. Или наврёт пацан с три короба и сдаст папаше. Есть и третий, безнадёжный вариант – шантажировать меня. Предприниматель...». Приспосабливается многострадальный российский народ, как может и где сможет. Вот и мне пришлось научиться жить не только на зарплату.

Спекулянтom не был и никогда уже не буду. Но кормовых пациентов брать приходилось. Сертификаты и лицензии, все по правилам, святое дело, понимаешь ли, отдать дань в виде налогов заботливому государству.

Однако, чему я так и не смог научиться, так это с лёгкостью называть цену за проделанную работу. К деньгам отношусь уважительно, как к оплате за труд, но распознавать купюры – увы. Не имею возможности, затёр руки массажем,

гитарой и бытовой работой, но самое главное – нет желания. Однако наблюдать за людьми в момент расчета очень нравится.

«Вячеслав Анатольевич, а у вас сдача будет?», – иногда спрашивают пациенты.

«Не знаю, посмотрите сами», – вынимаю деньги из «заветного» выдвижного ящичка и кладу на стол.

Здесь начинается самое интересное.

Сначала зависает пауза удивления от нестандартной ситуации. Человек некоторое время заворожённо смотрит сначала на купюры, затем на меня, стоящего в стороне. Несмело протягивает руку и отсчитывает необходимую сумму. Взяв свою долю, начинает подробно рассказывать, сколько он взял и сколько осталось.

«Верю, я вам верю, – улыбаясь, уставшим голосом отвечаю им.

Однажды иностранец, пройдя курс лечения, на ломаном русском, заинтересовавшись, спросил: «Ведь вас могут обмануть?».

«Меня, конечно, обмануть легко. Но вот только Бога ведь не обманешь».

«Ес, ес», – уходя, задумчиво отвечал чужестранец.

Со многими проблемами, в которые люди даже не вникают, приходится сталкиваться человеку с ограниченными возможностями. Здоровые же воспринимают всё, как само собой разумеющееся, пренебрегая знанием и забывая, что жизнь хрупка и сегодня ты можешь быть таким, а уже завтра – безвозвратно другим. Случалось, что втихаря платили меньше или на последней процедуре, в расчётный день, просто не приходили.

«Ну и ладненько», – с двояким чувством говорил себе.

Обидно, что в стремлении поживиться люди заталкивают свою совесть под каблук и забывают о принципах. Не понимают, плутишки, что своей рукой из моего рюкзака взяли маленький камешек, но на плечи свои взвалили уже каменюку. Большая часть жизни прошла с тех пор, как со злостью закусил удила. На три периода можно разделить эти годы.

Первое время люди цокали языками и жалели беднягу. Затем восхищались упрямством и одобряли достигнутое. Последние ж годы: «Ты посмотри на него, куркуль. Всё-то у его получается, везёт же счастливицу». Обычно так думают завистники, не состоявшиеся в жизни из-за своей лени. Не раз говорил я таким: «А кто вам мешает, станьте к массажному столу да попотейте». Забывает народ, что сколько жабу ни корми, всё равно задушит. Всё материальное не стоит утраченного здоровья.

Сильных не любят. Их уличают и припирают к стенке, осуждая, стараются принизить до своего уровня. С ненавистью жалят других, но жизнь отравляют себе.

Большинство людей думают, что незрячий человек – как чурбан с ногами.

«Да им же сколько в тарелку ни клади, всё съедят. Ведь не видят же...». «Хорошо вам, когда спать ложитесь, глаза не надо закрывать, всё равно темнота...».

Как-то спросили у супруги: «Наверное, больно было Славику, когда душманы глаза выкалывали?».

Раньше часто мыл машину во дворе. Подходит мужичок и спрашивает: «Как ты это делаешь? Уже час за тобой наблюдаю, ни одного грязного пятнышка не оставляешь».

«Как, да так же, как и все, только гораздо дольше по времени». Про себя же подумал: «Лучше б не глазел, а взял тряпку, да помог».

С детства люблю я технику. Про таких говорят: «В горловину топливного бака залезет, а из выхлопной трубы вылезет».

С детсадовского возраста, сидя на коленях отца, крутил баранку трактора.

Нравилось и ухаживать за «тачкой».

Крутил, вертел свой жёлтенький «Запорожец», как хотел и когда хотел.

С научной точки зрения это называется «средство реабилитации». И ведь на самом деле помогало.

Научился самостоятельно менять смазочные материалы, фильтры, свечи аккумулятора и всякие там лампочки, релюшки и проводочки с предохранителями. Домкратил машину, менял колёса. Из старой каракулевой шубы пошил чехлы на сиденья, врезал колонки и магнитолу. Часто заходил дружок Юрец, проверял работу и терпеливо правил огрехи. Катался я за рулём по полевым дорогам. С азартом нажимал на педали, переключал скорости и давил на гашетку. Всё это лишь баловство.

Случалось так, что технические навыки находили своё применение в жизни.

Подъезжая с женой к городу по оживлённой трассе, услышал характерный стук справа и сзади. Говорю Лене: «Включай аварийку и медленно, не принимая обочины, останавливайся. Похоже, у нас колесо открутилось».

Так и есть, и не просто открутилось, уже покосилось и почти отвалилось. Стоим ни к селу, ни к городу посреди трёхполосной магистрали. На улице дует холодный ветер, предлагаю жене вернуться за руль, натянуть ручной тормоз и вклю-

чить первую передачу. Придерживаясь за кузов машины, чтобы не угодить под летящие на скорости автомобили, берусь за работу. Вынимаю аварийный знак и закрепляю его на проезжей части. Устанавливаю домкрат и приподнимаю «Запорожец». Подталкиваю баллон на место и пытаюсь открутить крепёжные гайки. Обычно на замену уходило до 20 минут. (Надо признать, что если водитель в этот момент, от доброты душевной, брался помогать, то время замены увеличивалось минут так на десять). Однако в этот раз не всё так просто. Баллонный ключ прокручивается вместе со шпильками, не позволяя открутиться крепёжным гайкам.

Говорю Елене: «Самим не справиться, надо ехать за помощью...». Мобильной связи тогда не было. Жена ушла на остановку, к телефону. Я догадывался, что всё напрасно. Рассыпаться в обещаниях за праздничным столом, прилюдно да под хмельком, могут многие. Однако на деле ж помогают лишь единицы, и это нормально. Да и помощь уже не понадобится. Вышедшее из строя колесо удалось перехитрить и заменить на запаску.

Собрал инструменты, открыл форточки и включил музыку погромче. Стал возле машины и прислушался, когда стихнет шум пробегающих колёс. Дождавшись просвета, быстрым шагом пошёл в сторону обочины. Осторожно ощупал ногами, нет ли обрыва. Удовлетворённый обследованной местностью, снова выждав паузу между пробегающими авто, вернулся на звучащую музыку. Не гася аварийку, выключил магнитолу, вывернул руль вправо и стал ждать затишья. Можно было, конечно, завести движок и съехать, но побоялся, что не успею и подставлю бочину летящей сзади машине.

Дождавшись паузы, столкнул свой автомобиль на обочину. Лена вернулась, как и ожидалось, ни с чем, но движок не заводился, умер аккумулятор. Вытолкали мы машину на асфальт, жена села за руль, а я упёрся, и завели с пихстартера. Толкать автомобиль приходилось довольно часто, особенно зимой. Выскочишь на улицу, подтолкнёшь и на ходу прыгнешь в салон. Окружающие даже и не подозревают, что человек не видит.

Наше государство лихо адаптирует людей с ограниченными возможностями и вталкивает их в категорию «неограниченных возможностей». Причём с минимальными кадровыми и финансовыми затратами. Как доказательство тому – зимой 2017-го, разрабатывая индивидуальную программу реабилитации, краевая медико-социальная экспертиза, ошарашенно лицезрея активную жизненную позицию контуженного, а главное, полное отсутствие больничных койко-дней, постановила:

«Климов В.А. в санаторно-курортном лечении не нуждается...».

Обид уже нет, осталась лишь горечь. Интеллект и мудрость – понятия не равновеликие и отличаются, как земля и небо. Бездушные столичные чины принимают себеподобный браконьерский закон. «Человекомашины», покорно следуя заданной программе, внедряют предписание в жизнь.

Кто-то красиво сказал: «Волк, конечно, слабее льва и тигра, но в цирке он не выступает». Многие может человек, даже без зрения, было бы желание.

Затеяли мы как-то ремонт. Закупили обои, люстру и выключатели.

Все разбежались по своим делам, я остался дома один. Решил посмотреть-пощупать шестирожковую люстру.

Медленно, не торопясь, собрал конструкцию на полу.

Закончилось тем, что к приходу семьи люстра висела, слегка покосившись, но горела и работала от нового выключателя. О том, что разрядами тока пару раз вышибло искры из глаз, всё ж умолчал.

Для написания этих страниц пришлось самостоятельно (без отрыва от производства) овладеть компьютерной грамотой, загнав при этом до полной остановки три кассетных диктофона и нетбук.

Все эти строки – не о себе, а о сотнях тысяч людей, которых считают потерянными и пропавшими.

Люди подстраиваются под окружающий мир, приспосабливаются к определённым жизненным условиям.

Человек, утративший зрение, в основном, ориентируясь по звукам, постепенно, день ото дня, превращает своё тело в одно большое «ухо» и «глаз» одновременно. Вбирая окружающие разношёрстные звуковые волны, разделяет их на жизненно важные и второстепенные. Объёмное, глухое эхо говорит о замкнутом пространстве. Отражённый шум – о наличии стены, преграды или объекта.

Тело воспринимает любое прикосновение – от лёгкого ветерка до поверхности земли под стопами.

Мозг принятую информацию анализирует и делает вывод.

Держать внимание в повышенной бытовой готовности или, как говорят, «находиться здесь и сейчас» в повседневной жизни довольно трудно. От того-то конфузы случаются часто.

Однажды приехали в гости к друзьям.

Лена, глядя на мои носки, спрашивает: «Где ты их нашёл?».

«Боялся опоздать, вот и схватил, что под руку попало». Как оказалось, один носок белого цвета, другой чёрный. Да и ещё с прорехой на пятке.

Пару раз, в спешке, из дома выходил в туфлях разных моделей и цвета.

Огромную роль играет обоняние, которое у меня так и не восстановилось. В организме всё взаимосвязано, «тупое» обоняние гасит вкусовые рецепторы. Несколько раз чистил зубы косметическим кремом. Проблема в невнимательности и схожести упаковок.

Недавно кофе-машину, по рассеянности, вместо кофейных бобов заправил фасолью. Вовремя услышал неправильный звук при засыпке семян.

Воскресным вечерком пришёл сослуживец с супругой. Коньячок постепенно исыяк. Гена настаивал: «Слава, давай, гулять так гулять...». Жёны думали иначе.

«Брат, лучше б ты не слышал, чем ты не видишь...», – грустным голосом шутиливо произнёс он. Вскоре «контролёры» ненадолго отлучились.

«Ну что, давай...».

«А, давай. Ты же и мёртвого ушатаешь...».

Гена быстро разливает на двоих.

«Ты себе больше налил. Я по булькам слышу...».

Дружок закричал, засопел, как старый самовар, размышляя над возникшей нестандартной ситуацией. Прекрасно понимая, что для обмозговывания времени нет, мгновенье спустя демонстративно грякнув о стол посудиною, поставил предо мной два стопаря и, набычившись, произнёс: «Смотри...».

Недолго думая, опускаю указательный палец до самого дна поочерёдно в обе рюмки.

«Ну, что?».

«Извиняйте, освещение здесь плоховатое, сразу не рассмотрел...».

И так раза три, покуда не попались...

Утром после веселой вечеринки нетренированный организм с трудом переносил симптом второго дня. На кухонном столе нахожу упаковку с соком.

«О, какое счастье, и главное, вовремя», – откручивая крышку, думал я. Пока все спят, начинаю пить прямо с широкого ствола – искать стакан, гремя посудой, не было сил. Делая глоток за глотком, думаю: «Густой, с мякотью, мой любимый. Наверное, яблочный».

На пятом глотке доходит, что вкус какой-то химический. Оказалось, что напился концентрированного моющего средства для посуды. Всё обошлось, даже избежал расстройств желудка.

Я слышал, что желудок акулы переваривает металлическую подкову, солдатский же желудок переварит акулу... Не знаю, как с вышесказанным, но жидкий металл в виде ртути переварить довелось.

По осени занемог. Укутавшись в свой любимый махровый халат, пожаловал к жене на кухню.

«Налей-ка, пожалуйста, горяченького чайку с малиновым вареньем».

«Да ты заболел! – притронувшись рукой ко лбу, определила Елена. – Пей чай и меряй температуру».

Сунув градусник мне под мышку, вышла из кухни. Дождавшись, когда шаги удалились, я быстро вынул градусник из-под халата и, стараясь не звенеть, стал размешивать им горячий чай. Нагнав искусственно температуру, вернул градусник в исходное положение. Вошла жена.

«Пьёшь?».

«Пью...».

«Доставай градусник, посмотрим температуру...».

Осторожно передал из рук в руки хрупкий стеклянный прибор. Помешивая ложкой горячий чаёк со сладким ароматным вареньем, пил не спеша и, предвкушая сенсацию, ждал результата. В воздухе повисла затяжная пауза.

«Ну и что мы там застыли? Высокая температура, что ли?».

Пытаясь сдержать улыбку, допил и поставил пустую чашку на стол. Пауза прервалась удивлённо-испуганным голосом: «А где ртуть?».

«Какая ртуть?». «Ну, градусник ведь пустой! Куда делась из него ртуть?».

«Я, наверное этот яд выпил вместе с малинкой...», – улыбаясь, по-детски признался я. «Да ты с ума сошёл!!! Срочно вызываем скорую!».

Продолжая кутаться в халат, показывая, что на этом разговор окончен, похихивая над бестолковой шуткой, потопал отдыхать. И вновь благодаря крепкому организму всё обошлось, даже без проявления симптомов отравления.

Довелось мне по жизни столкнуться с ещё одной категорией людей. Гораздо страшнее завистников, мелких воришек и выбивающих ногой костыли. Эти грамотеи вышибают жизненную почву из-под ног.

Журналисты, использующие тяжёлые судьбы как человекоматериал для карьерного роста и повышения благосостояния.

Пишутся газетные статьи, книги, снимаются фильмы. Но мало кто беспокоится о том, что потом бывает с человеком, к которому влезли немывыми лаптями в истерзанную душу.

Используя в своих интересах горячие головы бывших воинов, подставляют несмело, но настойчиво диктофончик и просят рассказать о войне. Не забыв перед уходом подсунуть листок и карандаш, указывая холёным пальчиком, куда надо поставить подпись: «Разрешаю и претензий не имею».

Пройдёт время, ребята остынут. Чего не скажешь в горячке да и, возможно, под градусом. Однако поздно, подпись стоит, а писарчук при деньгах да при славе. Судьбы людей для таких – всего лишь временный товар, который можно преподнести яркой картинкой и подороже продать.

Как моря не бывает без берегов, так и войны без крови.

Обезбашенных везде хватает. Нельзя окрашивать всех и всё в один цвет.

Дёрнуло меня послушать аудио-книгу про афганскую войну. Обычно стараюсь обойти эту тематику, а тут – дай, думаю, послушаю, как описывают наши события. Лучше бы я этого не делал. Не один раз хотелось врезать – за наглое враньё – по беспринципной продажной морде автора книги, не нюхавшего пороха и не выдавшего в глаза Афганистана, живущего за рубежом. На каждый его сюжет у меня всплывал в памяти контраргумент.

Один из таких, о детях (какая страна, такое и детство).

В Афганистане девочки на улицах встречаются редко, прячутся во дворах. Мальчишки торгуют и воруют с одинаковой лёгкостью. Агрессивно-активные, приставучие и нагловатые, как мухи, а от мух хотелось порой вешаться.

Сторожевая застава находилась на возвышенности. У подножия, как обычно, – сверкающая жилка проточной воды с присоседившимся к живительной влаге жильём, огородами и тенистой зеленью. Отличалась эта советская точка от всех прочих разве что своим расположением – на месте бывшей английской крепости, отчего и получила одноимённое название «Крепость».

От былой неприступности, правда, оставался здесь лишь холм и слизанный временем защитный земляной ров. Давно не выдавшие заградительной воды его стенки просматривались вокруг Крепости. Больше века миновало с тех времён, когда на смену примитивным приспособлениям пришли минно-заградительные укрепления. С одной из сторон к заставе примкнул пустырь.

Открытую поверхность земли ребяташки использовали для запуска воздушных змеев. Особую радость им приносил ветер с равнины. На длинных прочных нитях дети удерживали над заставой разноцветные игрушки. Опускали их настолько низко, что легко различались цвета и рисунки. Всё бы ничего, но доставали нас

шелестящий звук над головой и поднуркивающие пацанячьи насмешки. Пару раз пальнули из автомата по змею, дыр наковыряли, но на его летательных способностях это не отразилось.

Но мы были б не мы, если б позволили безнаказанно играть на своих нервах, не ответив взаимностью. Вычислили, что один из самых приставучих, лет тринадцати от роду, практически каждое утро, оседлав ишака, отправляется в неизвестном направлении и, спустя некоторое время, тем же путем возвращается. Нам оставалось набраться терпения и ждать подходящего случая.

Зорька, едва заметно смещая точку рассвета по часовой стрелке, разная по своей красоте, не похожая на вчерашнюю и наверняка на завтрашнюю, засияла над сопками за дремавшим селением. Солнце встало, как всегда, без команды «подъем», в ровно назначенное им самим время, согревая землю мягким и ласковым светом. Из узкого проулочка выехал на пыльную дорогу давно подстерегаемый нами объект.

Дождавшись, когда он скроется из виду, вдвоем быстро спустились с сопки на временно пустующую окраину. И также быстро установили сигнальную ракетницу. Вскоре бача возвращался тем же путем и на том же транспортном средстве. Он ехал неторопливым шагом, скучно глаза по сторонам, совершенно не подозревая, что развлечение ему уже обеспечена. Когда до металлической растяжки, тонкой струной вытянувшейся поперёк пыльной дороги, оставалось совсем немного, мы стали всячески привлекать его внимание. Это было нетрудно, ведь свистящих и улюлюкающих шурави, да ещё поутру, увидишь нечасто.

Вдруг с пронзительным свистом, выбрасывая вверх одну за другой осветительные белые ракетницы, на обочине сработала безобидная (при определённых условиях) сигнальная ловушка. Ослик рванул с места в галоп, да так стремительно, словно ему под хвост сунули пушистый кактус. Пацаненок, подавшись назад, задрал ноги, ловко извернулся и, вовремя схватившись за гриву, с трудом удержался на спине скакуна. Отмахав метров двадцать скаженным галопом, ишачок, неожиданно даже для нас, упершись в землю четырьмя копытами и одновременно наклонив голову вперед, пройдя юзом, стал как вкопанный.

Жокей, продемонстрировав одинарный кульбит, нырнул в пыльную перину. Ослик, вытянувшись всеми мышцами своего небольшого тела, стоял, застыв, словно памятник, широко расставив прямые ноги, с высоко задранной головой. На некоторое время все замерло, лишь желтоватые клубы взбудораженной пыли медленно оседали на почву. Секунды спустя сменивший яркую расцветку на схожую с нашей – приглушенно-песочного тона – бача зашевелился. Затем, резко вскочив на ноги, стал активно, как это принято у местных, и возмущенно размахивать руками. Минут пятнадцать ему ещё понадобилось, чтобы, подталкивая в зад, сдвинуть с места упрямого трудягу.

...В один из вечеров снова над головами солдат заплясали яркие пятна с шелестящими хвостами. Спустя некоторое время в низине раздался одиночный

раскатистый взрыв. Воздушный змей, теряя силу, волоча тонкую чёрную нить, медленно оседая, пролетел и скрылся в «зелёнке».

Средь минного поля в агонии катался по земле мальчик. Двумя руками он сжимал ногу ниже колена и в шоке смотрел и не верил глазам. Взрывом ему оторвало стопу. Местные знали, что за старой траншеей – запретная зона, и из этого никто секрета не делал. Увлечённый игрой, мальчик не заметил, что преодолел опасную черту. Командир с побледневшим лицом напряжённо думал. Взглянув на бойцов, подозвал уроженца тундры, сына охотника.

Так у Виктора было записано в анкете личного дела.

«Отец – охотник, мать – домохозяйка». «Охотник, это что, профессия?», – спрашивали у его. «Ну да, – смущённо, с лёгкой улыбкой на белокожем лице, прищурив узкий глаз, отвечал он и добавлял: – Зимой охотник, а летом рыбак».

Невысокий солдат, чуть сгорбившись, медленно, шаг за шагом двигаясь по минному полю, приближался к афганскому мальчику.

Держа в руке длинный сапёрный щуп, он осторожно осматривал землю. Затем, прежде чем поставить ногу, рисовал овал, чтобы по этим следам вернуться назад. Подойдя к раненому, аккуратно взял его на руки и по оставленным меткам вынес из опасной зоны. Спустя месяц героя наградили медалью «За Отвагу».

Следующий сомнительный книжный сюжет коснулся вечного противостояния и взаимодействия противоположных полов.

Безусловно, за десятилетнее пребывание советских войск в Афганистане не обошлось без мародёрства и насилия, что пресекалось двухсторонним взаимодействием особых отделов. На войну ведь забирают не по духовно-нравственному принципу, а по состоянию здоровья. Отморозки встречаются везде. Достаточно обратить внимание на льющийся и сегодня с экранов ТВ и газетных полос мутный поток новостей. В парк или в лес детей без присмотра не отпустишь.

На войне, где кровь, оружие и смерть, эта грань становится ещё тоньше. Однако контролируемые населённые пункты, как в Средневековье, не грабили и не выжигали.

Настороженное отношение афганцев к иноземцам формировалось веками. Войны с колонизаторами, междоусобные распри изматывали государство. Народ устал от бесконечных войн, и ему хотелось спокойствия. Проведя Ханабатскую операцию, мы, изрядно ошипанные, но непобеждённые, возвращались в дивизию. Оставалось километров пять-шесть пути.

Сбросив в десантный отдел давящие на уставшее тело надоевшие каски и бронежилеты, молча сидели на броне. Покорно приютившийся на коленях чёрный автомат побрякивал блестящими карабинами ремня.

Вечерело, в остывающем тёплом воздухе висел бархатистый настоявшийся пряный запах. Занималась заря, окрашивая местность в розово-жёлтые тона.

Во всём просматривался местный колорит. Шустро обогнав колонну, прошмыгнула белая легковушка. Упираясь тюрбаном в настежь открытую крышку, в багажнике сидел преклонных лет мужчина, крепко сжимая двумя руками живого барана, задняя часть которого болталась за бортом. Подпрыгивая на неровностях, курдюк колыхался в разные стороны, то и дело свисая и прикрывая большие чёрные буквы Toyota.

Грузовые «бурбухайки», пестрея яркими наклейками на лобовых стёклах, объезжая ямы на узко асфальтированной дороге, гремели подвешенными на цепях к переднему бамперу набалдашниками. Население испытывало особую любовь к таким вот цветастым бирюлькам и звенящим висюлькам.

Головная восьмиколёсная машина степенно, не поднимая пыли, маневрировала между выбоинами и иногда проскакивающими автомобилями. Изредка под вездеходным протектором хрустела щебёнистая обочина.

Повернувшись спиной к яркому остывающему закату, безынтересно наблюдал за скучно уплывающей окраиной Кундуза. В голове, подобно убегающим картинкам, вяло текли мысли. На боевые, в ожидании нового, уходили в приподнятом настроении. В предвкушении бани, чистой одежды и белой постели в расположении полка тоже возвращались с удовольствием.

«Не испортила б предстоящую баньку погода. Как в прошлый раз...», – всматриваясь в чистую высь, думал я. С серого безоблачного неба закружилась в тот день лёгкая «вьюга». Пыль и песок, подгоняемые поднявшимся ветром, слались над землёй. Сильный сухой ветер – «афганец» – затянул монотонную, тягучую песню. Заунывный не то вой, не то плач заставлял сердце непроизвольно сжиматься от тоски. Дневной свет постепенно померк, и пылевая метель накрыла всё живое и неживое... В такую погоду лучше на купание даже время не тратить. Выйдешь на жёлтую метелицу и, не дойдя до расположения, можно сразу возвращаться на повторную мойку...

Неожиданно перед уставшим задумчивым взором в непривычной двухметровой близости появилась Она... Во всём бежевом, возникла беззащитным сияющим цветком на минном поле.

Светлые сандалии осторожно ступали по неровной обочине. Сари и шарф-дупатта, покрывающий голову и грудь, делали девушку стройной, грациозной и женственной. Горделиво, но скромно, она бросала вызов местным устоям.

На протяжении веков женщины-афганки носили традиционную паранджу. Слегка наклонив голову вперёд, она задумчиво смотрела вниз перед собою. Тонкие пальцы правой руки придерживали стопку голубых школьных тетрадей, прижатых левой рукой к талии.

Почувствовав взгляд, подняла чёрные глаза, и встреча состоялась... Моё сердце вдруг дрогнуло и пробудилось от спячки, словно весенний первоцвет после долгой и холодной зимы. По всему телу, наполняя каждую клеточку приятной рябью, пробежала волна давно забытых тонких ощущений.

Расстояние между нами неумолимо увеличивалось, но мы, как примагниченные, продолжали смотреть друг другу в глаза. Затем я быстрым движением руки стянул выгоревшую на солнце кепку и прикрыл правую половину лица. Так всегда поступали афганки, заведя чужестранцев.

По улицам города некоторые, особо смелые, ходили, отбросив чадру за голову, как капюшон. Заметив нас, прикрывали лицо краем накидки. Женское же любопытство спрятать было нельзя. Сверкающий зоркий глаз всегда осторожно выглядывал. Примерно так смотрит испуганная лошадь, впервые попавшая на шумную городскую улицу из спокойного села.

Я стал шуточно выглядывать из-за «укрытия» – кепки. Молодое светлокжее лицо, сверкнув полоской белых зубов, засветилось в ответ мягкой улыбкой. Очаровательный лик черноглазой восточной девушки, последний женский образ, зримый в моей жизни, постепенно растворялся и таял, куда не скрылся совсем за надвигающейся броней.

Дни складывались в месяцы, месяцы в года. Всё больше отдаляло меня время от окружающего разноцветья. Эстетическое наслаждение объёмной картинкой, будь то восхитительные зори или бегущие по нежно-голубому небу лохматые облачка, распустившийся первый цветок или красивое лицо, приносит нам радость и наполняет положительной энергией. Не существует таких слов, позволяющих объяснить незрячему с детства человеку, что такое свет... Зрительное восприятие, обычное для людей, – как это, к сожалению, всегда в жизни и случается, – в полной мере оценивается лишь при его отсутствии.

Повседневная темнота глушила, давила своей монотонностью, к которой нельзя привыкнуть, можно только свыкнуться. Принять жизнь такой, какая она есть...

А какая она, с чем её – эту темноту – можно сравнить? Поздняя осень. На улице – крошечная хмарь, на землю опустился густой туман. Ветер лепит в лицо мокрым снегом вперемешку с дождём. Под ногами слякоть, стопы давно промокли и озябли, неохота, но идти надо... То есть, жиззззззнь...

Кажется, нет этому конца и края. Но вдруг солнце рвёт мрачные тучи грусти, согревая своим теплом и светом тело и душу. Солнечным лучиком ворвалась в нашу жизнь дочка – Настенька. Сердобольные люди говорят с сожалением: «Жаль, что не видишь свою кровиночку».

«Видел, – пряча за натянутой пластмассовой улыбкой безжалостно рвущую сердце самую тяжёлую внутреннюю боль, отвечал им. – До своих двадцати лет ежедневно лицезрел её в зеркале».

Даже цвет глаз знаю и запомнил на всю оставшуюся жизнь. Несмотря на то, что у нас с супругой – тёмные, у доченьки – цвета афганского неба, серо-голубые...

«Ну да, ну да, вы очень похожи...».

Спасибо жене...

Есть такие люди, которые умеют прятать свои проблемы и грусть. На людях выглядят радостными и беззаботными. Поэтому и тянутся к таким окружающие, думая, что счастливее и удачливее человека нет.

Иной раз хочется Лене сказать самое главное, но не выходит, ни на словах, ни в буквах на бумаге. Трудное это дело. Не получается высказать всё, что на сердце. Оттого, что чувство выходит далеко за пределы повседневных слов. Да и нет таких слов, узкие какие-то они, поверхностные, пылью поросли, привычным мхом.

Не струсить в экстремальной ситуации – это поступок.

Но ежедневно преодолевать трудности, при этом терпеливо выслушивать психологические взрывы, как отголоски прошлого, посвятив свою жизнь человеку, изувеченному физически и душевно войной – это подвиг...

Прохладным осенним днём забирали жену из городского родильного дома. С нежностью и осторожно вносил я в квартиру спящую на руках дочечку.

В приятных заботах летели дни и года. Пока мама занималась домашними делами, папе пришлось научиться играть в куклы, выдумывать и рассказывать сказки, превратившись в лошадь, возить маленькую всадницу на спине.

«Дочечка, – говорил конь наезднице, – управляй внимательно, если я ударюсь головой, слетишь и ты. После таких катаний коня отправят на бойню».

Всадница ёрзала и пищала от восторга, с удвоенной силой пришпоривала коня и тянула наброшенную на шею уздечку в виде пояса от махрового халата. Затем лёгким весенним ветерком прыгивала и, убегая, звонким голосом сообщала: «Теперь играем в прятки!».

...Не успел человек коня потерять набитые копытоколени, как уже слышался приглушённый любимый голос: «Папа! Иди ищи, я спряталась в шкафу...».

В воскресные дни сжимал маленькую ручку в ладони, и мы медленным шагом шли через двор на качели. Ребёночек думал, что её ведёт отец, но на самом-то деле всё было наоборот.

Завершив уборку в квартире, приходила мама, узнать, как обстоят у нас дела. «Всё хорошо!», – то поднимаясь, то опускаясь звучал звонкий голос. На что и рассчитывали родители: пока качели в движении, дитя будет на месте.

Удивительная штука – человеческая память. Стоит лишь зацепиться, на первый взгляд, за случайную, незначительную мелочь, и разум, словно клубок в детской сказке, начнёт, сам собой раскручиваясь, уводить тебя в далёкое прошлое. Если добавить к этому хорошему зрительно-фотографическую память, то и вовсе получается кино о прошлом.

...Тёплый тихий вечерний воздух был переполнен пряным запахом чужой страны. Малолюдный ресторанчик-веранда, так же, как и всё вокруг, настраивал на пассивный отдых. В ласково шелестящей листве весело заливались разнокалиберные птицы. Вездесущие нахальные воробьи, чирикали и вели себя совсем уж по-нашенски. Не раздражая слуха, доносилась иностранная, вперемешку с русской, разговорная речь. Мы сидели семьёй за столиком, уютно расположенным в углу, у перил, граничащих с насыщенной экзотическими ароматами местной растительностью. Спокойно беседовали и не торопясь пили чай с восточными сладостями. Душу и слух ласкал прибор Средиземного моря, одна из главных причин моей любви к побережью. Дочечка принесла мороженое и аккуратно подала в руку шершавый острый вафельный рожок, в двух словах обрисовав его содержимое из шоколадно-сливочных шариков. Во мне что-то дрогнуло, вокруг всё замерло и пропало.

Афганистан, кальянная с чужим отталкивающим запахом, притаившаяся на окраине провинциального города. Нас также трое, но уже солдат с оружием и в униформе. Сидящий полубоком хозяин безалкогольного заведения, неприступный бай в тёмно-синей одежде и папахе, правая рука которого опускала и поднимала длинный рычаг аппарата с выплёвывающимися коричневатоблестящими шариками.

...Я ел и вспоминал, вспоминал и ел отчего-то уже не такое сладкое и вкусное лакомство. Анастасия, предвидя мой восторг (жена же была удивлена моим равнодушием к мороженому), принесла добавку. После пятой (нервной) порции я, улыбнувшись, сдался и сказал, что больше не могу. Про себя же добавил: «Не могу, ни есть, ни вспоминать...».

Ранним утром несмело засвиставшие птицы сообщили о начале отпускного дня. В настезь открытую балконную дверь ласковый утренний ветерок приносил запахи моря и разноцветья. Мягко и убаюкивающе, накапливая секунды в дни и года, тикали часы на стене. Наконец-то торопиться было некуда. Неожиданно, разносясь эхом над сонным побережьем, зазвучал голос муэдзина. Слегка хриловато-прерывистый, призывал к утренней молитве. Моё тело прошла нервная волна смешанных чувств. Больше десятилетия миновало с тех пор, как я впервые услышал его. В то далёкое утро голос плыл эхом над приютившимся вдоль горной реки духовским кишлаком и обрывистыми дремлющими скалами. Отбросив в сторону шелковистую простыню, тихо ступая по ковровому покрытию, вышел на балкон. Стараясь не разбудить спящих девчат, потянул стеклянную дверь. Двигаясь на колёсиках, та без труда подалась и, дойдя до упора, также бесшумно остановилась. Выдерживая паузы, голос по-прежнему разносился над мирной страной. Я сидел на присядках, упершись босыми стопами в

холодный кафель, прислонившись спиной и затылком к тонированному стеклу лицевой стены бунгало. По левую руку стоял плетённый стул и столик, на котором ожидал утренней гимнастики плечевой эспандер. Словно со мной соглашаясь в желании не беспокоить отдыхающих, приятно шушукалась пальмовая рощица. Мощные шероховато-колючие стволы, обступая прохладный бассейн, заботливо накрывали тенью раскидистых крон временно пустующий маленький пляж. Свисавшие длинные языки упругих волнистых листьев тихо шелестели, прикасаясь к металлу фигурных перил.

****

Молитва давно уж стихла, а я всё продолжал сидеть недвижимо, прислонившись к гладкому, с приятной прохладцей стеклу, слегка отбросив назад голову с не по годам посеребрёнными пеплом войны висками, как о том красиво пишут в книжках.

В ушах звучал то ли вой просквозившего афганскую даль горячего азиатского ветра, то ли вой моей души. Душа – что же это такое, и где твоя обитель? И ногтем её не сковырнуть – для пробы, и в сундук не запереть...

Столько лет миновало, у многих уже дети достигли возраста, когда их отцы воевали. А мы, каждый первый вернувшийся из-за речки Пяндж, остаёмся по-прежнему и навсегда «русскими афганцами»...

В день ранения ежегодно накрывала грусть. Теперь я понимал, почему в праздник Победы плачут отвоевавшие ветераны. Всегда старался обойти воспоминания о прошлом, но в один из поздних вечеров появилась необходимость высказаться. Настюша уже спала. Тихим голосом, словно сам с собой, слово за слово, дошёл до момента взрыва. Вдруг из детской спальни раздался дочкин крик: «Папа упал... Папа упал!». Мы с женой бросились к кровати, но девочка уже улеглась и продолжала спать.

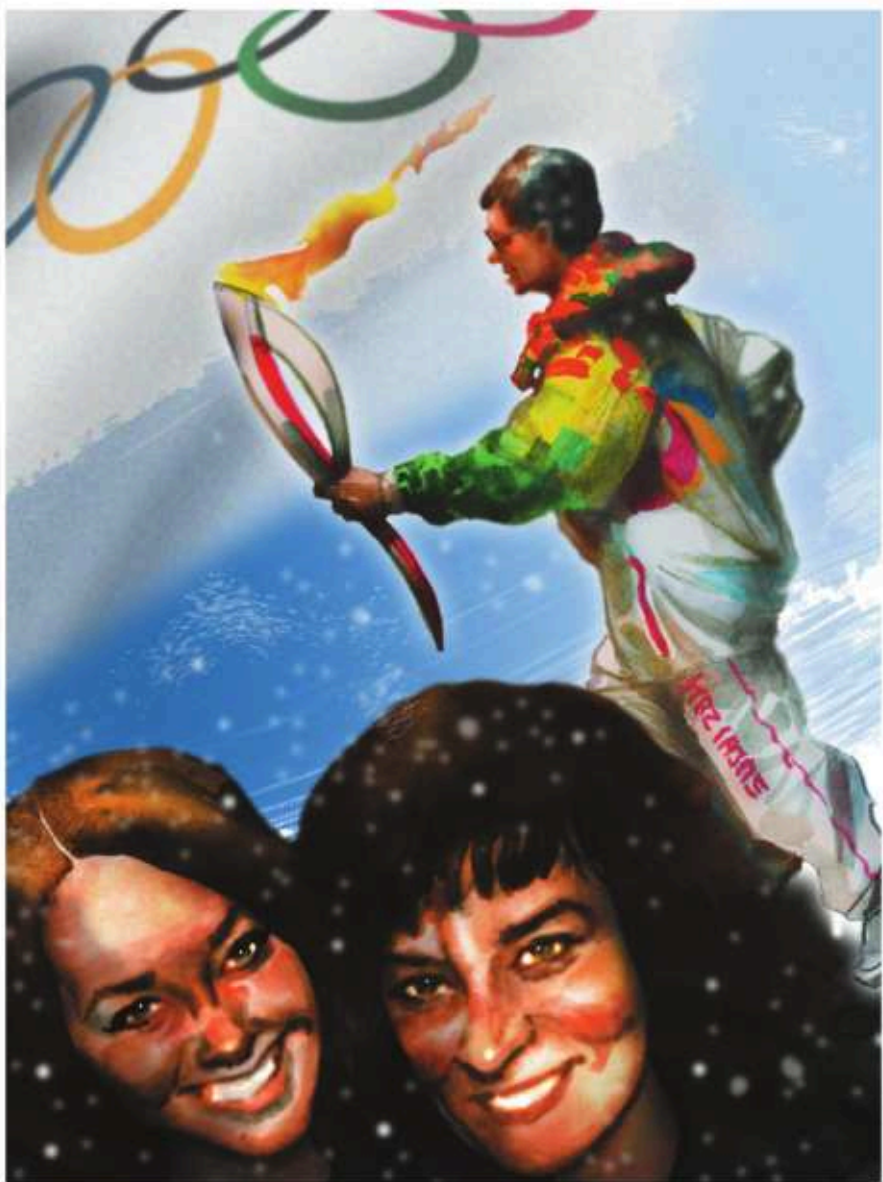
С этого дня, чтобы не ранить детскую душу, решил раз и навсегда, насколько это возможно, уйти от гнетущих воспоминаний.

Попытаться заставить себя не думать о войне путём замены мысли одной на другую – это возможно. Но уйти от накрывающей тоски в день ранения, приходящей незванно, отодвинуть её – никак.

«Папа, ты отчего сегодня такой хмурый?».

«Понимаешь, доченька... – тяжело выдохнув, на мгновение призадумываюсь, как объяснить причину, не принося боль ребёнку. – В этот день, много лет назад, очень далеко отсюда я потерял своё здоровье...».

«Так давай купим билет на автобус, поедем туда, где ты его потерял, и найдём! – с радостью, что проблему можно разрешить, восклицает Настя и тут же добав-

ляет: – Ура! Я придумала! Я напишу письмо Деду Морозу, и он принесёт нам его, где б оно ни находилось!».

«Ах ты мой сладкий Апельсиновый Сок! – говорю, усадив на руки юную спасительницу. – Знала б ты, как Снегурочка заранее выведывает пожелания и намаывает километры по детским магазинам в поисках Новогоднего Чуда...».

Вечером, вернувшись с работы, сидел я, упершись локтями в колени, повесив крылья и опустив голову. От физической перегрузки болели не только мышцы, но и выкручивало кости. Чуть слышно, осторожно притопали маленькие ножки. Пальчики нежно прикоснулись к плечу.

«Папочка, не волнуйся, всё будет у тебя хорошо», – детским голоском, но как-то по-взрослому сказала дочурка.

Устало улыбнувшись, я выпрямил спину, взял аккуратно лёгкую ручку, поцеловал и, обхватив тельце, свалил на мягкий диван. Девчушка визжала от щекотки и радости.

Задыхаясь от запаха её мягких пепельных волосиков, чуял в птичьей теплоте пока ещё беззащитного детского тельца открытую доверчивость, ради которой я живу. Забавляясь с ребёнком, думал: «Всё сделаю, моя милая, чтобы твои слова сбылись».

Зимой 2014-го Россия с размахом, по-русски – гулять, так гулять – проводила Олимпийские игры. Эстафета Олимпийского огня проходила через город Ставрополь. Холодный ветер подгонял редкие снежинки. По чисто убранному от снега асфальту бежалось легко.

Громко играла музыка, на обочинах толпился праздный народ (где-то там, в людской гуще, стояла с видеокамерой наша жена и мама. Не заболела б, ожидая на холодном ветру...). Впереди и позади ехали разукрашенные международными символами автомобили. Охрана в синих спортивных костюмах взяла факелосцев в «коробочку». Над головой гудела газовая горелка эстафетного огня.

Плечо в плечо мы бежали в паре с Анастасией. Маршрут проходил по центральной улице города, мимо Вечного огня, обелиска Славы погибшим воинам в Великой Отечественной войне.

Правой рукой я сжимал длинную металлическую ручку факела. 17-летняя доченька крепко держалась чуть ниже. Снежинки всё летели и летели, щипал за щёки мороз. Факел притягивая восторженные взгляды ликующих гостей и жителей города, выбрасывал вверх яркий сноп Олимпийского огня...

...И вновь, вновь память моя: «Над жаркими камнями сухого русла, как душа умершей реки, летел ветер. Такой же жаркий, как камни, но живой и как будто даже свежий в своем беспокойном движении летел ветер и покачивал, как лод-

ку, на своей тугой спине орла. Орла, словно вырезанного из тяжелой темной бумаги на вечно синем небе, очень похожего на царский герб. Сильный, вольный, спокойный, царственный. И прохладный...

Что было тогда – случайность, предупреждение или упрёк, так и останется тайной. Одно я понял точно – человеческое счастье бессмертно...

И каждый из нас – творец и кузнец своего счастья...

P.S. Описанные в книге события и имена являются подлинными. Низкий поклон – родителям, жёнам и детям участников боевых действий. А также всем людям, мыслью, словом и делом помогавшим мне на жизненном пути.

С уважением, русский солдат Вячеслав Климов.

г. Ставрополь
2016-18 гг.

Незримые потоки боли

Воспоминания о поэте Викторе Казакове

Жили-были два друга... И всё тут. На этом правильная литературная речь выдохлась. Далее следует бытовое повествование, а точнее, отсебятина...

Два друга, или дышло да подруга, ни дать ни взять, всё так и было, лишь иногда своенравная жизнь самовольно их меняла ролями... Казаков – высок, статен, длинный волос, завязанный в хвост... Одет стильно, со вкусом. Достаточно мимолётного взгляда, чтобы точнёхонько вычислить – степенно шагомера, да в белом костюме, вальяжно прогуливаясь, дышит воздухом фронт из поэтов, художников или музыкантов. И он на самом деле был известным поэтом и покамест неизвестным художником. Ещё он мог быть много кем, но при одном условии: если ему это интересно и, главное, нравится. К увлечению он относился с заинтересованностью, а увлечения отвечали ему взаимностью.

Климов – невысокого роста, спортивного телосложения, подкаченный или, как говорят, поджарый. Красивый заморский загар с лёгким малиновым оттенком, модные, неизменно тёмные очки в форме капель (ныне называемые «авиаторы»). Предпочитает строгие брюки с безукоризненными стрелками и сорочки с коротким рукавом. Судя по слегка раскованной и быстрой походке, определялся как энергичный, целеустремлённый человек. Костюм надевал лишь единожды в год, для выступления со сцены в День вывода советских войск из Афганистана.

Оба друга – уроженцы Ставрополя. Первый, а значит, Виктор – коренной житель города Ставрополя. Второй, а значит, Вячеслав, стартанул с Кубани, с того небольшого отрезка, стремительно приходящего из КЧР и убегающего в Краснодарье.

Им всегда было комфортно вдвоём – пребывать в тишине и просто молчать (как говорится, полбеда, когда поговорить не о чём, однако вовсе беда, когда и помолчать не о чём). Легко оттого, что не перед кем было пыжиться и выжимать из себя знаки приличия. В эти нечастые минуты, отбросив маски (которые так хотело видеть и требовало носить большинство собеседников), они были настоящими. Так сказать, на нейтральной полосе, в кабинете массажа первой городской клинической поликлиники, в народе называемой «студенческая»,

они встречались довольно часто. И не оттого, что Виктор был студентом (хотя в шутку Вячеслав так его иногда называл), а потому, что тот по прописке принадлежал к данному медицинскому учреждению. Гость сидел на стуле у двери, между ширмой и белоснежной раковиной (массажист всегда шибко ругался на вваливающихся без бахил в чисто вымытый кабинет).

Пауза молчания – словно равнинная река – текла свободно и не суетливо, заполняя помещение прозрачностью понимания, без мути смущения и фальши. Они не стремились заполнить возникшую передышку ради уважения или приличия. В эти короткие минуты они просто были, и всё тут. Визитёр задумчивое безмолвие нарушал чаще – то коротким вопросом, а иногда просто размышляя вслух.

Рассматривая антисептическое средство для мытья рук, которое в свободной продаже не сыскать, словно невзначай спросил: «А ты свои вещи складываешь?». Позволяя отдохнуть уставшему телу (естественно, с одобрения гостя), лежащий на кушетке собеседник, забросив руки за голову, слегка раздосадованно ответил: «Складываю, и вовсе не оттого, что прямо такой правильный. Жизнь научила: возьми там, где положил. И без того зависим от окружающих дальше некуда, аж тошнит...».

Климов, во время прохождения срочной службы в республике Афганистан, в свои неполные двадцать лет получил тяжёлое минно-взрывное ранение в голову. И, как последствие, остался навсегда в полной темноте. На бестактно поставленный вопрос любопытных о случившейся беде он иногда отвечал довольно жёстко: «А я своими глазами да кровью афганскую землю удобрил...».

Казаков тоже прошёл через эту горячую точку Земли. Вернулся, как говорится, живой, но невредимым его не назовёшь. Впрочем, как и всех, вернувшихся с войны. Незримые незаживающие раны на сердце излечению не подлежат, это навсегда...

...Задавший вопрос недовольно закричал, заёрзал на дерматиновом новеньком стуле. Спросил так, вроде невпопад, просто вспомнив свой стог из сорочек, маек и штанов, возвышающийся на гладилке в собственной однокомнатной квартире на Дзержинского. А ведь совсем недавно, на выходных, жена вместе с единственной дочерью от первого брака Виленой всё аккуратно гладили и развешивали в шкафу.

Виктор хоть и старше был на одиннадцать лет, однако всё как-то приглядывался к своему другу. И нельзя сказать, что брал пример, какие уж для этих поседевших бывших солдат идеалы, но всё же служил для него Слава неким психологическим костылём. Впрочем, как и Виктор для Славы. Бывало, ещё по молодости, зайдёт старший нежданно-негаданно в гости к младшему, да и засядут они на кухне в типовой многоэтажке, стоящей на пересечении улиц с названиями, которые встречаются чуть ли не в каждом населённом пункте нашей необъятной Родины. А точнее, на перекрёстке улиц Ленина и Пушкина.

Гостеприимно улыбающаяся красавица-хозяйка накроет на стол и, оставив друзей, тихо уйдет в комнату. Понуриив головы, изредка перекидываясь фразами как бы ни о чём, они будут пить крепкий чёрный чай вприкуску с выпечкой, приготовленной Леной. Иногда и по крепкой пропустят, при условии, что хозяйину завтра не на работу. Контузия его категорически отказывалась дружить со спиртным и, как правило, после принятого на грудь огрызалась распирающей головной болью. Словно невзначай Виктор будет внимательно отслеживать движения друга, который по квартире передвигается довольно легко и быстро, и совершенно не походит на людей, оказавшихся в схожей жизненной ситуации. Правда, за столом его движения становятся слегка неуверенными и настороженными, что бывает присуще человеку, попавшему в полную темноту.

Трезвые они сидят иль под градусом, но приходит минута, когда гость, глядя на дно опустевшего стакана, тихо выдавливает из себя:

– Свинья я, тебе вон как досталось... И всё равно не сломался, три года один, да в чужом городе, отучился, а теперь спину гнёшь на такой тяжёлой работе... А я из кайфа вырваться не могу...

Слава расправит плечи в махровом цветастом халате, глубоко вдохнёт и, поправив давящие на перебитую переносицу очки, прислонившись к мягкой спинке кухонного уголка, на выдохе скажет, весомо так скажет и глубоко, но без малейшего нравоучительного оттенка:

– Конечно, свинья, да ещё и какая.

– Ну ладно, я пойду. Дай мне сто рублей, потом верну.

– Да пошёл ты вместе с долгами. Я не денег жду, а другого.

И с этого момента разрывалось их молчание.

– Довольно уже вариться в воспоминаниях, столько лет отщёлкало, как ты вернулся. Ну да, попали мы под раздачу государства, что теперь... Родину, как и родителей, не выбирают. Да что я тебе говорю, ты вон какие стихи пишешь, три слова, и все в десятку. Мне даже после двух контузий, наяву или во сне, такие не приснятся.

Виктор встряхнёт, ещё без намёка на седины, русой копной волос, резко выпрямится и станет как-то ещё выше. С сожалением и горечью почти прокричит:

– Да только кому нужна правда об этой войне, да и правда в целом, в нашей разваленной перестройкой империи? Забили полки американскими отходами в виде «ножек Буша»! Сначала довели народ до нищеты, а теперь планомерно заполняют людские головы заморскими псевдоценностями! Я недоумеваю и возмущаюсь, когда молодежь, начитавшись новых учебников или кого-то наслушавшись, рассказывает мне, какое у меня было отвратительное детство. Я

Тво небесное владение
Расширяет легкой рюкочкой
Непокойной доброй шар...
К нам свивет мое душа
И пока они там мучья
жить мне им все замучтс
Кабледаю не душа
Куда мой поайт шар

Владимир

был очень счастлив в детстве, юности! Я был счастлив, что у меня такие родители, бабушки и дедушки. Какое детство, такая и душа, а детство у меня было золотое. Ну а что теперь, дети могут увидеть книжки только у бабушек и дедушек, у родителей их нет, у родителей телевизор в каждом углу. А они мне рассказывают, в какое бездарное время я жил... Я жил в доброе время, а не во время мародёрства, какое у нас сейчас за окнами!

Избавляя молодую хозяйку от негатива, Виктор потянется, осторожно приоткрывает кухонную дверь и крепко выругается далеко не литературным словосочетанием. Занимавшаяся бесконечными домашними делами Елена уже давно знала, что за этим последует затянувшаяся пауза. Друзья, вдавливая локтями и без того невысокий кухонный стол, ненадолго затихнут. Поэт, тяжело выдохнув, скажет:

– И всё равно, твёрдо знаю, что придёт время, и я вырвусь из этого круга дурмана...

Затем Виктор, как всегда искренне, поблагодарит Елену за обычное гостеприимство. Так же, как и всегда, пожелает ей терпения с таким непутёвым муженьком. Поднуркивая да подшучивая над ним, откланявшись, уйдёт. В двухкомнатной квартире после этого повиснет молчание, Вячеслав ещё долго будет сидеть за столом и ещё дольше не сможет уснуть. И когда уже жена скажет: «Да спи ты наконец, всё ворочаешься да вздыхаешь, как ты будешь завтра работать?», мысленно с ней соглашаясь, он молча встанет, тяжело ступая, уйдёт и закроется в кухне. Опустится на присядки рядом с монотонно вибрирующим невысоким холодильником «Бирюса». Стараясь не греметь, вынет бутылку домашнего полусладкого вина.

«Кому нужна правда? Мне нужна, нашим детям и внукам. Вот кому будет необходима правда об этой войне...», – словно доказывая, скажет вслед давно ушедшему другу. Затем нервно дрожащей рукой, не вставая, сорвёт закупорку и прямо со ствола сделает несколько бесшумных глотков. Спиртное Слава употреблял редко, в основном по необходимости. Научился прислушиваться к своему организму, когда ситуация вынуждала успокоиться, пил по глоткам, обычно двух-трёх для расслабления хватало.

Подумалось – и ведь придёт время, дождутся равнодушные к человеческой судьбе, когда разорвёт поэт свой замкнутый круг из дурмана и золы прошлого.

Как говорится в русских народных сказках – быстро слово сказывается, да долго дело делается...

Виктор то пропадал, то появлялся вновь.

«Он сильный, он сможет...». Вера в друга вопреки всем и всему не пропадала и жила у Вячеслава в душе всегда. В те годы он работал в городской физиотерапевтической поликлинике, что возле ЦУМа. Дружок его – через улицу Дзер-

жинского, охранником на стадионе «Динамо», сутки через двое. Не виделись друзья уже давно. И вот осенним вечером в кабинете у Славы завибрировал мобильный телефон. В трубке раздался болезненно-уставший голос поэта. «Ну наконец-то я его слышу», – сверкнула радостная мысль.

– Славик, мне плохо...

– Ты где?

– На стадионе.

– Скоро закончу работу, в полседьмого приедет Лена, и мы придём к тебе.

– Я жду... – ответил как-то непривычно хрипловатый голос.

Центр города светился яркими фонарями и рекламными огнями. Минюя ФСБ, супружеская пара быстро добралась до проспекта Октябрьской революции и подошла с тыла к одноэтажному административному зданию стадиона. Обычно встречавший гостей у входа Виктор в этот вечер на невысоких ступеньках отсутствовал. Пустующее крыльцо говорило о неважном состоянии поэта. Небольшая «обломовская» рощица вековых деревьев (так он её с любовью называл) шелестом опавшей и ещё уцелевшей листвы пыталась хоть как-то оживить и скрасить уныние вечера.

Виктор сидел на стуле у письменного стола, слегка подавшись ослабленным телом вперёд. Сидел замерев, прижимая к животу согнутые в локтях руки, словно пытаясь сдерживать невидимую внутреннюю боль. Боль душевную и физическую одновременно. Пустынный холл холодным эхом разнёс обоюдное приветствие. Лена, прежде чем уйти в магазин, устроила мужа на его привычном месте, мягко-скрипучем раскладном диване.

Сидя друг против друга, они, как раньше, просто молчали. За всё время прозвучало лишь две фразы.

– Ведь помрёшь...

– Да знаю...

Вскоре, цокая каблучками по асфальту, – звук доносился в открытую двустворчатую дверь просторного помещения без окон, – вошла Елена с покупками. На столе появились лекарства, печенье, черничное варенье и заварка. Пили свежесваренный крепкий чёрный чай, но всё также больше в тишине.

– Как там ваша доченька? – с интересом спросил Виктор.

– Дома, учит уроки, наверное. Ну, что ждёт нас, это уж точно, не любит оставаться одна. Завтра суббота, я не работаю. Повезём Настеньку в 25-ю гимназию.

Мы теперь живём на Доваторцев, у входа в парк Победы со стороны зоопарка. Утром буду у тебя, а сейчас нам пора. Покуда доползём по пробкам, да машину на стоянку. Сиди, не надо нас провожать.

Мужчины обменялись рукопожатием, Елену Виктор, как всегда, поцеловал в щёчку.

...Играя белой эмалью в утренних лучах солнца, «форд» маневрировал по временно пустующему узкому дворовому проезду. Шелестя шинным протектором по крупнозернистому асфальту, машина подкатила к подъезду пятиэтажки и, слегка скрипнув тормозами, плавно остановилась. Уютную однокомнатную квартиру, сменяя друг друга, заполняли запахи то свежесваренного кофе, то сигаретного дыма. На кухонном столе расположился почти не тронутый фруктовый пирог. Здесь же лежало цветное фото размером десять на пятнадцать, правый нижний угол которого был слегка загнут вверх – след многолетнего хранения в старом климовском дипломате. С фотки, на фоне бронзового солдата – памятника погибшим при исполнении воинского долга, – обвитые незримой паутиной дружбы, лучились смехом два воина-интернационалиста. На обратной стороне фотографии Виктор записал свои новые стихи, поставив роспись.

Наркоз

Два небесных лилипута
Распинают мягкий, ртутный,
Неспокойный, зыбкий шар.
В нем живет моя душа.

И пока они там мнутя –
Жить мне или же загнуться,
Наблюдаю, не дыша,
Куда мой покатыт шар.

– Нет, вот дано же некоторым. И как у тебя это всё ладненько получается – высказаться коротко, точно да в рифму? – спросил гость, сидевший на хозяйском дерматиновом мягком пуфике, прислонившись спиной к стене.

Стоявший у окна втянул сигаретный дым, ненадолго задержал в себе и выпустил туманную тёплую линию в прохладное уличное пространство. Повисло молчание. Уставше-бледное лицо Виктора, подобно увядшему цветку, попавшему в долгожданную живительную влагу, постепенно просветлялось. Мягко улыбнувшись, ответил:

– Я не знаю, я, что называется, записываю. Думаю, что, пожалуй, этого никто не объяснит точно. То есть, мысли в голове, они как-то гуляют и не всегда гладкие, чтоб вот так ускользать. Они ещё и ершистые, цепляются друг за друга и цепляют душу. Что-то там для меня незаметно происходит, а потом вдруг ты произносишь фразу, вспоминаешь ни с того не с сего Гоголя, и всё становится на свои

места. Ты приходишь домой и просто записываешь стихотворение. То есть, это непонятная загадка, но очень такая чудесная загадка.

Он говорил не спеша, словно взвешивая каждое слово. На мгновение задумался, повеселел и, улыбнувшись, продолжил:

– Не знаю, для меня это как новогодний подарок в детстве...

Затем затаился и медленно выпустил дым в ставропольскую осень. Не торопясь погасил окурочек в уютившейся на подоконнике пепельнице, зацепившись внимательным взглядом за необходимую вещицу в виде кокосового ореха, сделанную, скорее всего, из современных полимеров.

На боку у нее красовалась негритянка с ярко-цветным головным убором в виде скирды и не менее яркими вставками в ушах. Виктор придирчиво рассматривал штамповку. Вообще-то он любил такие вот небольшие штучки, но желательно из недавнего советского прошлого. И, неплохо бы, с сохранившимися ценником в рублях и копейках, знаком качества и с надписью «Сделано в СССР».

Рассматриваемая, с горкой окурочков, пепельница не соответствовала его требованиям. Однако у этой вещицы был весомый аргумент – один, но перекрывающий все остальные типа знака качества. Это был подарок любимой дочери, привезённый Виленой с Чёрного моря. Друзья особой любовью любили своих дочерей, а они отвечали им взаимностью. Да и разве можно было не любить таких девчат, точных копий своих отцов, походивших на них не только визуально, но и в привычках, и в манере говорить.

Оторвав задумчивый взгляд от предмета, Виктор поправил ярко-полосатую рубаху, вынул из-под стола раскладной чёрный стул и присел у окна. Не торопясь и заботливо брал прилипшие пылинки с хэбэшного домашнего костюма. Молчаливо сидевший гость не препятствовал его размышлению, лишь где-то на верхних этажах, меняя тональность, всё гудел и гудел водопроводный кран. Виктор продолжил:

– Когда у Есенина спрашивали: «Сергей Александрович, мы вас видели везде, вы всё время где-то шляетесь. А когда же вы работаете?», он отвечал: «Всегда...».

Желая вытянуть друга в его привычный, пусть не лёгкий и не земной поэтический мир, Слава с интересом спросил:

– У тебя любимый поэт – Есенин?

– У меня поэт любимый один, это как родина. Родина такая как Ставрополь, не как Россия, где Пушкин с Гоголем и Лермонтовым, и Лесковым, и Чеховым. А вот такая родина как Ставрополь, это Есенин. Меня и брата отец к нему приковал. Я ещё маленький был и в школу не ходил, но читать немного умел. Отец усаживал меня перед собой на стул и говорил: «Читай «Песнь о собаке».

И я читал это потрясающее стихотворение, такого, по-моему, нет вообще ни в какой литературе. Кроме вот русской. Отец выплеснул на меня поэзию Сергея Александровича. С каждым словом поэт становился светлее и ярче, словно в его тонкую душу из незримого резервуара вливалась не менее тонкая небесная сила и молодость. Он сидел у отодвинутой тюлевой шторы и внимательно рассматривал жёлто-красные листья кустов и деревьев своего любимого двора.

Словно в противовес отсутствию мягкой весны, когда за прохладными днями и ночами жара стремительно выскакивает сразу далеко за 20 по Цельсию, Ставрополье славится своей нежной и продолжительной осенью.

Виктор любовался нерукотворными яркими красками этого любимого всеми художника. В замершей у окна фигуре оживал наивный мальчик.

О судьбе Сергея Есенина Виктор рассказывал довольно часто, но ещё чаще читал его стихи – даже во время массажной процедуры, чему, вопреки своим правилам, Вячеслав никогда не препятствовал, сочувствуя порыву дружеской души. Вот и сейчас Слава, поправив очки, тихо сказал:

– А давай, Витёк, «Песнь о собаке...». Тот ненадолго замер, словно настраиваясь на нужную волну и, растворяясь в детстве и в глубочайшем переживании любимого поэта, в который раз начал читать:

Утром в ржаном закуте,
Где златятся рогожи в ряд,
Семерых оценила сука,
Рыжих семерых щенят.
До вечера она их ласкала,
Причесывая языком,
И струился снежок подталый
Под теплым ее животом.
А вечером, когда куры
Обсиживают шесток,
Вышел хозяин хмурый,
Семерых всех поклат в мешок.
По сугробам она бежала,
Поспевая за ним бежать...
И так долго, долго дрожала
Воды незамерзшей гладь.
А когда чуть плелась обратно,
Слизывая пот с боков,
Показался ей месяц над хатой
Одним из ее щенков.
В синюю высь звонко
Глядела она, скуля,
А месяц скользил тонкий
И скрылся за холм в полях.

И глухо, как от подачи,
Когда бросят ей камень в смех,
Покатились глаза собачьи
Золотыми звездами в снег.

Подобно доносившимся из-за окна детскому смеху и птичьему щебету, окружающий мир жил своей жизнью. Друзья сидели в безмолвии, замороженные способностью великого мастера изобразить в словах всю глубину и ширину страдания, оказавшись вновь в одном мыслительном потоке, понурившись, смотрели перед собой в открывшуюся бездну. Не меняя положения тела, Слава, глубоко вздохнув, с горечью промолвил:

– ...Покатились души солдат Золотыми звёздами в снег...

Давая возможность поменяться местами сизому дыму и уличной свежести, Виктор настежь открыл форточку и поправил штору. Они решили перейти из кухни в зал.

– Давай, что ли, музыку слушаем?

– Я твой рок, пусть он и хороший, слушать отказываюсь. Я парень спокойный, уравновешенный, поэтому и музыку предпочитаю себе подобную. Давай-ка, ставь мой любимый дудук.

– Ладно, уравновешенный ты наш паренёк, поставлю тебе твой любимый дудук, – сказал, улыбаясь, Казаков и, шлёпая тапочками, направился в комнату. Понюхав прокуренный рукав джемпера, Климов, скривившись, многозначительно фукнул и зашагал по следам шаркающих тапочек.

– Диван разложен, – предупредил хозяин осторожно идущего.

– Ну так давай его сложим, ведь так удобней сидеть.

– Сколько тебе можно говорить, что мне лень его туда-сюда двигать.

– А от такого табачного смрада у тебя завянут цветы и подохнут рыбки в аквариуме.

– Ну да, вон Ипполит уже захворал.

– Какой ещё Ипполит?

– Да я так фикус называю. Вообще-то я стараюсь выходить курить на улицу, – бурчал Виктор себе под нос, одновременно роясь в каких-то тетрадках, затем перешел к переполненным книжным полкам и обратно к тетрадкам.

– Хватит тебе там шебуршиться, мешаешь музыку слушать. Что ты там ищешь?

– Да вот стихи снова на каком-то бумажном огрызке записал и не знаю, куда задевал. Спасибо Ленке, она старается сохранить. Ну ладно, когда придёт, спрошу.

– Возьми свой последний сборник, «Испорченный почерк», прочти что-нибудь из него...

Этот сборник однажды послужил причиной перепалки друзей. И скандалом её не назовёшь, но стреляные гильзы летели в разные стороны.

Давящим внутренним гнётом у Виктора, как и у многих творческих людей нового времени, оставалась не востребованность. Подмяла бытовуха народ, погасила любовь к тонкому, утренней росой орошающему человеческие души. А ведь дзэн-буддисты глубоко уверены в том, что творцом необходимо называть и того, кто умеет творить, и того, кто понимает творение...

После выхода в свет нового Витинового сборника Вячеслав решил помочь в его реализации. Взялся, изначально зная, что продавец из него будет неважный, и всё же... Пару недель спустя пригласил Казакова забрать деньги.

В физиопolikлинике кабинет массажа разделялся ширмой на две кабинки. Во вторую смену Слава трудился один.

– Здорово! – раздался знакомый голос, разносясь эхом по пустынному коридору старинного здания с высокими потолками.

– Здорово. Заходи в правую кабинку, я только начал массировать мальчика, поэтому ждать ещё долго. А у тебя, как всегда, заботы...

– Ну, так... – уверенно шагая, ухмыльнувшись, коротко ответил Виктор, входя согласно указанию в правый закуток. Положив что-то тяжёлое на массажную кушетку, перевёл дыхание.

– Видишь тумбочку, в выдвижном ящике лежат деньги, это твои. Там ровно тысяча, – не прерывая работы, напряжённо втягивая воздух, сказал массажист.

Гость взял ему причитающееся, не желая присаживаться, но и не пытаясь уйти, всё продолжал как-то топтаться на месте.

– А чем это ты там бабахнул, что принёс и куда тащишь?

– Да это я тебе ещё два десятка книг принёс. У тебя так удачно всё получается.

Зависла секундная пауза, ожидания – с одной стороны матерчатой ширмы и непонимания – с другой. Передышка длилась недолго, а затем началось:

– А известно тебе, умник, что семь из десяти книг я купил на собственные деньги и раздарил!

Виктор, сохраняя равновесие в тональности, и даже без малейшего намёка на угрызения совести, слегка улыбаясь, словно поднуркивая, произнёс:

– Ну, это всё потому, что ты дурной...

– А ну, забирай свои писульки и катись отсюда! Ты посмотри, нахал, нашёл торгаша, да мне за свою работу трудно цену назвать. Шуруй, чтобы духу твоего здесь не было!

– Не ори, псих, – ответил гость, сохраняя спокойствие, забрал книги и, даже не попрощавшись, своим обычным размеренным шагом направился прочь из кабинета.

– Да, я псих и горжусь этим, понял! – и, уже уходящему, вслед бросил слова, понятные лишь им: – Прав был твой покойный дед...

Разносясь эхом в пустынном коридоре, прозвучало их неизменное и коронное:

– Да пошёл ты...

– Сам ты пошёл...

(Дед Виктора до советских времён казаковал в должности сотника. Своему провинившемуся внуку, вместо наказания, с достоинством в голосе твердил: «Я твой дед – казак, отец твой – сын казака, а ты дерьмо казачье...»).

Спустя час-полтора массажист позвонил поэту и сказал, улыбаясь, слова, которые они иногда говорили друг другу и почти никогда – кому-то иному.

– Ты, конечно, человек неважный, но в разведку с тобой я всё равно бы пошёл...

– И я бы тоже пошёл... – отвечал без малейших обидок весёлый голос дружка.

Им часто задавали вопрос: где вы, такие разные, могли познакомиться, вы же не сослуживцы? Случайность чистой воды, понимаешь ли. По грустному совпадению мероприятие северо-кавказского масштаба наложилось на день трагической гибели Виктора Цоя.

15 августа 1990 года город Теберда собрал у себя неизвестных поэтов и бардов на три погожих дня. Палатки разноцветными пятнами хаотично рассыпались под раскидистыми кронами многовековых хвойных деревьев. Похудевшая на летний сезон одноимённая река встречала прозрачной приветливостью и обманчивым спокойствием.

Теберда, схожая с прекрасным полом не только по роду, но и по своей непредсказуемой эмоциональности, ласкала слух плеском хрустальной воды, а тела – приятной прохладой.

Южная тусовка называлась «Горные вершины». «Концертный зал» приютился в уже успевшей взяться травой пойме временно отступившего русла. Участники и слушатели рассыпались в свободном выборе мест, заняв заранее принесённые стволы упавших деревьев. На сцене, сколоченной из неотёсанных досок неизвестными активистами, выступали две девочки-студентки. Под собственный двухгитарный аккомпанемент они исполняли весёленькую песню про запретную любовь к какому-то загадочному ёжику. По правую руку, сразу за лентой реки, кусты сочной зелены сливались со смешанным лесом. Береговая линия, взяв круто вверх, переходила в Кавказские горы. Воспетые уже прославленными и ещё не известными, разместившимися на берегу поэтами и музыкантами, сверкающие на солнце седые вершины подпирали голубую небесную гладь.

Под ногами уже отстрелявшегося двадцатичетырёхлетнего Вячеслава слегка поскрипывала щёбёнка. Прибывший из Солнечнодольска стоял, упершись гитарой в чёрные туфли и сложив на торце грифа обе ладони. Внимательно вслушиваясь в окружающее, почти бесшумно и едва заметно перемещался с пяточки на носок и обратно. По левую руку, в тени раскидистого дерева, предусмотрительная парочка лет так тридцати с небольшим сидела на надувном матрасе.

«Присаживайся к нам!», – по-приятельски, словно давнишнему знакомому, кинул фразу Славе Казаков. За что незамедлительно выхватил локтем в бок от соседки. Недвусмысленная гримаса сидящей рядом Люси Фисенко осудила без лишних слов: «Думай, что говоришь, человек ведь не видит».

Однако тот даже и ухом не повёл. Не обращая внимания на полученную от тогдашней его жены «шпильку» под рёбра, в том же задорном духе продолжил: «Повернись на 90 градусов влево и сделай пять шагов...».

Уже не раз сталкивался гитарист с фамильярными штучками, ответ напрямую зависел от настроения. Бывало, громкая музыка, шумное суетливое многолюдье, каким обычно заполнялся, например, февральский день вывода советских войск из Афганистана, а главное, предстоящие выступления со сцены всегда держали Славу в напряжении. И не один раз в такие натянутые мгновенья кто-то из отслуживших подходил и искательно спрашивал: «Ну узнай, кто это перед тобой? Ну что, не узнал, да, не узнал?». И, самодовольно улыбаясь, словно ребёнок, победивший в игре в прятки, продолжал приплясывать перед вытянувшимся от напряжения человеком, недавно потерявшим зрение. И дотапывался умник, покуда Климов не предлагал: «А ты, балбес, закрой глаза и попробуй, поиграй в свою ромашку: «узнал» или «не узнал»...».

Другой тихо подкрадётся и, ткнув пальцем в грудь и растянувшись в придурочной улыбке, задает похожий вопрос. Однако каков вопрос, таков и ответ. «Сам дурак и шутки дурацкие. В следующий раз врежу в табло, а уж тогда разбирайся...». С тех пор желание сыграть в «Угадайку» у многих как бабушка отшпентала.

...Но на сей раз, на берегу горной реки, Слава сделал эти пять шагов, как оказалось, навстречу многолетней дружбе.

Сходить в разведку им было не суждено, однако своё плечо они подставляли друг другу не раз. На гражданку вернулись давно, но разобраться, где легче, так и не смогли. На войне обстановка была понятной, там – опасность, угроза и боль. На таком несомненно кровавом фундаменте всё обстояло куда как прозрачно. Там, за речкой, имелась конкретная линия размежевания союзника и врага, надёжности и предательства, где боевая задача ясна, и, в любом случае, рано или поздно, её исход проявится. Дома, казалось бы, в мирное время, границы размыты, а зачастую втоптаны в грязь, будущее выглядит довольно туманно, и друзья, увы, оставались не поняты. Их не пугали трудности, безденежье и неудобства. Но напрягала жизнь с оглядкой нарваться на отсутствие взаимопонимания и подводные рифы людских поступков.

В один из ничем не примечательных дней Климов позвонил Казакову. По интонации знакомого голоса старший сразу понял душевное состояние младшего.

– Давай, Славка, ко мне, в своей берлоге я чувствую себя комфортней. Да и, как ты знаешь, леность – мой самый главный недостаток. Собираться, ехать в общественном транспорте совершенно неохота. Давай, ты ко мне...

Вячеслав спросил:

– Что с собой привезти? Говори сразу, всё равно с Леной через магазин к тебе пойдём, ей будет так легче. Да и, насколько я тебя знаю, минут через пять однозначно перезвонишь и наоставляешь заказов. Давай, уточняй – творог, сигареты, мацони, что ещё? Отбрось свою ложную скромность, хотя у тебя и она отсутствует.

Даже пребывая в тусклом настроении, Слава не изменял привычке подколоть друга. Была у него такая манера общения – шутить даже в самых трудных ситуациях. Понимал на подсознательном уровне, что это и есть спасительный трюк. – Кофе не вези, у меня его в зёрнах полно.

– Небось, тоже подарили?

– Ну конечно, ты же знаешь, я не притязателен и довольствуюсь малым, – растянул довольную улыбку Казаков. Хозяин не забывал давать заказы идущим, что совершенно не останавливало поток желающих провести время в приятной интеллектуальной беседе, да под качественную музыку, будь то поздняя ночь или утро, зима или жаркое лето.

Слава сидел за довольно приличных размеров столом, что выдавало гостеприимство небольшой кухни. Скатерть-самобранка, покрывающая «поляну», имела способность трансформироваться, но всегда выглядела нагромождением и отнюдь не грязной посуды. В творческом беспорядке на столе валялись какие-то бумажки с записями, зарядка для телефона, блокнот и всякие пишущие, но не режущие предметы. Возникающая необходимость в использовании стола по своему прямому назначению решалась довольно просто. Завалы бульдозер-

ным способом сдвигались к стене и – садитесь жрать пожалуйста. Теплоположение сидящего – локти в стол и поникшие «крылья» – без лишних слов определяло настроение как ниже подошвы. Хотя тапочками шлёпал только хозяин. Пришедший от предложенной услуги на прокат отказался, при этом добавил:

– Не нуждаюсь в твоих лыжах сорок четвёртого размера, да ещё добавок и без лыжных палок. Ведь я тебе сто раз говорил: тапочек не ношу и твои мне на четыре размера велики...

В такие встречи Виктор, не обращая внимания на сказанное, терпеливо кружился вокруг друга, словно старший заботливый брат возле приболевшего младшего. Всё пытался как-то ненавязчиво угодить: то своё царское место на мягком пуфике у стола предложит, то сладость подсунет.

Гость, которого по большому счёту и гостем-то не назовёшь, сидел, понутив голову, и словно смотрел перед собой в одну несуществующую точку. Казаков стоял у газовой плиты и уже в третий раз за проведённые совместные 60 минут варил в турке кофе. Застыл в ожидании кофейной пенки, немного сутуля спину, и вовсе не от своего высокого роста и низкой плиты, а больше от переживания за товарища. Удерживая медную посудину за длинную деревянную ручку, в который раз задавал себе вопрос: «Сколько же ему выпало пережить и сколько ещё предстоит?..». Затем так же задумчиво, с горечью и болью от невозможности изменить случившееся на войне, процитировал старый фильм:

– Да пропади оно всё пропадом, и тёща, и Валет, и...

Сидящий за столом, не поднимая головы, так же тихо и ровно, в той же тональности продолжил:

– И твой кофе...

Старые советские кинофильмы, от детских сказок и до военных картин, они любили, устраивая регулярные семейные просмотры перед телевизорами. Довольно часто в повседневной жизни использовали цитаты из понравившихся сюжетов. Кофевар, встрепенувшись, выпрямился и, радостно улыбаясь от блеснувшей надежды, промолвил:

– Значит, всё не так уж и плохо, если шутки понимаешь!

– Всё понимаю Витёк, и что унылость, распространяясь подобно инфекции, влияет на окружающих. И что нет вины моих самых близких людей – доченьки и жены – в том, что меня достала мина. Однако после ранения, который год и теперь уже навсегда, чувствую себя подбитой птицей в темнице...

Слава медленно взял чашку, аккуратно поставленную перед ним на чистый стол. Кофе парило змеевидной спиралью. Сделав микроглоток, неторопливо опустил руку к столу и, облизнув губы, продолжил:

– Трудно достичь поставленных перед собой целей, но ещё труднее удержаться на достигнутом всю оставшуюся жизнь. Устал я, Витёк, устал... Но коль назвался плугом – врежайся в землю. Знаю, брат, знаю, что требуется делать, если желаешь выбраться из этого болота. Желание – это раз, не жалеть себя и не скулить на судьбу – это два.

Ненадолго приостановившись, повторил глоток ароматного крепкого кофе, аккуратно, стараясь как можно мягче, опустил руку на стол. Слегка подался назад и, словно сбрасывая незримую ношу, выпрямил спину. Левой рукой поправил очки и к уже сказанному добавил:

– И третье – надо переключить мозг, заполнить башню чем-то положительным. Наверное, пришло время взяться за то, о чём я уже думал и что вынашивал много лет.

Словно боясь прервать ожившие мысли друга, Виктор молча сидел на широком пуфике, забросив ногу на ногу. Не желая мешать с трудом разговаривавшемуся, держал ещё парящую кофейную чашку в руке.

– У меня от твоего ядрёного кофе каждая нервная клеточка звенит, – лёгкая улыбка словно начала плавить маску угрюмости на лице Славы.

Хозяин продолжал сидеть в ожидании развития начатой мысли.

– А вынашиваю я уже больше десяти лет желание написать автобиографическую повесть. Самому мне её не осилить, нет литературного опыта. Иметь мысли, сюжеты – это не книга. Поможешь? – спросил он, повернувшись к другу.

Поэт на мгновение задумался и довольно уверенным тоном дал согласие. Вячеслав сидел и, слегка нервничая, крутил пустую, ещё тёплую фарфоровую чашку. Выдержав паузу продолжил:

– Знаю, что путь будет нелёгкий и длинный. Для начала по самоучителю надо изучить компьютер, запомнить расположение клавиш на клавиатуре и научиться самостоятельно печатать и редактировать текст.

Виктор, понимая, что это и есть то самое спасение, заметно оживился. Поставив чашку на стол, взял в одну руку пачку сигарет, зажигалку – в другую. Подойдя к окну, приоткрыл длинную створку форточки, вновь закурил и лишь тогда вступил в разговор.

– Параллельно с работой над компьютером необходимо читать. Читать много, и я тебе посоветую, что надо. Но, как сказал Василий Макарович Шукшин: «Ты слушай, но слова пропускай».

И уже приободрённо-повеселевшим голосом с нотками строгого наставника угрожающе добавил:

– Но готовься, я о твою спиняку не одну штакетину размолочу! Ох уж отыграюсь на твоём горбу, вышибая из тебя словесных блох, ох уж и отыграюсь! Ты даже не представляешь, с каким удовольствием я буду ломать штакетины...

Гость заулыбался и, сменив тему, спросил:

– Я слышу, ты хромаешь?

– Да суставы болят, достали уже.

– В понедельник будь у меня в поликлинике, – затем он задумался и добавил: – В семнадцать тридцать.

Щёлкнул замок входной металлической двери, и в прихожую вошла жена Виктора Елена. Они поздоровались, и Витёк предложил:

– А не выпить ли вам водки? У меня в морозилке всегда для такого случая имеется поллитровка.

Гость ненадолго призадумался и, сделав одобрительный жест рукой, мягко улыбнувшись, согласился:

– А давай, завтра воскресенье, отваяюсь...

После ухода боевого дружка Виктор, уже не вставая к форточке, сидел на своём любимом пуфике и с раздосадованным видом задумчиво курил.

Лена тихо и несмело сказала и спросила одновременно:

– Славику тяжело, чем ему помочь...

Внимательно рассматривая удерживаемую в руке, давно изученную пачку сигарет «Пётр Первый», играя желваками, внезапно, до белизны в пальцах, судорожно сжал в кулак сопротивляющуюся упаковку и со злостью от безысходной горечи метнул её в газовую плиту.

– Не гавкать... Он сильный...

Вечером следующего дня громко и довольно бесцеремонно в дверь ударили трижды.

– Здорово!

– Здорово. Входи, ноздреватенький ты наш. (Казачков на самом деле обладал увесистым носом. Однако он его совершенно не портил, а даже наоборот). Вот тебе одноразовая простынь, вещи – на вешалку, не как ты привык у себя дома. И на стол, головой в сторону окна.

Виктор послушно разделся и, кряхтя, улёгся на кушетку. В кабинете неизменно звучала тихая музыка. Поправив тёмные очки, массажист встал из-за письменного стола и подошёл к распластавшемуся телу.

– Нет на белом свете справедливости! – шутейно, но совмещая с серьёзностью, тяжело вздохнув, проговорил он. – Человек не видит, а ещё должен лечить других. Вон, вытянулся на весь стол, как дышло...

Лёгким движением пальцев привычно пробежался вдоль позвоночника, надавил на тазобедренные суставы, отчего лежащий, поёжившись, заворочался. Не замечая недовольного бормотания, пальцы продолжали делать знакомую работу.

– А это всё потому, что ты, дылда, вымахал, как арматура. Вот когда ты зимой упал и сломал руку, небось, растянулся на два квартала. МЧС пришлось вызывать, чтобы собрать тебя в кучу. Я бы подскочил, как мяч и отправился бы дальше.

– Ну да, и самое обидное, что из расстегнувшегося портфеля выпала и в снегу потерялась тетрадь со стихами, – грустно вздохнув, добавил: – Один текст так и не восстановил...

Под воздействием сильных пальцев больной, постепенно теряя терпение, начал несмело возмущаться. Пальпируя заднюю поверхность ног, массажист воскликнул:

– Да я о твои копыта свои пальчики сотру! Они и без того болят – не проходят. Ты знаешь, у меня в детстве была в колхозе корова, её ноги выглядели гораздо эстетичнее.

На что лежащий слегка приподнялся и, повернувшись, улыбаясь сказал:

– Слава, ну она же девочка!

Заглушая музыку, они дружно засмеялись.

– Я тебе на двери напишу: «Девушки и женщины! Будьте бдительны, у массажиста нежные, тёплые и сильные руки!», – продолжал шутить Виктор. И снова раздался смех.

Спустя полчаса они пребывали в привычном спокойствии.

Пациент сидел на стуле, вытянув ноги и прислонившись затылком к прохладной стене.

– Когда шёл к тебе мимо школы, обратил внимание, под какую музыку развлекаются дети. Не знаю, что там было, похоже, соревнования, ну да ладно, вопрос в

другом. Под какую озвучку занимаются наши российские дети – под заморский рэп. Я люблю иностранную музыку, но красивую. А тут на всю округу – танец бедуинов.

– Да уж, любим мы обезьянничать, – вздохнул младший.

– У нас финансируют какие-то футбольные команды, – продолжал старший. – Футбол возведён в рамки каких-то национальных интересов, а русский язык некому преподавать. Потому что три рубля платят...

Сидевший за письменным столом массажист точным движением пальца ткнул в клавишу старенького и качественного, сделанного ещё в самой Японии музыкального центра – «Дживиси». Погасив музыку, сказал:

– У меня из головы не выходит закон о монетизации льгот. Замутили воду депутаты Госдумы, как всегда, насвистели народу, что всё для их же блага. Пятилетка миновала, а вместо обещанного достатка в каждый карман сунули кукиш. Я читал этот 122-й закон, ребят, потерявших ноги на войне, он лишает права на получение автомобиля. А ведь это – средство реабилитации. Причём что выкинули обезбашенные столичники: получившим травму на производстве льготы оставили, а ровно с такой же потерей у выполнявших воинский долг – отобрали.

Немного помолчав, по всему было видно, что слова ему давались с трудом, вздохнув, продолжил:

– Вчера по новостям из ящика прозвучало, что Россия простила Афганистану государственный долг в размере 167 миллионов долларов.

Повисла пауза сострадания и сожаления. Обидно было бывшим солдатам за своих ребят. И за предательство на государственном уровне было тоже обидно... Виктор спокойно и уверенно сказал:

– Где много денег, там много гнили. Для меня Москва – столица не моей России, столица моей России – какой-нибудь маленький городок в глубинке, на Волге. Где чище, где меньше глянца и шкуродёрства.

– А давай напишем открытое письмо президенту Медведеву. Скелет текста в голове уже есть. От тебя требуется литературная обработка, острословия нам не занимать. Заодно потренируемся перед работой над задуманной повестью. Виктор, без каких-либо эмоций, спокойно и тихо сказал:

– Давай, терять нам нечего. В пятницу отосплюсь после смены, и в субботу с утра приезжай ко мне.

Готовясь уйти, он осторожно привстал и, выпрямившись, щёлкнул суставами. Это были негативные последствия неосторожного прыжка с азиатского дувала – поясничный отдел Виктора почти всегда отзывался ноющей болью на любое

неловкое движение. На ночной зачистке духовского кишлака, в полном снаряжении (это когда каска, бронежилет, за плечами – рюкзак, а в руках – автомат), не успевший сгруппироваться в кромешной тьме солдат жёстко приземлился на высохшую землю. С тех пор спина давала о себе знать. ...Желая достойно проводить решившего уйти пациента, массажист слегка засуетился. Приоткрыв дверцу письменного стола, вынул до сих пор припрятанный, явно ждущий своего случая полный пакет мусора.

Сквозь прозрачный полиэтилен просматривались использованные тюбики и упаковки от массажного крема, конфетные фантики и ещё всякая всячина.

Остерегаясь упустить подвернувшийся момент, а главное, догадки дружка, удерживая за ручки уже не один день скрупулёзно собираемый увесистый шелестящий куль, судорожно сунул его в руки уходящему. И, не скрывая радости от исполненного желания, добавил:

– Будешь идти, возле лифта увидишь ёмкость с надписью «Отходы класса А», выбрось его. Ведь всё равно мимо проходишь...

Казakov послушно и как-то задумчиво взял предложенное. Потоптался у двери, всё ещё поглядывая то на дружка, то на суму и, улыбнувшись, сказал: – Да это же я так делаю?!

– Ну конечно же, ты угадал...

Они рассмеялись и, похлопывая друг друга по спинам, приобнявшись на восточный манер, разошлись, сияя улыбками. Причём каждый оставался доволен собой. Младший рад бы удавшейся шутке, старший – своей уже давнишней находчивости. Всё получилось, как и было задумано.

Субботние полупустые улицы напоминали недавнее советское прошлое, когда численность самокатов и велосипедов на душу населения значительно превышала количество легковых автомобилей.

Слегка отклонившись от привычного школьного маршрута, Вячеслав довольно быстро попал по месту назначения в однушку на первом этаже. И уже в полдень друзья управились. Виктор, провожая гостя, пребывал в приподнятом настроении, а впрочем, и не только он. Приехавшая за мужем Лена, лицезрея сияющих «писателей», спросила:

– Отчего такие радостные?

– Да мы такое удовольствие получили, сцена походила на то, как ставропольские казаки писали обращение к московским конторщикам.

Возвращались домой в полном семейном составе. Держа лист перед глазами в раскачивающемся автомобиле, дочка Анастасия вслух зачитала послание...

«Обращение к президенту РФ Медведеву Д. А.

Здравствуйте, Дмитрий Анатольевич.

Давно уже собирался с Вами поговорить, да все дела насущные заедали. Теперь вот заели, и есть время для разговора. Я Климов Вячеслав Анатольевич. По отчеству, как видите, мы тезки, да и Отечество у нас одно. Хотя даже невооруженным взглядом заметно, что все-таки какие-то разные они, Отечества наши. А еще, Дмитрий Анатольевич, мы ровесники, и при иных обстоятельствах я называл бы Вас Димон, слушали б вместе Deep Purple... Хотя мне ближе «Пинк Флойд». Но Вы, увы, Президент России, и Вы в глаза меня не видели. Я для Вас – никто... Народ... Но и я в долгу не остался. И по призрачному и несолидному закону совпадений, Вас тоже в глаза не видел. Я, Климов Вячеслав Анатольевич, участник Афганской войны, кавалер Ордена Боевого Красного Знамени, инвалид войны первой группы по зрению, перехожу к сути разговора. Извините, еще одно немаловажное добавление. Я люблю свою семью, жену Елену и дочку Настеньку. Глазами я их не видел, но вижу сердцем. Вас я сердцем не вижу.

Прощать долги благородно. И вот прощен многомиллионный долларовый долг стране, в войне с которой пострадали тысячи, не по своей воле мобилизованных на эту бездарную войну, молодых людей. Ну, прощен так прощен. Да, видимо, в порядке денежной компенсации для пострадавшей казны провели мародерскую монетизацию льгот, и не строят дома, и у безногих отняли автомобили, и военную пенсию, всё это иначе, как афганскими чаевыми, не назовешь. И продовольственную корзину правильнее называть продовольственной сумой. У Вас, господин Президент, или глаз нет, чтобы это все увидеть, или же Вы попросту закрываете их на дела скорбные.

Мы закрывали глаза совсем по другому поводу. Я, господин Президент, хочу называть вещи своими, им Богом данными именами. Имя этому – предательство. Нас предали. И, увы, не только нас, афганцев. А мы своих в беде не бросали.

Вам, господин Президент, дано и позволено многое. 15 февраля, например, многие годы – обычный серенький будний день, вдруг окрасился кумачовым цветом. Телевизор взалхлеб твердит о нас, нашей воинской славе. Наштампован из алюминия и бумаги традиционный юбилейный набор. Затрачены немалые деньги... А сказать Вам, Дмитрий Анатольевич, чем пахнут эти деньги?.. А пахнут они заживо сгнившим телом Сергея Лубянова. Годы спинальник-колясочник искал пути на операционный стол, а получал мотивированный на государственном уровне отказ. Мы с трудом нашли нужные немалые деньги, да вот опоздали... Из петербургской ВМА пришел цинк.

А сколько спилось и повесилось в одном только нашем неблагополучном благодатном крае? Это мы на войну шли молодые и веселые. А сейчас мы иные. Но мы пока живы. Пока выживаем... Вам вопреки. Нет смысла напоминать точные цифры афганских чаевых. Вы их обязаны знать. Это запредельно трудно. А уж сходить в театр или на концерт, да еще в новых туфлях...

И все же мы покупаем туалетную бумагу. Человек, покупающий такую бумагу, надеется на завтра. Надеясь на завтра, Вы призываете нас учить детей патриотизму. Но ведь дети не слепые... Они видят, какое отношение у Родины к их отцам... Сейчас, похоже, закладываются мины замедленного действия. В обещания, как в сказки, мы никогда не верили. Поскольку слышали обещания ветеранам уже былинной Отечественной войны.

Извините, Дмитрий Анатольевич, но как-то расхотелось продолжать разговор. Пришло вот на ум то, что самый тяжкий грех ложится на того, кто мог сделать добро, но не сделал. Иными, козьмапрутковскими словами: «Чрезмерный богач, не помогающий бедным, подобен здоровенной кормилице, сосущей с аппетитом собственную грудь у колыбели голодающего дитяти».

До встречи.

Русский народ Вячеслав Климов.

– А не боитесь? – спросили девчата у мужа и отца.

– Нет. Казакова я не сдам, а со мной, контуженным, да прострелянно-залатанным, думаю, они связываться не захотят. Дэрмократия, понимаешь ли. Вот и проверим так называемую свободу слова.

– Пап, а как ты думаешь, что такое демократия? – спросила отца школьница.

– Да это, доченька, когда командир, извиняюсь за выражение, бздит наказать провинившегося подчинённого нарядом вне очереди и отправить его чистить картошку на кухню. Помнишь, как в фильме «Максим Перепелица»?

– Да конечно, помню. А почему он боится?

– Да потому, что залётчик может позвонить на вездесущий телефон доверия. Позвонить и пожаловаться на эксплуатацию человека на бесплатных работах. И тогда уж точно не избежать длительных проверок, с тщательным разбором полётов да с присутствием обязательных сорок-журналистов.

– А тебя в армии наказывали? – не унималась Анастасия.

– Ну естественно, однажды за нарушение дисциплинарного устава даже угрозой попасть на «губу». Но, как сказал Суворов: «Плох тот солдат, который хотя бы однажды не побывал на гауптвахте». Знаешь, кто он такой? – обратился Слава к любимой дочери.

– Знаю, князь Александр Васильевич Суворов – великий русский полководец. Генералиссимус, не проигравший за свою жизнь ни одного сражения, – не задумываясь, ответила она.

Отец расплылся в улыбке и сразу оценил познания:

– Уважаю, уважаю, моя золотая, за любовь к истории!

Управлявшая машиной мама, супруга – и, по совместительству, в данный момент водитель – крутила молча баранку.

Её, так сказать, по-бабьи прямо-таки подмывало вставить в мирный диалог свои пять копеек. Хотя бы такую реплику, типа: «Да разгильдяй он, Настюшенька, твой папаша...». Но всё не решалась перебить вспылчивого муженька. Сказать-то можно, но оборвать, вклинившись в разговор, было ни в коем случае нельзя. Тогда уж точно взрыва не миновать.

Письмо отправили во все государственные инстанции и всем лидерам политических партий. А в ответ – тишина... Трудно делать последующие выводы, а тем более, утверждать. Однако факт остаётся фактом, да ещё и зафиксированным на бумаге. Спустя год, 7 ноября 2011 года, Президент РФ Медведев Д. А. подписал федеральный закон о ежемесячной денежной компенсации получившим военную травму во время боевых действий...

Как известно, курс лечебного массажа длится в среднем 10 дней, что и позволяло друзьям встречаться практически в обязательном порядке.

За окном второго этажа, изредка нервно гудя клаксонами, по узкой улице Ломоносова пробегали легковушки.

Осмелевшие от вечернего спада автомобильного натиска птицы звонким пением не жили слух. В небольшом, но уютном кабинете, как всегда, звучала лёгкая инструменталка.

Стараясь подольше сохранить массажное тепло, пациент-завсегдатай уходить не торопился и сидел, прислонившись к мягкой спинке стула. Начальник кабинета его не выпроваживал, о назначенной встрече они знали оба и вроде как ждали. Улучив момент, давая возможность отдохнуть утомлённому телу, массажист лежал на столе, забросив руки за голову.

– У доктора был, слишком высокий гемоглобин, – сказал Казаков.

– Точнее, цифру давай.

– Да я помню, что ли, сейчас посмотрю, – и, шурша пакетом, стал рыться в бумагах.

– Долго ты будешь возиться, ненавижу целлофановый шелест, все пациенты приходят с этими звуками. Музыка мешаешь слушать...

– Ну сам же попросил!

- Уже пожалел, я думал, ты помнишь.
- Ага, это у тебя память как у Ленина, а мне надо всё записывать.
- Ты хоть для своих стихов тетрадку завёл или тебе подарить?
- Да завёл, завёл... Ну вот, отыскал – 198...
- О как, и у меня точно такой же.
- Да кто б сомневался, – беззлобно съязвил Виктор, возвращая документы в шаркающий пакет.
- Или ты перестанешь действовать мне на нервы, или уматывай отсюда.
- Ага, щас, – ухмыляясь, ответил Витёк. – И вообще, ты это что разбурчался?

На что засветившийся улыбкой Климов ответил:

– А могу я хоть выпустить пар? Весь день прихожане только и знают, что жаловаться. Всё в кучу сваливают, от плохого здоровья, негодяя-муженька и до бездарного правительства...

– Ну ладно, побурчи-побурчи. Но ведь я жду ответа, ты же сам просил цифру.

– Если по-колхозному объяснять, то у тебя, а точнее, у нас, что тоже мало радует, слишком густая кровь, мотору тяжело работать. Необходимо искусственным путём разжигать. Можно обойтись без химии, поэтому первое – пей больше воды.

– Да знаю.

– Всё-то ты знаешь, а мочегонный кофе хлыщешь вперемешку с сигаретами. В последний раз, после пребывания у тебя, все шмотки куревом провонялись. Всё в стирку отправилось. Подохнешь, хрен с тобой, не жалко. Нам теперь больше о своих семьях думать надо, – продолжал булькать Славка, лёжа на своём столе.

– Вот жахнет тебя инсульт, кому проблемы разгребать? Жёны и без того испереживались за нас, продырявленных войной...

– Да понимаю, – разглядывая свои чёрные кожаные туфли, грустно отвечал Витёк.

– Всё-то ты понимаешь, – не унимался Слава. – Точь-в-точь, как мой вислоухий кот. Развалится на полу и дрыхнет дни напролёт. Знает, что дочь и жена всегда обойдут плюшевого Тёмку-красавца. Но когда иду я, и куда крепкий сон деваётся, сразу сигнализирует недовольным мычанием. Понимает животина, что этот ходок прёт, как танк, поэтому лучше предупредить. Всё понимает, а в тапочки

втихаря продолжает ссать. Нам теперь не в кайф надо жить, а впрок. Государству родному здоровье даже не за грош, даром подарили.

Распалив себя рассуждением, резко приподнялся и, недовольный, осерчало сел на кушетку. Поправив короткую стрижку, раздосадованно сругнулся.

– Не матерись...

– Да пошёл ты, – добродушно и как-то даже с наслаждением произнёс один.

– Да сам ты пошёл... – с похожей интонацией ответил другой. Они были совершенно разные и всё-таки всегда находились словно на одной волне.

– Нет, вы посмотрите на него, люди добрые, святоша нашёлся. Да не смеши мои тапочки!

– Ну, было дело... – как-то по-детски, но без особого раскаяния, вздохнув, слегка виновато улыбаясь, словно нашкодивший хулиган, согласился Виктор.

– Вот и я до твоих шестидесяти доживу и начну строить из себя праведника. Поэтому на самоперевоспитание у меня десятилетка ещё имеется, а значит, давай помалкивай. Нашёлся гуру. Шоколадку будешь, лицемер?

– Какую?

– Культурные поэты таких вопросов не задают...

– Ну, то культурные, – чуть оживившись, усмехнулся поэт – с желанием вырваться из грустных мыслей.

– Как ты любишь, наша советская, «Бабаевская». Главврач с праздником 9 мая поздравила. Юбилейный набор, в виде военных орденов СССР.

– Хороший человек твой главврач?

– Бруснёва?

– А я откуда знаю фамилию?

– Валерия – хороший человек, уважительно относится к ветеранам войны, причём что к фронтовикам Отечественной, что к современным. Видишь, отдельным кабинетом обеспечила, помнишь прошлые условия – проходной двор. Да и зам – Максимова Евгения – очень внимательная. Володя, муж её, собровец, всю чеченскую прошёл. Десять лет ждать – испытание не из лёгких. Виолетта, твоя первая жена, царствие ей небесное, знала, как это ждать в мирное время с войны.

– Уж лучше на передовой в окопе... – ответил, не задумываясь, Виктор.

– Володя у меня лечился, горит, как и мы. Да только правительству начхать, никакой психологической помощи нашему брату не было и не будет...

Встав с массажного стола и слегка покачнувшись от смены положения тела, поправляя серо-фиолетовую робу, Слава подошёл к письменному столу. Открыл дверцу, вынул бумажную коробку и демонстративно положил перед уже не новой, но прекрасно сохранившейся декой, из деревянных колонок которой мелодично, справа налево и наоборот, переливалась японская флейта.

Тяжело гремя стулом, устало присел за стол.

– Руки длинные, дотянешься. А хотя постой, – ловко отыскал зацепку, разорвал тонкий полиэтилен и, вскрыв упаковку, проговорил дружку:

– Тяни не глядя.

Честно отвернувшийся Витёк потянулся правой рукой.

– Ну что притих, говори, что попалось?

С наслаждением и неторопливо тот рассматривал яркий рисунок.

– Орден Святого Георгия...

– Гад, я его хотел...

Казаков тем временем высыпал содержимое коробки на серовато-матовый стол. Не торопясь поковырялся, выбрал одну шоколадку и, положив перед Вячеславом, сказал:

– На, жри свой «Орден Красного Знамени».

К боевым наградам они относились с уважением, но только не к «песочным», как они называли юбилейные медали. У поэта на данную тему были написаны строки: «Юбилейные медали не вручают, а суют. Мы за эту землю дрались, дрались как бы за свою...».

К двадцатипятилетию вывода войск из Афганистана Казакова дважды приглашали в военкомат получить юбилейную медаль, а он отказался. Климов с постным лицом сразу прятал награды в шкатулку, называемую им «похоронный набор». С важной неторопливостью, подобно своим движениям, Виктор сказал размеренным тоном, завершая осмотр цветной этикетки:

– Насчёт праведника ты маханул – это раз. А то, что ты уже припоздал умнеть лет так на пять, а может, и на все сто сорок пять – это два.

– Жуй да помалкивай, – задорно огрызнулся Климов.

– А ты не командуй.

У гостя приятным аккордеоном зазвонил телефон. Массажист, сливавшийся своей униформой со схожими тонами кабинета – синим линолеумом, светло-фиолетовыми стенами и голубой шторой, терпеливо пережидал привычную картину. Вскоре дружок начнёт заводиться, а затем и вовсе, повысив голос, перейдёт на нервно-командные тона. При одном условии: если звонят свои (за исключением дочери). Так получилось и в этот раз.

– Всё, я сказал, потом перезвоню, я у Славика в поликлинике, – раздраженно заворчал и «отбил» трубку.

– Ну и чего разоряемся? – не скрывая своего удовлетворения, что вёл себя ровно так же вспыльчиво, спросил младший.

– Не знаю.

– Вот и я не знаю. Сто раз себе давал слово быть сдержанным и...

– И сто раз нарушал, – теперь уже повеселевшим голосом продолжил другой, перехватывая фразу и ухмыляясь.

В дверь застучала «мелкая дробь». По характерному звуку (каковые Слава с лёгкостью запоминал и определял) он быстро понял, что это та, которую ждали. Щёлкнула ручка, впуская шум больничной суеты, дверь приоткрылась и послышалось звонко-энергичное «Здравствуйте!».

– Входите, Марина, – вставая со стула проговорил массажист. – Угощайтесь, – сказал он, указывая на сладости.

– Нет, спасибо, – ответила она.

– Знакомьтесь, это и есть тот самый автор текста «Цинковой почты».

Соблюдая тонкую границу дозволенного, не отводя пронзительно-светло-карих глаз, поэт изучал гостью. Она, в свою очередь, с женской задорностью и лёгкой шутливостью, словно игрушечки выдерживала его сверлящий луч.

Земля, ясное дело, круглая, а город – словно маленький хутор, где могут столкнуться фигуры, ходящие по своим линиям и исполняющие свои роли. Интересно знать, кто играет в этой шахматной партии главную роль – эти самые фигуры или чья-то неведомая рука. Но чтобы сошлись три линии в одном кабинете, это уж слишком. Однако так или иначе, оно случилось. Впервые с Мариной Климов столкнулся при типичных обстоятельствах, возникающих в медучреждениях. Поздоровались, по делу переговорили и курс лечения начался.

Как всегда, первым взял старт настольный таймер. Массажист придерживался точки зрения, что труд и пустословие – понятия несовместимые. Занятия йогой научили экономить личную энергию, да к тому же трепотня неизменно сбивает ритм дыхания. Большинство пациентов ведут себя вполне предсказуемо. Первое время настороженно присматриваются да прислушиваются к своим ощущениям. Затем, как правило, им становится скучно и они начинают вытягивать на разговор. Лечащий давно научился, не обижая краснобая, останавливать его вполне резонными рекомендациями: «Сосредоточиться на тактильных ощущениях по причине напряжения мышц, что категорически противопоказано во время массажа». Больному, который зачастую был здоровее лекаря, ничего не оставалось, как глазеть по сторонам. В углу, по левую руку от пациента, приютилась тумбочка с выдвигаемыми ящиками для простыней, наверху которой красовался керамический горшок с раскидистой лилией. Прямо по курсу – большое окно с вертикальными жалюзи, в открытую форточку которого в церковно-праздничные дни доносился колокольный звон Андреевской кафедральной церкви. Параллельно кушетке, у другой стены, стоял письменный стол. Над столом, сразу под кондиционером, висели красный вымпел Боевого братства и бисерная вышивка с изображением пули, обвитой чёрным тюльпаном с надписью «Афган»...

Лечебные процедуры протекали монотонно и иногда даже нудно. И так дней этак пять, дежурные – «здравствуйте», массаж и «до свидания». Как-то раз, завершив сеанс, массажист, извинившись, взял из стола телефон и позвонил. Удерживая ещё влажной, свежeweымытой рукой трубку мобильного телефона, грустным голосом, слегка нервничая, зачитал четверостишие. После чего последовала непродолжительная пауза. По всему было видно, что стихи зачитывались неизвестному критику. И резко, вместо прощальных слов, он словно коротко выстрелил: «Кровоопийца!», раздражённо выдохнул и спрятал телефон в стол.

Марина, став случайной свидетельницей неординарного общения, задумчиво застучала каблукками по кафелю длинного полупустого коридора.

«А не слишком ли много совпадений? Сначала табличка со знакомой фамилией на двери кабинета – «Массажист высшей категории Климов Вячеслав Анатольевич». Ручной работы картина из бисера над столом, и эти короткие, глубокие стихи об Афганистане. И самое главное – голос, где же я могла слышать этот запоминающийся голос?..», – всё думала и думала она... На следующий день, в назначенное время, в том же месте встреча состоялась, но уже совершенно в другом ракурсе. Марина вошла в кабинет уже изрядно заплаканная и до сих пор всхлипывающая.

– Что случилось?

Вместо ответа пациентка села на стул, включила плеер на мобильном телефоне и, положив на стол, тихо сказала:

– Послушайте, пожалуйста, песню...

Медленно и негромко зазвучала шестиструнная гитара.

Вячеслав прислушался и, довольно быстро определив, сказал:

– Я знаю, кто поёт эту песню.

Ответа не последовало, лишь всё пел и пел бархатистый голос, наполняя тихий кабинет.

Каждый из них был погружён в свои размышления. Марина продолжала беззвучно плакать, а Слава сидел, выпрямив спину, вдавливая локтями стол и склонив голову, слушал себя поющего. Песня стихла, повисло тягучее молчание.

– Это вы?

– Да, Марина, это я...

– Этого не может быть...

– Получается, что может...

Вячеслав поднял голову и, повернувшись к плачущей, спокойным голосом продолжил:

– Если вы не остановите этот поток слёз, я вас не познакомлю с автором слов.

– А разве это возможно? – потрясённым голосом спросила женщина.

Он взял свой телефон, быстро набрал хорошо известный номер.

– Здорово, пожиратель женских сердец. Завтра после массажа планирую задержаться. Сам успокаивай своих воздыхательниц, в мои обязанности это не входит...

У каждого из троих, встретившихся на закате рабочего дня, была своя история, связанная с песней «Цинковая почта».

...Ставая свои позиции прохладной тьме, афганское солнце стремительно отступало от советского военного гарнизона. Временно теряя свою власть, пятнившийся оранжевый диск откатывался за перевал Гиндукуш. Выдыхавшийся прямо на глазах уличный свет несмело поступал в проем тридцатиместной брезентовой палатки. Заполиты усердно твердили о временных трудностях. Но десятилетняя война, рисуя линии фронта, хладнокровно пристреливаясь, планировала совершенно иначе. Солдат сидел на армейской сетчатой кровати, заправленной колючим синим одеялом. Склонившись над расштанной с оголёнными углами тумбочкой, он застыл в не совсем удобном положении. Шариковая авторучка, оставляя синий след, словно юная балерина покорно танцевала на

клетчатом поле тетрадного листа. Лишь иногда она спотыкалась о принесённые азиатским суховеем пылевые крупинки чужбины. Начинаящий же поэт внимал неизвестному зову.

Послушная танцовщица изредка замирала, переводя дух, и снова кружилась в таинственно-божественном танце. И был этот двадцатипятилетний белокожий юноша, погружённый в творчество, одет в защитную форму и грубые кирзовые сапоги с рифлёной подошвой. Мгновенье спустя, вместе с погасшим солнечным светом, недоступное взору таинство растворится, и останется одетая в униформу молчаливая задумчивость.

«Убитых сегодня было больше, чем раненых, а значит, остался промедол... Игла...».

...В Советском Союзе эти стихи ещё долгие годы будут под запретом. И лишь после разрухи, именуемой перестройкой, строчки вырвутся на свободу.

Стихи, облачённые в мелодию, приобретают иную жизнь. Песнь летит в более широкой и легко доступной плоскости...

1996 год, политики дерутся за президентскую власть. Жириновский сулит излишне терпеливому российскому народу в каждую хату по избытию, а незамужним гражданочкам – по спутнику жизни. Ельцин прилюдно божится в центральных СМИ – в случае невыполнения не менее ярких, чем у Жириновского, своих обещаний, он положит руки на железнодорожные рельсы (пустозвон не уточнил, чьи будут руки). В кампании под кличем «Голосуй или проиграешь!» участвуют певцы, артисты и спортсмены. Для убедительности нужны и люди из народа. Климов на предложение посодействовать – естественно, за деньги, – так же естественно отказался.

Вечером, в квартире на пересечении улиц Ленина и Пушкина, по проводному телефону (мобильных ещё не существовало) раздался звонок.

– Здорово, очкарик!

– Привет, ноздреватый. И незачем так орать, слух у меня почти что в норме.

– Как жизнь?

– Ладно, давай, творческая личность, без лишних пустословий. Отчего такой радостный и что требуется? Ты же у меня как в приборе ночного видения.

– Вот поэтому-то я и называю тебя «очкарик», потому что они все слепцы. А вот ты моё фамильное достояние не трожь.

– Да нужен мне твой флюгер, ведь с нашими ставропольскими ветрами да пылью иметь такой нос – одни лишь проблемы. Ладно, давай к теме.

Здесь они ненадолго замолчали, и Виктор уже серьёзным тоном предложил дружку поучаствовать в гонке.

– Я же сказал, что в эти игры не играю.

– Мне нужно срочно вернуть долги...

Повисла пауза, Вячеслав, раздираемый противоречивыми чувствами, взвешивал не порадовавшее его предложение. А трубка тем временем тихо шумела и изредка щёлкала. Затем Слава, тяжело вздохнув, выдавил:

– Согласен, но с одним условием. Мы не называем их имён и фамилий...

– А я им так и сказал, что со мной очкарик точно согласится! – выпалил повеселевший Казаков.

Час спустя, когда над городом уже зажглись осветительные и рекламные огни, в дверь настойчиво и продолжительно позвонили.

– Вот тебе стихи, завтра в десять ноль-ноль – запись в студии драмтеатра, – слегка хамовато, но с уважительной задорностью сказал Виктор Славе. И лишь потом познакомил со своим другом и оператором Львом Соловьёвым.

Пребывая в полном недоумении и ошарашенный напористостью поэта, удерживая измятый листок и отшагнув назад, Слава сказал:

– У тебя башню заклинило? Для тех, кто на бронепоезде, напоминаю, что завтра мне во вторую смену на работу. И, что самое главное, надо выучить текст, сочинить мелодию и, соединив, всё спеть. Да не просто спеть для узкого круга, а для широкой публики...

На что гости лишь переглянулись, а Казаков, всё с тем же хамоватым уважением, как это мог сделать только он, похлопывая друга по плечу, с улыбкой добавил:

– До утра времени предостаточно, успеешь...

Визитёры ушли, а хозяин, озадаченно наморщив лоб, ещё продолжал стоять с недоумённым видом, замерев с листком в руках, размышляя вслух:

– Ну и зачем тебе это всё было надо, Слава?..

В музыкальной студии театра имени Лермонтова запись состоялась с третьей попытки...

Марина рассказала свою историю.

...Холодным снежным мурманским вечером, в уютной теплоте городского такси, она возвращалась домой. В салоне довольно громко, а впрочем, как всегда у водил, играла музыка. Пассажирка уже готовилась выйти, как из колонок невесело, но и не совсем уж чтобы печально зазвучала гитара. Неизвестный голос, удерживая тонкую линию между грустью и рассказом выжившего, запел о солдатской потере и дружбе. Расплачиваясь с «извозчиком», Марина спросила имя исполнителя. В ответ таксист отрицательно покачал головой. Однако интернет – довольно практичная и необходимая штука, особенно когда используется по делу. Вскоре, всего лишь по двум запомнившимся словам, песня была найдена. А потом на протяжении 15 лет она звучала, когда приходила и накрывала тоска. Марина слушала и болела душой, как гитара и голос. Открытие случилось подобно разорвавшейся бомбе из слёз. Как-то, уже в Ставрополе, вернувшись из поликлиники домой, отыскала в соцсетях массажиста. На его страничке просмотрела видеоролик. На экране тёплая компания сменялась хроникой Афганской войны и снова – молодые ребята за маленьким столом. 15 лет слушала, но никогда не смотрела видео, не хотела травить себе душу...

Поэт, сидя за столом в массажном кабинете, подписывал свою новую книгу Марине.

– Какие замечательные стихи, – говорила она задумчиво, следя за авторучкой пишущего. И вздохнув, тут же добавила:

– Ну а какой голос, и как поёт... – и, посмотрев уже на Вячеслава, словно радуясь вовремя посетившей мысли, добавила: – А распишитесь, пожалуйста, и вы.

Покуда массажист оставлял свою подпись на книге, она спросила:

– Виктор, у вас такие прекрасные стихи, а вы не думали проводить с другими литературную учебу?

На что поэт, указав подбородком на сидящего друга, серьёзно, но и немного шутливо, произнёс:

– Да вон, поливаю-поливаю, а ничего, кроме сорняков.

Тот, как всегда, не заставив себя долго ждать, парировал цитатой, украденной из кинокомедии:

– ...Ты на что, царская морда, намекаешь?

Затем, слегка насупившись, поправил давящие на травмированную переносицу очки, подумав, добавил:

– У нас в народе говорят: «Дерьмо пчёлы, дерьмо мёд»...

Поэт, рассмеявшись, оценил ответ:

– Ну что ж, недурно. Остроумие тоже принимается.

Когда же они остались вдвоём, словесная перепалка продолжилась.

– Ну да, я простой советский парень, простой советский комбайнер. Правда, в прошлом, а ныне – спиначёр. Как говорится, не умеешь работать головой, работай руками. Однако из себя интеллигенцию не строю, – и, взяв кончиками пальцев не существующие уголки воображаемого женского платка под своим подбородком, сгримасничал: – Тю- тю тю... Имеете дома склады из запылившихся книг, чем форсите друг перед другом. Заводите читательские билеты и с важным видом протираете штаны в библиотеках, – затем, словно вспомнив что-то подходящее к теме, ненадолго приостановил свою шуточную тираду, вскинув голову и имитируя важность, продолжил: – У меня тоже имеется читательский билет краевой библиотеки имени Лермонтова. Понял?..

– Откуда он у тебя взялся, наверняка фальшивка...

– Да пошёл ты. Ещё с времён учёбы в юридическом институте. Готовясь к сессиям, вынужденно посещали интеллектуальное заведение вместе с женой. Хотя, по совести говоря, от моего присутствия там было больше проблем, чем пользы. Она конспектирует тему, а я торчу, как скорпион на белой заднице.

– Белая-белая, как у попадьи, – прервал Виктор, вновь используя киношный афоризм.

Рассказчик сразу подхватил:

– А ты видел попадью-то?

– Доводилось...

– Брешьешь...

– Давай-давай, продолжай, – словно извиняясь за прерванный рассказ, предложил старшой.

– Ну так вот, в читальном зале – приятная тишина и прохлада, лишь изредка слышатся шаги да шелест перелистывающихся фолиантов. Лена, стараясь не привлекать всеобщего внимания, тихо сообщает, что на меня подозрительно косятся люди. Вероятно, узрели во мне разгильдяя, везде, понимаешь ли, я как общипанный дятел. И мне ничего не остаётся, как, имитируя занятость, поддельваться под окружающих. Ну я и взялся перелистывать страницы первой попавшейся под руку книги. Сижу себе, листаю листочек за листочком, словно обезьяна, пытавшаяся отыскать меж страниц спрятанный сладкий изюм. Я слышал, что в цирке именно так и дрессируют человекоподобных. И, о чудо, всё успокоилось, и проходимец потерялся в стаде мудрецов. Ты знаешь, что я заметил? – обратился он к дружку уже вполне серьёзно. – Находясь в людской

толпе, будь то вокзалы, рынки и тому подобное, весьма легко засветиться. И, как ты думаешь, с помощью чего? – даже не пытаясь дождаться ответа, сразу продолжил: – С помощью осознанного бездействия. Пребывая в людных местах, я довольно быстро устаю от шума. Глазеть по сторонам, как все, не имею возможности в связи с отсутствием приспособления. Ничего не остаётся, как приступить к медитации. Успокаиваю дыхание, тело расслабляется и словно застывает, лицо становится постно-безучастным. Со стороны вроде как сплю, но и на спящего не похож. Спустя некоторое время люди начинают косо на меня смотреть. Жена или доченька, вроде как невзначай, шепчут, что я обращаю на себя внимание. Тогда я начинаю намеренно крутиться, чесаться или раскачивать ногой. И всё становится на свои места...

Казаков, с наслаждением слушая и улыбаясь, поднуркивая, предложил продолжать, не останавливаясь.

– А я тебе не рупор перестройки.

– Давай-давай, может, что дельное услышу. В прошлый раз, побеседовав на тему трёхступенчатого понимания, вернувшись домой, даже стихи написал.

– Стоп-стоп, не лишай меня удовольствия потешить своё самолюбие. Это когда ты разорялся, что не въезжаешь в этапы понимания? И как я тебе, такому умнику, на пальцах объяснял, сравнивая этот процесс с морем. – Здесь Вячеслав показательно выпятил грудь и, вознеся указательный палец, перевоплотившись в знатока, продолжил: – Когда ты на первом этапе принимаешь информацию чисто интеллектуально, допустим, читая или рассматривая картинки с изображением моря. Второй этап – как внезапно возникающая вспышка, словно ты, находясь на побережье, видишь его наяву, вдыхая морской запах, можешь даже прикоснуться к солёной воде. И третий – последний – просто поплыл, ощущая каждой клеточкой величие моря... Давай-ка вернёмся к твоим стихам, читай, я слушаю более чем внимательно...

– Да я их снова не знаю, куда задевал, – опустив голову, грустно ответил Виктор.

– Мудак ваше благородие...

Нестандартный вид их общения многими воспринимался как развлекательное представление. Даже дочери всегда с умилением слушали отцовские перепалки.

...Поэт-лирик считал, что лучший подарок – это книга. Дарить книги из личной библиотеки Климовой-младшей любил он вдвойне. В эпоху компьютеризации встретить читающего книги становилось всё сложнее, а среди молодого поколения и того реже.

Настя же книгоманила, как и он сам, поэтому поэт считал, что отдаёт свои сокровища в надёжные руки.

Девочка читала много. Войдя в книжный магазин и потеряв счёт времени, могла часами выбирать себе что-то новое. Новое не из бульварного чтива, а из литературы мирового уровня. Родители всегда ей удивлялись, в других лавках она быстро уставала и раздражалась от приставаний назойливых продавцов. ЕГЭ по русскому языку в одиннадцатом классе, без репетиторов и посторонней помощи, сдала на 98 баллов. Узнав результат, с грустью сказала: «Папа, я сделала такую нелепую ошибку там, где никогда не ошибалась...».

«Ты просто, зайка, переволновалась, это блестящий результат – как для школы, так и для нас. Мы с мамой гордимся тобой...». Отец сразу, как и обещал, сообщил результат, позвонив Казакову. На что тот с радостью уверенно сказал: «Это оттого, что ребёнок с детства читает классику! Передай ей, она большая умница и красавица. Явно не в отца. Приезжайте ко мне, я приготовил ей книги».

На следующий день они встретились. Войдя в квартиру, шумно поздоровались. Поэт, пребывающий в приподнятом настроении, поднуркивая над отцом, вручил Насте стопку книг Есенина. Скромно поблагодарив, она взяла подарок.

– Ну, что напрягся? – похлопав отца по плечу, как всегда, с задорной дружелюбностью обратился Виктор к Славе. – Повезло тебе с ребёнком, сам, пожалуй, за свою буйную молодость «Три поросёнка» с трудом прочитал!

– Некогда мне тут с тобой рассусоливать, мы спешим.

– Куда ты вечно спешишь, наверняка подрых в своём уютном кабинете на массажном столе.

Сохраняя невозмутимый вид, Климов повернулся к новой блестящей двери. Как бы высчитывая, на какой высоте могла б находиться голова друга, вывел указательным пальцем овал и ударил кулаком в воображаемый лоб обидчика.

Металлическая дверь завибрировала и отозвалась жалобным гулом. Хозяин, улыбаясь и словно продолжая поднуркивать, предложил вести себя поприличней. Затем, не удержавшись, поделился причиной повышенного настроения:

– Знаешь, какие я себе сегодня туфли на распродаже купил! – шлёпая домашними тапочками, подошёл к столу. С бережливой заботливостью взял пару летних туфель и, желая хвастануть обновкой, вернулся в прихожую.

Казаков любил красивые вещи. Мог подолгу бродить от одной товарной полки к другой. Даже на покупку, казалось бы, элементарных зимних перчаток всегда тратил массу времени, покуда не подберёт подходящее на все сто.

Климов, сохраняя молчание, послушно подставил обе ладони. Виктор со словами: «Смотри, очкарик!» (он никогда за все годы знакомства не акцентировал своё внимание на отсутствие зрения у друга) с самодовольной заботливостью опустил фирменную обувь на подставленные руки. Зная неординарность обще-

ния друзей, присутствующие замерли, ожидая чего-то новенького. Слава с загадочным лицом некоторое время пробовал обувку на вес. Затем, передразнивая друга, бережно, двумя пальчиками, взял одну кожаную туфлю и, подкинув ее, пнул, как футбольный мяч. Та, подчиняясь команде, подлетела и, выделяясь чёрной кляксой на белой плоскости, прилипла к потолку. Будто осознавая, что она там совсем не к месту, с виноватым видом ненадолго задержалась и, согласно гравитации, полетела на пол.

От неожиданности и стремительно разворачивающихся событий хозяин покупки остолбенел. Да, впрочем, и не только он. Покуда все ещё пребывали в оцепенении, гость подкинул оставшуюся туфлю и со словами: «Ты на что молишься, бездельник!» – с силой пнул и её. Та под ударом, кружась в дугообразном движении, отправилась в дальний угол.

– Да он сошёл с ума! – выйдя из ступора, закричал Виктор. – Настя, Ленка, как вы с таким придурочным живёте?!

Анастасия, застыв от фантастической сцены, стояла сияющая, по-прежнему прижимая подарочный набор к груди. Её серо-голубые глаза блестели восторгом. (На слова: «Климов, когда ты уже повзрослеешь?» дочка всегда шептала отцу: «Папа, пожалуйста, оставайся таким, не надо взрослеть»).

Лена, жена разбушевавшегося, с улыбкой, однако страдальчески, произнесла:

– Да, Витя, вот так всю жизнь и мучаюсь...

И лишь только Елена – супруга поэта, шокированная такой манерой общения, продолжала стоять, переводя взгляд то на летающие туфли, то на мужа, то на невероятную семейку.

Обменявшись прощальным рукопожатием как ни в чем не бывало, друзья заговорили о деле:

– Послушай, очкарик, мне нужна твоя помощь.

– Короче, Склифосовский, без лирики.

– Как ты знаешь, у меня опубликован третий сборник стихов. В октябре будет презентация, приходите и гитару захвати.

– Ты же не хуже моего знаешь, что я нервничаю до, во время и после таких мероприятий.

Казаков, посерьёзнев, уточнил:

– Это мне надо...

И получил вполне ожидаемый ответ:

– Хорошо...

Субботним полднем, с трудом припарковав машину в центре города, климовская супружеская пара подошла к центральному входу в краевую библиотеку. Висевшее на большой двери маленькое объявление сообщало, что в связи с ремонтом – вход со двора. Нервным движением Вячеслав отыскал телефон в кармане осенней куртки и раздражённым голосом начал с наезда:

– Казаков, всё у тебя не как у людей! Откуда нам знать, где находится вход со двора?..

Вскоре появился степенно шагающий и широко улыбающийся виновник торжества. Поцеловав Лену в щёчку, правую руку подал Климову для приветствия, левой дружески хлопнул по плечу и сказал:

– Не психуй, давай гитару и топай за мной.

Не выпуская ручки зимнего чехла гитары, тот сразу ответил:

– Гитару я тебе не доверяю, а впрочем, и никому, давай, показывай, куда идти.

Поднимаясь в сопровождении поэта по лестнице и увидев плакат с его фотографией, Лена восторженно воскликнула:

– Ой, Витя! Какой ты красивый! Да в красной рубашке!

И, приостановившись, стала рассматривать красочное изображение. Аккуратным движением руки муж отодвинул жену в сторону и, подойдя поближе, плюнул в афишу. Елена, растерявшись от неожиданной выходки супруга, воскликнула:

– Ты что творишь? Ведь люди смотрят!

На что тот, даже не задумываясь, с невозмутимым, но слегка проказливым видом произнёс:

– Это для того, чтобы нашего ноздреватенького не сглазили. Представь, сколько разных людей пялятся на него в течение дня. А ты что подумала? – обратился он к супруге, повернувшись.

Виктор, ухмыляясь художеству и находчивости друга, слегка подталкивая его в спину, добродушно поторопил:

– Давай, давай, иди дальше. Время уже начинать.

В небольшом конференц-зале гудел собравшийся народ. За столом – так называемым лобным местом, слегка смущённые обилием людей, сидели Тузы – поэт Николай и его жена – прозаик Галина. Хотя – сначала прозаик, им она

стала раньше, чем женой Николая. Супругов напрягала роль ведущих, им предназначавшаяся. Как и Казаков, они не любили помпезности и всячески старались этого избегать. Однако данной троице, известной своим творчеством в литературных кругах, сегодня раствориться в толпе навряд ли удастся.

Свернув резко вправо, Климовы быстро поднимались по редким мягким ступенькам в конец зала. Стараясь перекричать ор, Виктор повысил голос и кинул удаляющейся семейной паре вдогонку:

– Славик, иди к нам!

На что сразу же получил многообещающий ответ:

– Нет уж, мне надо настроить гитару. Да ещё, как и положено на таких мероприятиях, я хочу слегка вздремнуть...

Вскоре люди стихли, виновник торжества, держа в руке свой новый сборник «Сентябрь в тёмно-синем», открыл встречу, связанную ещё и с его шестидесятилетием. поприветствовав гостей, Виктор обвёл взором собравшихся и с присутствующим ему лёгким сарказмом произнёс:

– К сожалению, сегодня здесь отсутствуют оппоненты...

С галёрки не до конца заполненного зала, вклинившись в возникшую паузу, забавы ради прозвучало отчётливое:

– А ты не беспокойся, трудности я тебе сегодня обеспечу!

И несложно было догадаться, кто продолжал вносить смуту в собрание местного бомонда и ему соперничающих.

– Слава, веди себя поприличней... – обратилась вполголоса жена к мужу.

– А вы мне, девушка, не указ. Понаехали тут... Житья от вас нет... – тихо, но опять-таки по-хулигански пошутил он, склонившись над гитарой и пытаясь услышать тонкий звук спаренных струн.

(Елена по отцу была осетинка, а по матери – украинка).

– Вот же зараза какая, я больше с тобой никуда не пойду... – шёпотом, также шутливо ответила она. Остроту его забав понимали далеко не все, в отличие от близких и друзей.

Не успела двенадцатиструнка после температурного перепада прийти в себя, как Виктор вновь обратился к гитаристу:

– Давай, Славик, с тебя и начнём!

– Давай! – быстро согласился он. – А то меня кондратий хватит...

Елена помогла мужу выйти и разместиться между притихшей публикой и литературной тройкой. По ранней договорённости с Казаковым, они с ним были одеты в светлые сорочки с длинным рукавом, строгие брюки с наглаженными стрелками и чёрные туфли.

Представший перед залом быстро перебросил через голову широкий гитарный ремень и поправил инструмент. Стараясь успокоить себя, глубоко вдохнул и, шумно выдохнув, продолжил едва начатую встречу.

По всему было видно, что слова ему давались с трудом. Рассказывал он об известном поэте, но мало знакомом присутствующим участнике афганских событий. Во время исполнения «Цинковой почты» на небольшом экране шла хроника минувшей войны. Желая вывести слушателей из грустного настроения, между песнями под свои мелодии и на стихи Казакова, Слава вспоминал шутейные случаи, связанные с их дружбой. Внимающий зал с оживлённым удовольствием принимал и грустное, и весёлое.

– Пресса достаёт нас обычно раз в год, – рассказывал Вячеслав, – в день вывода советских войск из Афганистана. И вот – очередная дата, которую и праздником не назовёшь, но и «чёрной цифрой» тоже, по мне, ей больше подходит – День памяти. Ну так вот, в телефонном режиме уже назревало предстоящее знакомство с корреспондентом. Не горю особым желанием копаться в воспоминаниях, да и журналистов, мягко сказать, слегка недолюбиваю. Эти пронырливые ребята в поисках жареных новостей не стесняются влезть в самое сокровенное, будь то личная жизнь или переживания травмированной души. Самочувствие участника во время интервью и после публикации их мало интересует. Выслушавшая звучащее в трубке предложение о встрече, я напряжённо думал, как бы увильнуть. Терпеливо дожидался завершения слышимого уже не раз, и тут вовремя осенила замечательная мысль. «Вы знаете, – говорю журналисту, – я не могу в связи с плотным графиком работы в поликлинике. Но ситуация легко поправима, у меня есть знакомый, прошедший Афганистан. Поверьте, лучше Казакова об этой войне никто не расскажет. Да и добавок ко всему, на эту тематику он пишет стихи...». Удачно переведя стрелки, с лёгкостью называю телефонный номер Виктора. Считая, что выигрышно завершил переговоры, сижу с упоённым видом, не скрывая весёлости от своей находчивости. Жена, видя моё сияющее лицо, желает знать причину утренней радости. «Да я одним выстрелом от журналистов открутился и с ранья Казакову напакостил», – отвечаю, одновременно набирая его номер. Довольно часто мы связывались по утрам, используя скайп.

Обмениваемся дежурным приветствием, и я аккуратненько, но с удовольствием сообщаю новость. На что получаю вполне заслуженный и мало ожидаемый мною ответ: «Да я им ещё вчера вечером дал твой номер, сказав, что лучше Климова об Афганистане никто не расскажет. И добавок ко всему, он ещё и под гитару поёт на эту тему...». Имея счёт «один-один», мы рассмеялись и распрощались. На этот раз общения с прессой избежали оба.

Выступающий тронул струны, гитара покорно отозвалась богатым звуком, и Слава запел. Зал послушно перешел от совместного с рассказчиком веселья к сопереживанию поющему.

– Вообще-то, – продолжил он говорить, закончив петь, – мы хвалим друг друга довольно редко, даже, можно сказать, никогда. Но зато я ему часто говорю: «Ты, конечно, Казаков, поэт безусловно талантливый, но человек ты неважный...».

После сказанного Слава повернул голову влево и как будто бы сплюнул на пол. Публика взорвалась смехом. И, словно в доказательство произнесённого, два женских голоса, не удержавшись, воскликнули: «Да, это точно!».

На что Вячеслав, быстро развернувшись, обратился к сидящему за столом, широко и довольно улыбающемуся юбиляру.

– Видал, а ты говорил, что нет оппонентов, а нас уже трое. И ещё надо внимательно разобраться, чем это ты насолил таким прекрасным девушкам...

Слушатели вновь взорвались смехом. А гитарист, подстроив струны, запел. Завершая песню, на словах : «...Ворвался свинец и не отпустил. Скрутил и пригнул к земле...» голос заметно задрожал. Закончив исполнять, Слава снял гитару и, устало поблагодарив публику за внимание, попросил разрешения свернуть выступление. Сидящая в первом ряду пожилая женщина, видя его непростое внутреннее состояние, предложила глотнуть воды. На что Казаков громким голосом посоветовал заменить её на водку. Климов лишь молча перевёл взволнованное дыхание и отмахнулся, выражая всем своим видом и жестом руки их коронное и неизменное: «Да пошёл ты...».

Ровно год спустя их вновь собрал юбилей, но теперь уже – пятидесятилетие Вячеслава. Именинник встречал гостей в оригинально-стильных очках «Рай-Бан». Пару-тройку дней назад Казаков, не особо отличавшийся от своего друга по части выходок, опять-таки умудрился выкинуть номер. Зная, что сослуживец решил приобрести новые солнцезащитные, неизменно непроницаемые для посторонних взглядов тёмные очки, сказал: «Не мудри, у меня знакомая держит магазинчик, поэтому я смогу выбрать и по разумной цене взять, что понравится».

Вручение подарка осуществлялось довольно экстравагантно. Они договорились встретиться вечером после трудового дня. Супруги, выйдя из поликлиники, сели в припаркованную напротив центрального входа машину. Слава, придерживаясь договорённости, сразу отзвонился Витьку. Последний в этот момент находился в полулежачем положении, вдобавок ко всему – с открытым ртом, у стоматолога. Однако это ему вовсе не помешало остановить лечебный процесс и ответить на ожидаемый звонок. Раздражённым тоном (по вполне объяснимой причине) выпалил: «Да я у стоматолога!». Продолжение своей чудесной неожиданностью застало врасплох даже Климова. На что уж он был мастак на такие штучки, но тут... В тишине автомобильного салона из мобильной трубки

довольно отчётливо прозвучало обращение к доктору: «Я ненадолго отлучусь, мне так надо. Всего лишь пару минут». И тут же взялся объяснять Климовым, куда необходимо подъехать. Привыкшая к таким «бомбам» Елена завела двигатель и, влившись в суматошный автомобильный поток, выехала в заданном направлении. Благо, точка прибытия находилась буквально за двумя углами. Однако всё обстояло не так легко, как думал сорвавшийся со стоматологического кресла. Машина, соблюдая правила движения, проехала мимо стоящего на тротуаре Виктора и припарковалась немного дальше. На протяжении всей поездки мужчины продолжали телефонную словесную перестрелку. Вячеслав, правда, больше помалкивал, да и понятно, ведь ехал на примерку желанного подарка. Раздражённый голос Казакова слышался синхронно и из мобилы, и в открытую форточку: «Куда вы делись? Долго я ещё буду ждать?!», – разорвался он. «Да не ори ты на всю улицу! Разуль глазки-фугаски, даже я твои вопли слышу. Смотри внимательней, мы на чёрном кроссовере RAV4», – выпалил Вячеслав и «отбил» трубку. Дверь распахнулась и в салон ввалился раздосадованный Казаков. Хамовито плюхнулся на переднее пассажирское сиденье и, сменив тон на уважительный, поздоровался, но только с Леной. Быстрым движением вынул из кармана осенней куртки два футляра. Аккуратно достал и передал новые очки сидящему на заднем сиденье будущему имениннику. Тонированные стёкла «Тойоты» позволяли без оглядок на любопытных прохожих спокойно заняться примеркой. Обновка соответствовала требованиям. Виктор таким же быстрым движением сунул другу ещё одни очки. Вячеслав опробовал, и снова с тем же положительным результатом. И тут началось...

– Я выбираю «Рай-Бан»...

– Бери и те, и те...

– Нет, мы так не договаривались, я знаю, сколько они стоят.

– Одни от меня, а другие от моей Лены...

– Нет, я так не согласен.

Казаков, вполголоса бранясь в адрес упрямца, схватил лежащие на автомобильной «торпедке» два жестких чехла, слегка развернулся и со словами: «Подавись!», киданул футляры через левое плечо в потенциального юбиляра. Нервным движением дёрнул ручку и, даже не попрощавшись, громко хлопнув дверью, быстро зашагал, вколачивая каблучки в тротуар. «Эй, психопат, спасибо! А дверью будешь хлопать от своего холодильника! Привет Елене, и ждём вас в субботу к пяти вечера...», – крикнул Слава вдогонку.

Анастасия, увидев отца в обновке, по-молодёжному оценила:

– Некисло живут ветераны в нашей стране, «Рай-Бан» носят.

Для отца было достаточно, чтобы понять – подарок подошел.

– А это, доченька, ты сама знаешь, заслуга не государственная, а как там у Высоцкого:

«...Надеемся только на крепость рук,
на руки друга и вбитый крюк,
И молимся, чтобы страховка не подвела...».

За праздничным столом они сидели рядом и, как всегда, балагурили и смешили гостей. С учётом прошедшего Настенькиного дня рождения (за три дня до отцовского), Казаков, не изменяя привычке, подарил Славиной дочке книги. Подписал имениннице свой новый сборник, да не просто так, а в стихах, ей посвященных.

Когда гости слегка разомлели от выпитого вина и виски, Виктор предложил хозяину выйти на перекур. Прикрыв за собой пластиковую дверь, они перешли из гостиной на открытый балкон. В лицо ударил свежий осенний воздух.

Гуляющий на уровне девятого этажа ветер не сразу позволил зажечь сигарету. Гость затянулся и выпустил светлое облачко. Подхваченный дуновением дым улетучился и бесследно исчез.

– Мне вот такого балкона не хватает. Неплохо устроился, очкарик, хата, вероятно, квадратов на сто будет, да с тремя балконами.

Улыбаясь в ответ независтливому гостю, Слава, соглашаясь, ответил:

– Спасибо твоему другу Михаилу Кузьмину. Будучи мэром города, многим «афганцам» с жильём помог. Они, вместе с тогдашним губернатором Петром Марченко, в одиннадцатизэтажке на Тухачевского три подъезда ветеранам боевых отдали. Во всей России такого не было и уже наверняка не будет. Где это видано, чтобы глава города приезжал на личной машине и возил семью, да в полном составе, по городским новостройкам. Мы тогда, выбирая квартиру, грязной обувкой ему все половички в «Вольве» уделали.

Медленно втягивая в себя дым, Виктор, тем не менее, наслаждался свежестью воздуха и любовался простиравшемся с балкона пейзажем. Не отрывая взора от раскинувшейся панорамы, с нотками благодарности в голосе произнёс:

– Да, Мишка хороший человек и к вашей семье с большим уважением относится. Он теперь в Госдуме.

– Я знаю. А давай ему позвоним.

На что Виктор разочарованно ответил:

– Да у меня его номера нет.

– У нас всё под контролем и, естественно, имеется.

Переговорив с Москвой, они не торопились вернуться в помещение. Осматривая красивый пейзаж, гость спросил:

– Отсюда наверняка Эльбрус виден?

– Да, справа, но только в ясную погоду.

– А что это за пруд за городом – среди холмов?

– Вообще-то в народе его называют Вшивым озером. Но я сомневаюсь, что оно изначально носило такое имя. Просто так уж повелось. Недавно я прочитал, что этот водоём – след ушедшего Сарматского моря, естественное бессточное озеро и ему более миллиона лет. Иные учёные связывают его название с обилием насекомых, которые обитают на поверхности воды: водомерок, циклопов и всяких там водяных блошек. А краевед Прозрителев считал, что сначала оно называлось Уши, в переводе с татарского – «три».

Так татары нарекли найденный неподалёку крест, который был поставлен древними христианами. На этом озере во время перелёта всегда останавливаются для отдыха лебеди...

Приличие заставило друзей вернуться к столу. Но через часик они вновь стояли на прохладном ветру. Ребята, прошедшие огненный прессинг войны, теперь и давно принадлежали другому царствию. Они любили уединение, природу и животных больше, чем... Стараясь спрятаться от шума, незримыми тисками сдавливающими слух и мозг, Вячеслав стоял, прислонившись спиной к холодной кирпичной стене. Ему были под силу длительные физические нагрузки, но только не гудящее столпотворение. Ярко-светлая сорочка с коротким рукавом совершенно не препятствовала осенней прохладе освежать тело подобно бодрящему душу. Подпирая спиной гладко-ребристую плоскость, Слава замер, сунув руки в карманы джинсов. Маски приличия были сброшены, оттого-то друзья были настоящими, а значит, слегка грустно-задумчивыми. У именинника изредка нервно пульсировали мимические мышцы лица, что говорило об утомлённости и внутренней тягости. Утомлённой тягости, давящей, и не только затянувшейся вечеринкой. Молчаливо стоящий Виктор рассматривал ночной город. Засыпающие дома, подчиняясь сумеречной власти, гасили окна и постепенно растворялись в нависающей тьме.

– Устал я, Витёк. Трудно мне даётся работа над повестью. Тридцать лет старался спрятаться от воспоминаний, уходил от тяжёлого прошлого. Пью успокоительные. Руки трясутся, пальцы по клавиатуре не попадают. Иногда ели сдерживаю слёзы. Не думал, что будет так тяжело...

С внимательным пониманием Виктор слушал друга. Оторвав локти от балконных поручней, выпрямился и аккуратно опустил окурочку в стоящую на подоконнике металлическую банку из-под оливок. Спокойным движением вынул ещё одну сигарету и закурил снова. Теперь Вячеслав ожидал ответных слов.

– Знаю, Слава, знаю. Но только так можно сделать что-то настоящее, только через настоящую боль и переживание. Фальшь сразу будет видна. Душа должна быть обнажена, правда, от этого устаёшь. Я сам себе иногда говорю, что я так пишу, как сам на себя донос. По такому случаю известный поэт сказал как-то: «Застегните душу, господин Есенин, это так же неприлично, как расстёгнутые брюки». От этого устаёшь и замолкаешь...

Виктор повернулся спиной к уснувшему в мерцании разноцветия огненных точек городу. Прислонившись к балконной перегородке, без интереса посмотрел на погасшую сигарету. Падающий сквозь тюлевые шторы яркий свет большого окна окрасил его одежду и задумчивое лицо в желтоватые тона. Взгляд Казакова проникал сквозь стекло и занавеску и даже как будто сквозь сидящих за длинным праздничным столом гостей. Недолго помолчав, с грустью продолжил:

– Ты знаешь, у меня был в жизни период, когда я просто устал от потока рифм и слов, которые одолевали мозг. И в горячке усталости сказал: «Господи! Я больше не могу. Хватит!».

Даже и не заметил, как всё пропало... Проходит неделя, месяц, а в голове всякая всячина – всё, кроме стихов. И вот тогда я ужаснулся своему поступку. И вновь взмолился, но теперь просил прощения. Постепенно всё вернулось, так же незаметно, как и исчезло... Друзья, понимая необходимость возвращения, не сговариваясь, засобирались. И уже перед дверью Виктор, чуть задержавшись и взглянув на друга, сказал:

– Обязательно пиши о своих переживаниях и размышлениях. Глубоко и, знаешь, просто вот как Владимир Семёнович Высоцкий. Открывайся в строчках ровно настолько, насколько чувствуешь сам. Я ж тебя знаю, эту границу ты видишь уверенно...

Вернувшись к гостям, дружки взялись за струны. Лет этак пяток назад они обменялись гитарами. Старший передарил свою двенадцатиструнку, требовавшую большего умения и навыков. Взамен получил тоже ленинградскую, но уже шестиструнку. А сейчас инструмент переходил от одного к другому. Поэт пел как бог. Двенадцатиструнка ликовала и плакала, старательно передавая одновременно энергию и скрытую душевную боль афганцев. Поэт словно вбивал и вбивал последний гвоздь. Последний творческий гвоздь в своё распахие...

Подобно крупинкам песочных часов незаметно посыпались зимние дни, и неизбежно наступила весна. В день, когда по всей России миллионы людей ждали последнего школьного звонка, раздался другой, никем не ожидаемый звонок. Приятной флейтой мобильный телефон позвал к себе Климова. В трубке грустный женский голос сообщил: «Умер Виктор Казаков. Сердце...».

Играя каждой клеточкой живущих, гуляла смерть. Сплетаясь с запахом сырой земли, текли последние вязкие минуты. Стоявшего поодаль Вячеслава про-

бирала мелкая дрожь. Волна нервозности, подобно ряби на воде, нарастала и ненадолго спадала. Прижимая платок к лицу, он старался спрятать судорожно пульсирующие мимические мышцы. В такие минуты над ним непременно властвовало тяжёлое ранение в голову. Пребывая словно в невесомости, он всё пытался и пытался вытянуть из остолбеневшей памяти стихи уходившего друга. Та, отказываясь подчиниться, выдавала лишь: «...Ты, конечно, убит...».

...Заплаканная сотрудница краевой библиотеки Маргарита Воронова сдавленным голосом обратилась к Лене Климовой: «Подведите Славу поближе, Виктор так его любил...».

... Развеваясь унылостью на лёгком ветру, триколор опустился траурным саваном на гроб. Выделяясь ровными геометрическими углами, он был схож теперь с солдатским погоном. Могильным колоколом трижды ударил почётный караул. Пронзив мозг и частоколobeliskов, рвануло эхо. Рвануло и быстро увязло в вечном покое каменных плит и чужих фотографий. Чёрным облаком над Игнатьевским кладбищем поднялось испуганное вороньё. Преодолевая озноб, Слава всё пытался оживить упрямые строчки. Находившаяся поблизости женщина предложила настойку боярышника. Открутила маленькую крышку и со словами: «Это спирт» вложила плоскую металлическую фляжку в Славину дрожащую руку. Сделав три привычных глотка и не чувствуя обжигающего напитка, вернул настойку. И вот – приятным теплом понеслась по жилам послушная кровь. И упрямая память вдруг ожила.

...Ты убит. Странно думать и страшно представить.
Опечатку... ошибку... исправят в конце-то концов.
Тем не менее, факт – тусклый рубль посмертной медали.
Тем не менее, факт – почерневшее чье-то лицо.
Вилки нет на столах... Видно, просто забыли про вилки.
Может, просто забыли включить электрический свет...
Тем не менее, факт – скорбный звон поминальной бутылки...
И склоненное знамя платка на моем рукаве.
Голубые мундиры брезгливо, как в общей уборной,
С элегантною подошвы счищали могильную грязь.
Ты, конечно, убит, если льются из медного горла
Золотые слова, что живым не слышал отродясь.

Стихи последние аплодисменты поэту. Бесконечно сыпавшаяся земля пронзительной дробью невыносимо долго давила на душу и слух... По-прежнему не ведая усталости, крупинки календарных дней вращали жизни колесо. Отщёлкнув год, крутнулись вновь песочные часы.

Замкнувшись на ключ в 224 кабинете массажа и плотно задвинув оконные жалюзи, Слава пытался спрятаться от людей и вновь пришедшей весны. Сняв тёмные очки и прикрыв ладонями лицо с засевшими в него осколками, устроился, упершись локтями в письменный стол, глубоко погрузившись в себя. Мерцающая световыми индикаторами, старенький музыкальный центр крутил лазерный

CD-диск. Возможно, оттого, что Вячеслав играл на гитаре, знал и сам пел песни об афганской войне, слушал он их довольно редко. Воспоминания о службе накрывали под советского гитариста-виртуоза Валерия Дидюлю. Восточная музыка, сумевшая сохранить свою древность, во всех тонкостях передавала переживания и чувства побывавшего на этой земле: «Арабика», «Мираж» и неизменная «Дорога на Багдад» (переименованная им в «Дорогу на Саланг»). Принято считать, что родина у человека одна, но Афганистан для этих воинов навсегда остался второй родиной.

Перед Славой «лицом вниз» лежали две книги. Слева – небольшой сборничек стихов «Сентябрь в тёмно-синем» Виктора Казакова. Рядом – ещё пахнущая свежестью бумаги и типографской краской Славина автобиографическая повесть «Сон весёлого солдата», на обложке которой бронзовыми буквами были напечатаны стихи:

Афганистан. Осколки октября.
Незримые потоки теплой боли.
Ночным цветком взошла над минным полем
Моя последняя рассветная заря...
Я вижу сны...

Через перепет «Сентября...» шел рисунок извилистой трещины на светло-зелёной стене, трещины, походившей на оголённый нерв. Слава сидел, слушая мелодию и погружившись в воспоминания.

...Красивое голубое небо не препятствовало светилу властвовать над землёй.

Высоко в поднебесье, распластавшись на восходящих потоках горячего воздуха, одиноко кружил горделивый «смотритель пустыни» – гриф-стервятник. Петляя между сопок, два бронетранспортёра с автоматчиками, вырвавшись на ровную поверхность чужой земли, прибавили скорость. Боевые пятнистые машины, сливаясь с местностью и сохраняя дистанцию, двигались след в след.

Выжженная саванна лежала, словно чистый лист бумаги. На горизонте зеркальной дрожащей кляксой блестел завораживающий мираж. Редкая, давно высохшая трава трухой оседала на землю. На пути показалось пристанище для кочующих пастухов – одинокая глинобитная хижина. Спешившиеся солдаты, лёжа на бронешилетах и пристреливая оружие, палили в дувал. Глубокая старая трещина разводила глиняную стену на две неравные половинки. Расселина, олицетворяя след времени, походила на застывший извилистый нерв. Врезаясь в иссохшую землю, она ползла сверху вниз и слева на право. Указательный палец привычно и мягко давил на спусковой крючок. Оглушительные выстрелы, нарушая вековой покой саванны, подобно кругам на воде возмущённым эхом плыли над её раскалённой бежевой гладью. Разбрызгивая земляную крошку и пыль, пули вязли в сухой глиняной морщине. Расползаясь от зримой трещины, война подбиралась к солдатам своими незримыми щупальцами. Приклад послушно бил в правое плечо. Трещины, пока что без боли, упрямой паутиной на стекле

проникали в солдатские сердца. И чем глубже они впивалась, тем больше чистое стекло юных душ теряло свою безвинную прозрачность и целостность. Война, не разделяя на своих и чужаков, монотонно увеличивая зону владений, обвивала людей паутиной боли, страха и смерти. Не имея представления о сроке давности, она сеяла разрушительный хаос во внутренний и внешний миры.

...Красивая восточная мелодия, с лёгкостью ветра надувающая паруса прошлых событий, всё несла и несла Славу в горно-пустынные дали... Память рисовала далёкую Азию, а он, не пытаясь избавиться от картинки воспоминаний, всё сидел, прижимая ладонями застывший след минувшей войны.

Полбеда, когда повествовать не о чём, но вовсе беда, когда после прочтения и задуматься не о чём... Замершие в типографском шрифте мысли и переживания в сборнике стихов и автобиографической повести покоились рядом на письменном столе. Им, подобно своим авторам, было о чём рассказать, но они могли и просто молчать. Две судьбы, две книги всегда стремились и будут стремиться сделать мир светлее и шире...

Лирик-поэт и недостреленный писатель...

г. Ставрополь
Май, 2018 г.

Литературная премия

Рассказ

Не скажу, что на шармачка, но мне от жизни неожиданно перепало 200 тысяч рублей – выразаться культурно меня обязывает теперь новый статус – писателя, к которому я так и не привык. Да и о каком писательстве может идти речь у, так сказать, нежданно-негаданно, даже для себя, вломившегося в литературное сообщество. У меня и по русскому-то языку в старших классах средняя оценка была между тройкой и четвёрткой, хотя начальную школу вообще-то окончил круглым отличником. Но поскольку это моё, словно радужный мыльный пузырь, распадет новость краевого масштаба, оставим былое.

...Звание лауреата Губернаторской премии присвоили за автобиографическую повесть «Сон весёлого солдата». Ласкающее слух известие, приподнимая и без того торжественное настроение, настигло меня в подмосковных Химках в штабе общественной организации «Боевое Братство». Туда мы прибыли из Ставрополя с моим давнишним другом Саней Андреевым на празднование 30-летней годовщины вывода советских войск из Афганистана.

В связи с плохой погодой в Москве вылет из Минеральных Вод задержали, однако в Шереметьево нас все равно встретил Виктор, Санин командир, действующий офицер ГРУ, по этой самой причине не позволивший назвать свое ФИО.

Вроде как мы и не очень опаздывали, но по вине снегопада и автомобильных пробок все же не успели на автобус с ребятами, прибывшими на наше мероприятие со всей России. Устроившись втроем в безлюдной кафешке, мы ждали дополнительного транспорта, пили зелёный чай и, конечно, вспоминали, вспоминали землю Афганскую. Тогда и раздался звонок на Санькин телефон – мой говорящий айфон умер по причине разряженного аккумулятора. Разведка из Ставрополя докладывала: писательская комиссия единогласно одобрила мою повесть как заслуживающую Премии губернатора.

Вскоре, минут через сорок, мы ехали в полупустом комфортабельном автобусе по направлению к Звенигороду – там предполагалось место нашей дислокации. Подсоединив свой телефон с помощью шнура к разъёму USB, предусмотрительно расположенному в спинке переднего сиденья, сразу отзвонился домой. Очень мне хотелось оживить новостью тихое домашнее болото, и, к моему

удовольствию, это удалось. В трубке в ответ на сообщение прозвучало дружное девчачье «Ураааа!». В тот момент жена Елена и доченька Настя, сидя за кухонным столом, распивали чай с вкусняшками и смотрели по ноутбуку сериал «Сваты». Причина таких домашних посиделок была банальна и до соплей обидна. Анастасия, съездив на студенческих каникулах в гости к подружке, подцепила там ветрянку. Сия болезнь, обычно протекающая в раннем возрасте, доставляет массу серьёзных проблем не переболевшим в детстве.

Девчачья радость же по поводу премии была понятна. Во-первых, мы все переживали за судьбу книги, а во-вторых, в случае победы, на премиальные им было обещано каждой по дублёнке.

Пожелав своим девочкам спокойной ночи, откинул спинку кресла и наконец-то расслабился. Убаюкиваемый монотонным автобусным гулом и теплом пуховика, вскоре уснул.

...Празднование 30-летия проходило организованно и дружно. Первый день – ознакомительно-координационный. На второй – автоколонной из нескольких десятков автобусов двинулись на Москву. Дисциплинированно и чётко, под звуки духового оркестра, полуторатысячной колонной прошагали по городским улицам к парку Победы. На Поклонной горе, у памятника Воину-интернационалисту, – короткий митинг и возложение цветов.

Звуки военного марша, развевающиеся красные знамёна, честно заработанные боевые ордена и медали на свежешоштых формах, по цвету и фасону схожих с теми, в которых мы воевали в Афганистане, – всё в большой степени походило на демонстрацию силы, что, в общем-то, неудивительно для военных. Нам хотелось показать себя во всей красе, в том числе и высокому начальству. А еще нам хотелось продемонстрировать, что прибывшие в сердце России солдаты и офицеры, сполна вкусившие горький опыт войны и беспредел перестройки, в глубине души против революций и войн.

В этом родное государство на нас может положиться. Однако, если что... Мы всегда готовы... Как говорится, раздражённого не раздражай... Но, как это ни печально, за высокими кремлёвскими стенами высокое начальство отсутствовало. Несмотря на выходные дни, оно трудилось где-то вне нашей видимости и съезда афганцев не посетило.

...Ну да ладно, вернёмся к приятной новости – премии. Хоть меркантильность – не самое лучшее человеческое качество, и желание жить ради себя любимого не красит homo sapiens, и всё же... Приятна оценка твоего творчества и в денежном эквиваленте! Месяц спустя после возвращения из Москвы позвонили из министерства культуры и попросили срочно принести пакет документов, а ко Дню работников культуры, 24-го марта, пообещали премию вручить. Сей праздник, ранее остававшийся нами незамеченным, теперь навсегда запал в мою память. Мы послушно прибыли в назначенное время в соответствующий кабинет здания на улице Булкина.

Сложив ручки поверх лежавшей на коленях дорожной компьютерной сумки, я сидел тихо и смиренно. Что на меня, можно сказать, не похоже. Жена и доченька обычно умоляли молчать в незнакомых местах. Они наставляли: «Даже если из-за отсутствия человеческой речи тебе кажется, что мы одни, всё равно молчи и vedi себя прилично». А мне всегда думалось, что если моего слуха не достигают голоса и шорох телодвижений, значит, посторонних рядом нет. И эта ошибочная уверенность довольно часто приводила к конфузам.

Но на сей раз, согласно девчачьей инструкции, сидел себе спокойно и думал: «Где тебя, Слава, в твои 52 только не носило, но в минкультуре ты еще не бывал». В то же время Елена писала заявление от моего имени (так бывает у нас регулярно, ведь из-за нулевого зрения на меня надежды мало, но расписываюсь всегда сам). Выводила она своим аккуратным почерком буквы, шурша бумагой в тихом и, как ни странно, прокуренном кабинете, и всячески скрывала недвусмысленную улыбку по поводу документа. А документ гласил, в частности: «... известному и заслуженному деятелю культуры...».

Лена писала и думала: «Ну, Климов, теперь ты почти что ЗАСРАКУЛЬ». То есть, Заслуженный работник культуры. Выйдя на свежий уличный воздух, поделившись друг с другом мыслями и новыми ощущениями, мы рассмеялись.

...В пятничный полдень той же недели мы сидели в актовом зале министерства и ждали начала торжественной церемонии. Мои душевные переживания были разнообразными, но доминировало одно – чувство стреляного воробья в стае важных голубей. Организаторы заботливо устроили нас в первом ряду. По левую руку от меня сидел Николай Борисенко, помощник губернатора по делам ветеранов. Справа важно сопел писатель со стажем (как выяснится позже). За спиной, в третьем ряду, расположилась группа поддержки: поэт Николай и прозаик Галина Тузы и, естественно, Елена с профессиональным фотоаппаратом «Никон» в руках. Она с давних времён, ещё с начала нашей супружеской жизни, столкнувшись с навязчивой бестактностью журналистов, старалась избегать общения со СМИ и фотографировала все сама.

Доченька Анастасия отсутствовала. После болезни ей приходилось, помимо текущих лекций, сдавать «ушки», что на студенческом сленге означает «уважительные пропуски». Некоторые из преподав юрфака Северо-Кавказского университета считали, что больничный – это не уважительная причина. Возникал вопрос, а зачем тогда он нужен, этот больничный? Надо было идти на учебу и заразить всех инфекционным заболеванием.

...В небольшом уютном зале тихо играла оркестровая музыка. Я сидел в тёмно-синем костюме и медленно закипал. Мою шею сдавливал воротник нежно-фиолетовой сорочки, плюс еще и подарок наших друзей Андреевых, – серебристый, в мелкую крапинку германский галстук (будь он неладен). В левое ухо, совсем некстати, бубнил Борисенко: «Ты почему орден не надел?». «А ты говорил, что так надо?». «Мог бы сам догадаться». «Сюда-то зачем?». «Вот как раз сюда и надо. Пусть знают, что мы не только солдаты, но и писатели». «Ну, ты-то к

светскому обществу не примазывайся, солдафон». «Да пошёл ты...», – улыбаясь, ответил он. «Вы, Иваныч, в чиновничьих кругах – человек уважаемый, но, как известно, мне пофиг, и послать могу куда дальше твоего. Сиди да помалкивай и не делай мозги. Ты здесь всего лишь как сопровождающий».

...Музыка наконец стихла, и, прервав нашу вполне обычную по стилю беседу, задержавшись минут так на десять, торжественная встреча началась. Министр культуры Татьяна Лихачёва, произнеся вступительную речь, сразу назвала мою фамилию. Сцена и, соответственно, ступеньки к ней отсутствовали, поэтому мы с Борисенко быстро и беспрепятственно оказались в центре внимания. Прозвучало ожидаемое: «Награждается! Дипломом лауреата Премии губернатора Ставропольского края известным деятелям культуры и искусства края за 2018 год в области литературы имени А.Т. Губина Климов Вячеслав Анатольевич за книгу «Сон весёлого солдата».

Николай шепнул, теперь уже в правое ухо: «Скажешь?». Я был готов. Уж что-что, а трюндеть умею. Наверняка поэтому и повесть написал. Министр вложила мне в руку беспроводной микрофон. В зале было тихо, лишь щёлкали фотоаппараты. Я заговорил негромко и взволнованно о том человеке, премию чьего имени получал сегодня, и о его семье: «Кто бы мог подумать. Ведь 30 лет назад, после войны в Афганистане, мне довелось быть знакомым с семьёй Губиных. Наше общение началось со встречи с главным режиссёром Пятигорского телевидения Маргаритой Губиной. В те годы она вела серию передач «Солдатами не рождаются». Затем, во время моей учёбы в Кисловодском медицинском училище (Губины тоже жили в этом городе), они с мужем Андреем Терентьевичем приходили в гости, а я иногда бывал у них. Андрей Терентьевич подписал и подарил мне свою самую известную книгу «Молоко волчицы». Но вскоре он ушёл из жизни. Затем, в беспринципные 90-е, трагически погибла Маргарита Николаевна. И когда я уже несколько лет жил в Ставрополе и трудился в городской физиотерапевтической поликлинике, по удивительному совпадению работал в одном кабинете с врачом Андреем Губиным-младшим. Однако вскоре он неожиданно умер от сердечной недостаточности...».

В зале повисла тишина, словно люди и стены превратились в одно большое ухо. Грустно выдохнув, выступление свое закончил словами: «Светлая память ушедшим. Здоровья и удачи живущим». Вернув микрофон, обменялся подарками с Татьяной Ивановной, она мне – диплом, я ей – книгу.

Мы с Борисенко уселись на свои места, а министр продолжила приглашать лауреатов и стипендиатов.

Торжество длилось больше часа. На всеобщее обозрение выходили актёры театра имени Лермонтова, танцоры Ставропольского казачьего ансамбля. Художники и поэты, писатели и кукольники.

Вскоре вызвали моего соседа справа. И все сразу узнали, что его перу принадлежат более трёх десятков книг. Причём спрашивать местного писателя об

этом никто и не собирался. Его свинцовый голос с вкраплением ноток серого цвета мой мозг отказывался воспринимать (обычно так происходит во время прослушивания не нравившихся песен или музыки): тугой, с заусеницами, словно высохший механизм. И проблема была отнюдь не в возрастных изменениях голосовых связок. Ноты превосходства и собственной значимости выудили из памяти детские ассоциации.

...Совсем давно, в детсадовском возрасте, еще живя в Богословке, я наблюдал, как соседские птицы, правда, не умеющие летать и наверняка дальние родственники заморских павлинов, вели себя аналогично. Индюки, нарушая сельскую тишину и покой, сердито булькали на всю округу. Раздуваясь от надуманного недовольства, они распускали разноцветно-куцые хвосты, отчего становились похожими на мохнатые шары с когтистыми лапками. Казалось, что пернатые вот-вот лопнут и, разлетевшись по переулочку, чудесным образом обернутся маленькими добрыми индюшато-шариками. К моему сожалению, волшебства не случилось, а посему, испытывая к этим птицам не слишком большую симпатию, я всегда обходил забияк стороной. Индюки же, завидев мелкотню-ротозеев типа меня, норовили ткнуть клювом, да куда побольнее.

...Возможно, сейчас я не прав и крючковатого клюва заслуживаю гораздо больше, чем в детстве, но голос... Любой звук имеет цвет. Тем более – звук голоса.

...От нервозности и духоты в помещении спина стала влажной. Я сидел и крутил в руках застеклённую дипломную рамку. Слушал и думал: «Куда тебя опять занесло? Они, возможно, с детства шли к этому событию. А ты...».

А что я? С точки зрения присутствующих, да и, в общем, большинства лицезревших меня на улице или на работе, я просто человек с отсутствием зрения. Хотя многие думают, что всё же с остаточным. Имеющий глаза увидит перед собой твёрдого, как камень, уравновешенного и рассудительного собеседника и вряд ли почувствует истерзанную войной душу. И это неважно, и мне не нужны их жалостливые рассуливания насчёт бессмысленности Афганской войны, после чего в сотни раз мерзопакостней на сердце. Но захотят ли мои сограждане читать и узнавать правду о солдатских изломанных судьбах? Захотят ли узнать, как от точного пулевого попадания в голову тошнотворным холодцом разлетаются мозги? Человеческие мозги, пусть и противника... Смогут ли они спокойно жить и улыбаться, танцевать и играть театральные роли, когда в память намертво впечатались обезумевшие от болевого шока глаза мальчишки, который, не задумываясь, закрыл собой командира – всё от той же пули, но вражеской, – и напрочь лишился нижней челюсти... Или как другого мальчишку переполовинила итальянская мина, и он, оставшийся без ног, от дикой боли метался по окровавленным камням. Как кричал матом, чтобы ему вернули автомат, и что всё равно он жить не будет. А уцелевшие ребята, чувствующие себя без вины виноватыми, от беспомощной безысходности вжимая головы в плечи, прятали испуганные глаза от разорванного, истекающего кровью боевого друга... Забыть это не под силу даже самому сильному. Забыть нельзя, а вот не повторить подобное можно и нужно. Поэтому надо писать. Даже если душа в

лохмотья, даже если большую часть жизни не видишь белого света, даже если без писательского образования и опыта, надо, надо писать...

...Вытирая платочком влажный лоб и нервно поправляя тёмные очки-капли, вспоминал слова редактора книги, Галины Туз – как акт самозащиты, как контраргумент: «Слава, перед лицом литературы мы все равны. Будь ты с литературным образованием и творческим опытом или нет, ей всё равно. А графоманы были и будут всегда...». Погоняло «Графоман» было не совсем понятно, однако обращаться за разъяснениями стеснялся. Наверняка, на культурный манер, это есть своеобразное ругательство.

...Помня, что внутреннее состояние имеет пакостное качество – проявляться на физиономии, всячески пытался вернуть себя в праздничное настоящее. Но, надо признаться, трюк под названием «надеть маску на лицо» практически всегда оставался малоуспешным. А посему у меня было два желания. Первое – побыстрее смыться. Похожие чувства я уже испытывал в юношестве, во время уборочной страды в 1984 году. В тот жаркий летний день прямо в поле пожаловала делегация с переходящим Красным Знаменем. Стоял я перед ними, сжимая флагшток, а за спиной, упершись жаткой в золотистое пшеничное поле, ждала новенькая «Нива». Сослался на простой комбайна, и улизнуть от высоких фраз тогда удалось. На сей раз незаметно исчезнуть из зала навряд ли получится.

...И, наконец, второе желание – нахлестать по фейсу, пусть и настоящему полковнику, Андрееву Сане. За то, что их семейный подарок к Дню защитника Отечества петлёю сжимал мою не привыкшую к этому шею.

...В зале по-прежнему поздравления сменялись рукоплесканиями. Я же, слушая в пол-уха, словно происходящее меня уже не касалось, продолжал размышлять.

«...Кто же я есть, – думалось мне. – Много кто, но с неизменной приставкой «недо». Вот теперь и недоавтор современной прозы». И, желая скоротать время, стал мысленно перечислять: «Недомузыкант. На гитаре играю с седьмого класса. Учились в те годы, передавая единственную шестиструнку из рук в руки. В восьмом классе, когда большая часть учащихся не выучила домашнее задание и соответственно посыпались двойки, математичка Людмила Семёновна Галыгина, нервно завывая тональность и без того тонкого голоса, набросилась на нас: «Ходите с гитарами по подворотням, собак пугаете». Заядлых гитаристов в классе было двое, я и дружок Серёга Дылёв. Ну я, конечно, и не сдержался. С галёрки притихшего класса прозвучала моя собственная точка зрения на проблему: «А это наше личное время, куда хотим, туда и тратим...». За что без промедления, коротко, но настойчиво, мне было велено покинуть класс. Покуда собирал малочисленные канцелярские принадлежности, состоящие из авторучки, тоненькой тетради и дневника, отрицательная атмосфера над склонёнными головами восьмиклассников продолжала нагнетаться. Времени на сборы потребовалось минимум. Не торопясь, демонстративно набросив на правое плечо модную сумку из мешковины с изображением и надписью «Зорро», я двинулся

на выход. Распалённая Людмила Семёновна, по-прежнему на повышенных тонах, обещала разгильдяя (то есть меня) не допустить к экзаменам по геометрии и алгебре, а ведь до выпускных испытаний оставалось всего два месяца.

С того дня, в свободное от познания математики время, бродил я по школьному двору. Погода уже наладилась, и весна буйствовала под стать мне. Классный руководитель Нина Андреевна Березникова уговаривала извиниться. На низкую оценку в подготовке домашки я был согласен. Но на публичное унижение с переходом на личности – нет. Пару раз побывал и в директорском кабинете. Мораль всегда начиналась с одного и того же – моей стрижки. Волосы я отрастил практически до плеч, однако шевелюра всегда была чисто вымыта и аккуратно причёсана.

Просить прощения я отказывался. И, когда уровень предъявляемых аргументов и терпение директора Нины Васильевны Толмачёвой падали на ноль, воспитательный процесс заканчивался практически одинаково – угрозами, что из-за внешнего вида меня вообще не допустят к экзаменам. В ответ я молчал и улыбался, улыбался и молчал. Как мне казалось, вид у меня был вполне приличный и даже привлекательно-неординарный. К чему-либо, помимо длинных волос, придаться было трудно. Мой имидж – всегда наглаженные брюки со стрелками и чистая сорочка. Ну, пусть по фасону и цвету они далеки от школьных, однако чёрный низ – светлый верх вполне соответствовали, как это сейчас называют, дресс-коду.

За месяц до экзаменов две Нины, директор и классный руководитель, всё же уговорили, но не меня, а Галыгину, уступить, и, восстановив нормальный ход событий с молчаливого её согласия, я стал посещать уроки. Экзамены сдал на четвертки, но коротко подстригся лишь спустя полгода, а гитару не оставляю и по сей день, хотя нотной грамотой так и не овладел. Сочинить десяток мелодий для песен – это еще не композитор. Оттого-то считаю себя недомузыкантом. Написать пятёрку-другую песенных текстов, да пару стихов – это ещё не поэт. Значит, и недопоэт...».

...Между тем торжественное мероприятие шло согласно ранее утверждённому плану: радостные победители, поздравительные речи и овации. Мои мысли, цепляясь одна за другую, текли параллельно этому, своим чередом.

«...В армию забрали в танковую учебку. Звание сержанта получил, но в Афганистане попал в сапёрную роту. Быстро, практически в боевых условиях, как это всегда бывает на войне, переучился в инструкторы минно-розыскной службы. Проще сказать, в минёры-кинологи. Опять-таки, недотанкист и недокинолог... По гражданской специальности – медбрат по массажу. Но в медицинское училище поступил не по призванию, а исходя из создавшейся жизненной ситуации. Тяжёлое ранение поставило довольно жёсткие рамки. Значит, и недомедик.

Владею навыками вождения и люблю технику, но по той же самой, зрительной, причине, водить не могу. А значит, и недоводитель. Солдат, награждённый офи-

церским орденом. И снова – недо... А может, наоборот, – «пере...». Орден этот солдатам вручается довольно редко и чаще посмертно. Но я выжил... Нужно всего лишь сменить фокус зрения, и тогда конфликт мечты и реальности перейдёт в самопознание, главным вопросом которого и является вопрос – кто Я? И слова, звучащие подобно упрёку, что каждый должен заниматься своим делом, теряют силу и превращаются в хлам. Да и кто точно и безошибочно скажет, где оно, твоё дело, покуда сам не рискнёшь?..».

«Ну а дублёнки-то купил?», – вполне резонный вопрос задаст любопытный читатель. «Нет, не купил. За окном по-весеннему птички поют, скоро распустятся и запахнут цветочки. До холодов время имеется». «Так и скажи, что деньги зажал. Брехун...». «Ты давай, болтай, да не забалтывайся. Не зажал. Все 200 штук премиальных ушли для доченьки и супруги на туристическую поездку в Италию».

Вот подробности. Февральским вечером, возвращаясь с праздничных мероприятий по случаю, о котором уже было сказано ранее, колона из нескольких десятков автобусов двигалась в сторону Звенигорода. Ноги гудели от усталости. Электронный шагомер за прошедший день накрутил девять километров пути. Казалось, уже в тысячный раз за минувшие сутки в кармане завибрировал телефон. В автобусе звучали военные песни, поэтому пришлось добавить громкость наушника. Звонил однополчанин Александр Ким, с которым, правда, мы общались только заочно, а перед поездкой договорились встретиться и наконец познакомиться. Но в многотысячной толпе, как у памятника на Поклонной горе, так и в Большом кремлёвском концертном зале, увидеться не удалось. Посожалев о несостоявшейся встрече, он с улыбкой в голосе сказал: «Впечатлён твоей книгой, словно вновь побывал в долине Кундуза». Затем, уже посерьёзнев, перешёл к делу: «Слава, я много думал, несмотря на твоё ранение, тебе будет это под силу». И предложил поучаствовать в международном автопробеге «Афганское братство без границ» Москва-Душанбе-Москва, посвящённом 30-летию вывода советских войск из Афганистана. Организатор автопробега, протяжённость которого – 11 тысяч километров, – Благотворительный фонд ветеранов боевых действий «Кундуз-149». Цель – объединить афганцев из России, Узбекистана, Кыргызстана, Таджикистана и Казахстана. В программе запланировано посещение 13-ти городов, где будут даны концерты «Ветеранов группы «Каскад», организованы встречи с родными и близкими погибших однополчан, ветеранами Афганистана, а также выставки – с последующей передачей работ школам – художника из Украины, тоже афганца Василия Вознока».

...Музыка автобусе ненадолго стихла, и из хвоста салона послышался звон «пушнины», как мы в юности почему-то называли бутылки с алкоголем. Землячки из Осетии лили себе бальзам на душу и тело.

В телефонном наушнике Ким пулемётно выдавал инфу: «В автопробег планируем выдвинуться в апреле, на двух микроавтобусах, в количестве 15 человек, чьи кандидатуры пройдут тщательный отбор. Ну и наконец главная наша цель – посещение 201-й российской военной базы, которая после выхода из Афгана переведена в Душанбе, где и состоится, можно сказать, основная встреча с во-

еннослужащими нашего гвардейского полка. Об автопробеге будет снят документальный фильм».

...Выслушав столь неожиданное предложение, я почувствовал, что у меня буквально закипают мозги, и усталость как смахнуло рукой.

Дождавшись паузы, поблагодарил Александра за отзыв о книге, который так необходим писателю, будь то положительный или отрицательный, и задал вопрос: «В чём ты видишь моё непосредственное участие?». «В каждом городе, в школах, гимназиях и кадетских корпусах ты будешь проводить уроки мужества и творческие встречи с детьми как автор повести».

На том и расстались, Ким пообещал позже перезвонить, а я попросил дать время подумать. Хотя, по большому счёту, уже, можно сказать, согласился.

И вот, приехав домой, сидя за ужином в семейном кругу и ещё не остыв от прошедшей четырёхдневной поездки, озвучил новость. Елена, стоявшая у газовой плиты, так и «зависла» от услышанного. Затем, словно очнувшись от ступора, повернулась и произнесла страдальческим голосом: «Климов, я тебе удивляюсь. 25 лет живу с тобой словно на вулкане. И как тебе это удаётся: находить приключения?». «Они меня сами находят, я просто не сопротивляюсь».

«И как ты себе это представляешь? Ехать на целый месяц с незнакомыми людьми... Я тебя не отпущу...». Сидевшая рядом за кухонным столом доченька спокойно и уверенно произнесла: «Ага, давай-давай...». Мол, помечтай, мамочка! Если папа решил, навряд ли его что остановит. И, надо признать, так оно и бывает.

Но компромисс был найден. Я предложил план, обдуманный по дороге домой. Они едут в туристическую поездку в Европу, куда захотят, а я – на таджико-афганскую границу.

...Однако автопробег по не зависящим от участников причинам откладывался. Лишь когда девчата выбрали направление (Италию) и оплатили тур, тогда я признался в нестыковке поездок по времени. И сразу поспешил их успокоить, что заняться мне и дома есть чем, к примеру, необходимо закончить вот этот рассказ. «А как же ты будешь один, что будешь есть, кто повезёт тебя на работу?», – спросили Елена и Настенька.

«Не переживайте, всё будет чики-пуки. Да мне только свистнуть!», – постарался я успокоить девчат. «Я тебе свистну. Нашёлся свистун...», – мгновенно домыслила Лена. «Ты это о ком? Я о друзьях-товарищах, проверенных временем. На работу и обратно попрошу Андреева или Борисенко. С питанием тоже не вижу проблем. В кисловодской общаге, когда учился, выжил, а в домашних условиях – тем более выживу. На первое время вы приготовите, а в последующие дни вспомню забытые кухарные навыки. Да и всегда есть на подхвате Витёк Алембаев, не изменяющий старо-армейскому принципу: «Бронепоезд пропьём, но Родину не предадим!» – не зря же он носит неуставное, но почетное звание десантника – Рекс-ВДВ.

...На том и порешили: они едут на первомайских праздниках, а я – в сентябре. Но вновь умолчал о том, что основная причина поездки на Восток – давнее желание вновь почувствовать землю Афганскую, прикоснуться к ней. Конечно, если удастся, ведь желание, можно сказать, каждого из афганцев в официальные планы путешествия не входит...

Сумасшедший?! Просто контуженный (справка имеется)...

Пыль дорог на вкус и цвет гораздо приятней плесени нитья и бездействия. По крайней мере, лично для меня...

г. Ставрополь
Апрель, 2019 г.

Стриж

Рассказ

Теперь, когда мы научились летать по воздуху, как птицы, плавать под водой, как рыбы, нам не хватает только одного: научиться жить на земле, как люди.

Джордж Бернард Шоу

Оставляя позади зубчатые горы и реки, пальмовые рощицы и пестреющую своим разноцветьем, ещё не высохшую на солнцепёке саванну, чёрные стрижи покидали жаркую Африку после зимовки. Старательно удерживаясь в тёплых потоках восходящего от нагретой земли воздуха, птицы непрерывно работали серповидными крыльями. Лететь им предстояло днём и ночью, останавливаясь лишь на короткие привалы для отдыха. Огибая возникающие на пути дождевые циклоны, они питались, пили и даже купались, слёту прикасаясь к воде. Когда же сумерки опускались на землю, и окружающий мир готовился отойти ко сну, неутомимые стрижи, как бы не желая расставаться с угасающим светом зари, поднимались всё выше и выше. Достигнув напитанной влагой пелены облаков, они пронзали её насквозь и словно попадали в параллельный мир, где под стаяй вместо привычной земли лежала теперь похожая на бескрайнее снежное поле небесная гладь. Некоторое время спустя вся пушистая плоскость покрывалась россыпью едва заметных чёрных точек. Бархатистая ночь оживала звёздным мерцанием, а луна своим холодно-голубоватым сиянием заботливо освещала стрижам путь. Распластавшись всем телом, лишь иногда взмахивая тонкими крыльями, птицы были точно созданы из воздуха и для воздуха. Бесшумно и плавно, как призраки, они плыли над белоснежной бездной, плыли и спали в движении. Проснувшись с рассветом, кружась вниз по спирали, стрижи покидали свою небесную спальню. И вот ранним утром, осилив ещё один ночной марш-бросок, стая преодолела Кавказский хребет. И наконец-то их взору открылись долгожданные родные просторы. Когда же совсем рассвело, птицы с визгом летали, подобно ракетам, над знакомыми полями, лесами и сёлами.

Утопающий в зелени небольшой городок на возвышенности иные из птиц выбирали совсем не случайно. Даже в самые знойные дни здесь всегда можно было укрыться от жары в тени раскидистых крон вековых деревьев или, уходя от опасности, схорониться в чащобе густого кустарника. У подножья Ставропольской возвышенности, где петляли быстрые реки и в солнечных лучах зеркальными пятнами блестели пруды и озёра, имелась возможность вкусно

поесть, утолить жажду и искупаться. С наступлением темноты на город всегда опускалась прохлада, позволяющая выспаться и набраться сил после активного дня. Привязанность стрижей к старому дому всегда велика, поэтому они усердно отыскивали прошлогодние гнёзда и проверяли их на занятость скворцами и вездесущими воробьями. Цепляясь острыми коготками за неровности, птицы тщательно обследовали дупла деревьев, а также норки в крутых обрывах земли. Шустро карабкаясь по отвесным фасадам, заглядывали в проемы и под крыши домов. По необходимости ремонтировали старые или здесь же лепили новые гнёзда. Лапки у стрижей маленькие, оттого они не могут бегать и подниматься в воздух с ровной поверхности земли, как делают другие птицы. По этой причине свои жилища они строят над открытым пространством, что позволяет им без труда взлетать в свободном падении.

Утром четвертого дня разгулявшийся совсем не по-детски шквалистый ветер постепенно стихал. Оконные рамы наконец-то перестали кряхтеть, крыши домов допели свою заунывную песню. Рассветало, но город на семи ветрах, как говорят на селе, ещё зоревал. Лишь изредка, приглушённо шелестя шинами, куда-то спешили и спешили автомобили. Выходить для гимнастики из тёплой квартиры на открытый балкон мне слегка не хотелось, поэтому я и решил выдержать паузу. У всего есть вдох и выдох, надо только набраться терпения и, сохраняя бдительность, дожидаться прилива позитивной энергии, с которым приходит желание творить. Отбивая секунды, монотонно тикали настенные часы. Сей подарок знакомых своим громким ходом довольно часто примагничивал мой внимательный слух. Я грешным делом подозреваю, что изначально часы приобретались вовсе не для нас. Хоть эти мысли не возвышают и не красят меня, своим предположением я всё-таки поделюсь.

...В магазинах, где, как правило, торговые помещения изобилует не только разнокалиберным товаром, но и разношёрстными звуками, объективно определить громкость часового механизма практически невозможно. В домашней же тишине, да в ночное время, бодрые ходики, вероятно, сразу пришлось не ко двору нашим знакомцам. И, по всей вероятности, с утраца на семейном совете было принято единогласное решение – обнову передарить. По сути дела, ничего предосудительного или оскорбляющего достоинство в данном поступке не наблюдается. Поскольку многие из нас в эпоху затянувшегося кризиса хотя бы раз в своей жизни наверняка прибегали к схожему действию. Ведь как известно – дарёному коню в зубы не смотрят. И вот теперь, монотонно и размеренно, часы тюкали в мои (и без того травмированные) слуховые перепонки...

«На каком основании предъявляется сие обвинение? – вполне справедливо спросит читатель. – Доказательства, где доказательства?». «Хоть и косвенные, но имеются. Короче, вот они. В один из праздничных дней, в какой, не помню, ведь, как известно, Русь на даты красные богата, пришли гости.

Несомненно, в момент принятия закона о празднично-выходных календарных днях депутаты Государственной думы кумекали в большей степени о себе любимых, нежели о многострадальном российском народе. Да ладно, ну их, о един-

стве власти с народом можно лишь помечтать, я же хочу рассказать о своих грешных домыслах...

Так вот, пришли гости, вручили подарок, разместились за накрытым столом. И всё ничего, в общем, застолье как застолье, но вполне себе приятная встреча мало-помалу переползла в нудные ночные посиделки. После полуночи, уже гораздо реже наливая и закусывая, наши гости с завидной усидчивостью и выдержкой продолжали, так сказать, перемывать косточки людям. Сижу я себе трезвый как стеклышко, слушаю вполуха застольно-бабские забавоны и осознаю, что физиономия у меня не очень-то компанейская. В надежде на удержание моськи от падения в десерт подпер голову рукой. Пару раз в таком положении даже умудрился вздремнуть. Все-таки темные очки – довольно практичная штука. Данное преимущество я вычислил еще во время учебы в медицинском училище. Такая вынужденная маскировка лица позволяла мне, оставаясь практически незамеченным преподавательским составом, мирно дрыхнуть на скучных лекциях.

Сидели мы, сидели, и уже на рассвете хозяевам ничего более не оставалось, как предложить задержавшейся (можно сказать, до неприличия) семейной паре два койко-места. Днём же, совершенно случайно и для себя неожиданно, я вдруг обнаружил в шкафу-купе (что в прихожей) наш вчерашний подарок, который ещё с вечера заботливо и аккуратно был повешен на гвоздик, вбитый в стену гостиной. Ну и, конечно же, я не удержался и, распираемый любопытством, задал вопрос заночевавшим гостям, мирно сидевшим в тот момент на сложенном угловом диване: «Почто такое неуважение к нашему новеньким часикам?». Вот тут-то и всплыл зыбкий, но весьма подозрительный факт. Оказалось, что часы своим громким тиканьем не позволяли им долго уснуть...

...Очень хорошо, что жена практически никогда не интересуется моими рассказами. Прочитав вышеизложенное, она точно бы не удержалась и нравоучительным тоном, да с расстановочкой, в сотый раз дала бы оценку моим действиям: «Просто ты, Климов, нетерпимый к людям. И, вдобавок ко всему, у тебя тяжёлый характер...». На что в 101-й раз я бы ей ответил: «Ну да, все люди считают, что у них-то самый золотой и покладистый характер». И сразу же, покуда не начался словесный пинг-понг, добавил бы: «И, к тому же, тебе прекрасно известна моя нетерпимость к людским сплетням, которые своим негативом лишь сотрясают воздух, но в жизни ничего не меняют...». Что последует далее, думаю, известно всем. Однако не стоит оценивать противостояние мужского и женского в терминах «хорошо» или «плохо». Закон борьбы и взаимодополнения двух противоположностей наблюдается повсюду: север-юг, вдох-выдох, жизнь-смерть. Мы являемся частью природы, поэтому между мужчиной и женщиной протекают аналогичные процессы. Когда объединяются два человека с разными темпераментами, интересами и желаниями, неизбежно возникают соперничество и разногласия, и это нормально. Безусловно, в конфликтных ситуациях лучший исход – понимание ближнего. Возможно, кто-то скажет: «А стоит ли?». Каждый вправе выбирать свой жизненный путь. Имеющий устойчивое желание уйти, пусть уходит. Понимание – это и есть работа над собой, труднее самой тяжёлой

нагрузки. В семейных разборках главное – не переходить на оскорбления личности и рукопашный бой.

...Стоп, стоп, разрушение шаблонного мышления путём внутреннего центрирования есть моя излюбленная тема для беседы. Но книга «Выход за пределы страдания, или Подсказки недострелянного йогина» уже написана. Поэтому вернёмся к недострелянному писателю (то есть ко мне) и продолжению рассказа.

...Так вот, ранним утром, под размеренное тик-так, лежу я себе в горизонтальном положении и терпеливо жду прихода позитивной энергии. А она всё не приходит и не приходит, и, желая скоротать время, я решил проанализировать калейдоскоп ночных сновидений. Ежели этого не сделать сразу, тогда в скором будущем дневные заботы их выдавят, и они растают, словно снежинки на тёплой ладони. Лет этак в 25 я попытался выяснить роль сновидений в жизни человека. Было прочитано достаточное количество литературы, из чего стало понятно, что никому ничего не понятно. Не могу сказать, что время было потеряно зря, но внимание привлекла сущая малость. Выяснилось, что информация, идущая из неведомого источника, делится на три вида. Первый – зрительные сны, когда дневные мысли и переживания догорают во сне. Второй – вещие или предупреждающие. И третий, самый редкий и наиболее ценный вид – пророческий сон. Трудность заключается в том, чтобы из ночных видений, не отвлекаясь на мусор, выбрать завуалированное – главное. И ещё, сновидения – это как разговор, он может вестись на вседоступном наречии, это и есть трактаты о снах. А бывает и на персональном, как говорится – с глаза на глаз. И всё-таки, как бы то ни было, не стоит превращаться в раба объяснялок из старушкиных сонников. Единственное, что для меня так и осталось неразрешимой загадкой, если сон – это предупреждение, значит, сценарий уже кем-то написан. Да и есть ли возможность и смысл избежать последствий негативных пророчеств? И вновь, в который раз, вспомнил красивую историю: «В шелестящей листве небольшого сада весело переговаривались птицы. Солнечные лучи, пронзая раскидистые кроны деревьев, играли в алмазных каплях утренней росы. Под деревом на траве сидел, скрестив ноги, седовласый человек. «О чём задумались, учитель?», – спросил тихо подошедший ученик. Не отрывая глаз от порхающей с цветка на цветок белой бабочки, старик ответил: «Сегодня ночью мне приснилось, что я бабочка. Смотрел на людей, деревья и цветы глазами бабочки. Сейчас смотрю на неё как человек. Так кто же Я есть на самом деле? Где сон, а где явь, и кто из этих двух Я есть настоящий?».

«Да уж, – подумалось мне. – Отчего-то по жизни загадок возникает гораздо больше, чем их отгадок. Хотя, если слегка пофантазировать и представить, что сейчас вдруг раздастся стук в дверь и незнакомый голос скажет: «Климов, привет, это Бог. У тебя есть вопросы ко мне?». «Нет...», – скажу я ему с грустной улыбкой.

...Раньше, по молодости, в особенности после безвозвратно утерянного зрения на Афганской войне, вопросы сыпались как из рога изобилия. И никто не мог дать мне ответы на них. Время шло, дни скапливались в года, и непонятки сами

собой рассеялись, словно туман на заре. На сей же день вопросов, впрочем, как и ответов на них, у меня не осталось. И это удивительное чувство – отнюдь не тупик. С годами пришло понимание, что ни выдуманных нашим разумом замков, ни вождеденных разгадок-ключей не существует. Жизнь – сложна и проста одновременно. И ещё о чём не стоит думать людям – чем ты мудрее, тем грустнее. Однако в понимании есть мощный плюс, поскольку отпадает необходимость тратить время и силы на амбиции и никому-никому не нужные доказательства...

....Между тем, окончательно растворившиеся ночные сны (какие – это неважно, я с самого начала не собирался их обнародовать) уступили место бесцветному настоящему. Приглушённые звуки, доносившиеся из-за окон, говорили о том, что, несмотря на середину весны, зима не сдаётся и капризничает выпавшим снегом. И тут, проснувшись, оживилась вечная спутница человека – лень. И этаким плутовским голоском тихонько защебетала: «Спи, давай, не будем сегодня делать зарядку.

Зачем тебе это надо? На улице влажно и холодно. Метеорологи хоть и ошибаются один раз в день, однако сегодня погоду они угадали, и снег всё же выпал. На балконе зябко, ну давай, завтра сделаем всё по полной программе? А лучше – с понедельника, все нормальные люди начинают свои дела с понедельника». Не обращая внимания на заманчивые и вполне аргументированные доводы хитрой лени, я упрямо ждал прихода позитивной энергии. Как только внутренний огонёк вспыхнул, сразу же решительно встал, направился к стоявшему в углу мягкому креслу и правой стопой шустро нащупал лежащий на полу плечевой эспандер (в виде скакалки без ручек). Ловким движением (прямо таки по-обезьяньи), ухватил его пальцами ноги, приподнял и передал левой руке. Такие финты использовались мной довольно часто. Цель проста как солдатский сапог – экономия личной энергии за счёт сокращения лишних телодвижений. Отдёрнул тюлевую штору и вышел на балкон. Мысленно сразу отметил, что лень всё-таки оказалась права – зима действительно вернулась. Форма одежды – хебешные семейники (нынче называемые боксёрками) фасончика, типа, «сто лет неудачливому российскому футболу», – раздулась на ветру под стать корабельным парусам. Обнажённое тело мгновенно ощутило агрессивность местного климата. От босых стоп, стоявших на пушисто-снежном ковре, бежали незримо-колючие молнии холода. Взбодрённому телу для сугрева требовалось двигаться. Воистину: «Не спи – замёрзнешь!». Установив ноги на ширине плеч, начал, как всегда, с приседаний. По левую руку, у двери на кухонный застеклённый балкон, послышался и сразу затих подозрительный шелест, словно бы ветер потревожил целофановый пакет. Не забывая о правильном ритмичном дыхании, я приседал, прислушивался и размышлял о происхождении шуршания. На девятом этаже посторонним предметам взяться было неоткуда. Кроме полиуретанового половичка (ныне засыпанного снегом), прижатого парой двухкилограммовых гантелей, здесь ничего не хранилось.

Порывы восточного ветра уже дважды бесследно уносили мои домашние тапочки. Однако на уговоры застеклить балкон я не реагировал, твёрдо держась своего мнения. Ибо для меня, большую часть времени проводящего в закрытых

помещениях, это была одна из немногих возможностей закаляться и дышать свежим воздухом. И эту возможность я использовал в любую погоду и с завидной регулярностью. Как-то зимой вышел и стал действовать. Некое время спустя чувствую, как необычно покалывает и словно бы высушивает холодом тело. Продолжаю ритмично двигать конечностями, но мышцы стали не эластично-податливыми по своему обыкновению, а даже наоборот, тугими и грубыми. Суставы же вращались подобно шарнирам без смазки. Внимательно наблюдая за новыми ощущениями, продолжаю делать гимнастику. Кончики ушей и нос, пальцы рук и ног стремительно коченеют. Настырно довел утренний комплекс до победного конца и шмыгнул в квартиру. «А сколько сегодня градусов на улице?», – спрашиваю у домочадцев и слышу в ответ: «Ого, минус 27!». Ядрена воша, точно что «ого!», знал бы, навряд ли бы поперся заниматься.

На застекление балкона согласие не давал, однако единственное, что я смастерил собственноручно и установил без посторонних убеждений, так это наружный дверной крючок. Семейный конфуз десятилетней давности, который на ура принимается слушателями в праздных компашках и неизменно вызывает взрыв всеобщего гогота, заставил меня тогда в срочном порядке сделать задвижку.

Дело было так. Поздней осенью, когда город погружается в плотную низкую облачность... Да-да, я не оговорился. Ставрополь находится на возвышенности, при подъезде со стороны Кавминвод иногда даже невооружённым глазом можно увидеть, как облака словно шапкой накрывают наш город. И даже сильным ветрам этот туманный плен не подвластен.

Подобным утром жена собирала в школу дочь-третьеклассницу. Направляясь на балкон для гимнастики, я попутно попросил их закрыть за мной дверь. За спиной послушно щёлкнула задвижка. Спустя минут 20, желая вернуться в тёплую квартиру, я постучался, однако за дверью сохранялось молчание. Пришлось долбануть уже совсем не по-детски – ногой. Но дверь в ответ на мою нетерпячку оставалась равнодушно-бездейственной. И тут меня осенила безрадостная догадка: «Да обо мне просто забыли!».

Интересное получается кино, я вроде бы и дома, но как бы и нет. Стекло не разбить – жалко, а до земли, с девятого этажа – будет высокогато. Да вдобавок ко всему – холодно же, ё-моё! Не сдержавшись, так сказать, выдал для начала вереницу неприличных слов. Морально слегка полегчало, но теплее – ничуть. Подчиняясь инстинкту самосохранения, попытался укутаться в то малое, что было на мне. Короче, просто натянул трусы максимально выше, но поскольку снизу появилось ощущение дискомфорта, я стянул их пониже, но теперь обнажился вверх. Убедившись в тщетности своих действий, потому как количество ткани сохранялось неизменным, а теплее не становилось, я бросил эту пустую затею. Ноябрьский влажный ветер делал своё дело, а я, сопротивляясь ознобу, своё. Выйдя на третий круг физзарядки, слегка успокоился. «Все люди, перед тем как окончательно замёрзнуть и стать небожителями, тоже сначала затихают, а затем остывают», – подумалось мне. Желая переключить ум на более позитивное,

решил: «Если выживу, завтра же установлю наружный крючок». Время шло, но заточение не прерывалось. Лишь часа через два ручка щёлкнула, дверь плавно открылась и удивлённый голос жены прозвучал, как всегда, риторически: «А ты что, ещё зарядку делаешь?». Тут-то меня и прорвало. Как оказалось, я совершенно не был готов к такому развитию событий. Спустя минут 20, согрившись в тёплой ванной и укутавшись в свой любимый синий махровый халат, сидел за кухонным столом и обжигающим чаем с бальзамом (из лекарственных трав Ставрополя) согревал себя изнутри. Мы с женой пили чай и смеялись...

...Руки растягивали плечевой эспандер, а ушки, остававшиеся на макушке, вновь уловили подозрительный шелест. Прервав гимнастику, я потихоньку подобрался к кухонной двери. Вдруг, совершенно для меня неожиданно, раздался пронзительный писк и хлопанье крыльев. Жёстко полоснув по моему животу перьями, неизвестная птица метнулась вдоль балкона. Глухо ударившись о преграду, она снова затихла.

Осторожно ступая по пушистому снегу, я, крадучись, двинулся следом. Но едва приблизился, как птица с тем же пронзительным писком, слабо ударяя крыльями и уже не взлетая, рванулась обратно к двери. Уяснив себе, что самостоятельно гостью мне не отловить, а главным образом, не желая навредить ей, угодившей в ловушку, я вернулся в комнату. Разбудив жену и доченьку, взволнованно и быстро рассказал о случившемся. Прильнув к оконному стеклу, девчата печальными голосами констатировали, что птица очень похожа на стрижа и уже погибла.

Распластавшееся чёрное тельце на свежем снегу с раскинутыми в стороны тонкими крыльями – всё говорило о том, что она есть и, к нашему сожалению, её уже нет. Подчиняясь свистку закипевшего чайника, мы грустно поплелись на кухню. Стараясь отвлечься, пытались завести разговор на постороннюю тему, но беседа не клеилась. Все были подавлены произошедшим.

«Папа, а мы на каком самолёте летим в Европу?», – тихо спросила дочь. «Не знаю, Зайка...». Анастасия, сама того не подозревая, озвучила висевший в воздухе вопрос. И даже не вопрос, а, скорее, гнетущее волнение. Через неделю мы планировали вылететь из Краснодара за рубеж. Все понимали, что мёртвая птица на заснеженном балконе – это плохой знак.

Кто-то, возможно, скажет: «Глупенькие, подумаешь, невидаль. Жива она или нет, выбросите её с балкона, и все дела». Наверное, этот кто-то прав. По крайней мере, холодному сердцу легче живётся. У каждого из нас есть возможность свободного выбора.

Мы же придерживаемся других принципов. Имеем полное право не любить зоопарки, цирки и всё, что связано с угнетением, притеснением животных и издевательствами над ними, а тем более, ради наживы. Мечтаем в зоопарках оставить лишь одну клетку и за решёткой, на месте дальней стены, разместить большое зеркало. Над клеткой написать здоровенными яркими буквами: «Самый страш-

ный зверь!!!». Подошедший человек-посетитель увидит своё отражение и, возможно, о чём-то задумается...

...Закончив завтракать, девчата разошлись заниматься бесконечным косметическим музюканьем. Оставшись в одиночестве, сидя, упершись локтями в кухонный стол, я про себя решил: дождусь их ухода, тогда и уберу погибшую птицу.

Так и поступил. Взяв целлофановый мешочек, вышел на балкон. Просунув правую кисть в пакет, словно в перчатку, быстро нащупал безжизненное тельце. Аккуратно его захватил и переместил целлофан с руки на стрижа. Но не успел сделать и пару шагов, как ладонь ощутила еле уловимое тепло. «Неужели живой?!». Вернувшись в квартиру и не зная, что делать, бережно опустил птицу возле радиатора. Тут же вспомнил, что в кладовке хранится птичья клетка. Почти бегом ринулся за ней. Быстро принёс и переложил стрижа в клетку. Желая обрадовать Настю, взял телефон и послал сообщение.

Минуту спустя лежавший на журнальном столе айфон коротко звякнул, и вполне приятный, но всё же электронный женский голос озвучил ответное уведомление: «Ой! Как хорошо!!!». «Умница, доченька! – сразу отметил я. – Разве может сравниться славянское «ой!» с заморским «вау!»? Наше восклицание – словно капля росы на заре». Сам же уселся прямо на пол возле клетки и, превратившись всем телом в слух, застыл в ожидании. Ощущение догорающей теплоты умирающего тела в правой ладони, волнение и суэта словно взорвали забытое прошлое, когда каждая нервная клеточка звенит от единственного желания – только бы выжил...

...Тёплая тихая афганская ночь. Просачиваясь сквозь грубую ткань и оставляя след на чужой высохшей земле, капала русская кровь. Крепко ухватившись за края колючего одеяла, наскоро приспособленного под носилки, четверо солдат несли в медсанбат умирающего. Область юного сердца Остапенко – нагрудный карман гимнастёрки и тело – навывлет прошили автоматные пули. Выпустив в свою грудь короткую очередь, самострел всё ж успел прокричать: «Мамочка, помоги!». Висевшая над горами Памира яркая луна холодно-голубоватым, словно медицинским, свечением озаряла дорогу торопливо идущим.

Стараясь не смотреть на раскачивающееся в такт ходьбы бледное лицо, сослуживцы думали об одном и том же: «Не успеем, нет, не успеем...». Они, конечно, не могли увидеть, как над землёй мусульманской уже медленно поднималась душа солдата... Но вновь взошедшее афганское солнце не растопит вовек в их сердцах этот ком ледяной...

...Я, по-прежнему не меняя положения тела, сидел возле клетки, скрестив ноги на турецкий манер, упершись локтями в колени. Внимательный слух тщетно пытался вычислить малейший шорох движений. В подъезде натужно гудел лифт. Нудными и какими-то размеренно-огненными вспышками тикали настенные часы. А в голове, под стать кошмарному сновидению, отчего-то продолжали всплывать цветные картинки из давнего прошлого.

...Прямой наводкой палило афганское солнце по укрытым маскировочной сетью оружейным складам, по камуфлированным бронемашинам, деревянным модулям, по людям и прорезиненным палаткам. Азиатская печь беспощадно плавила всё, что угодило к ней в топку. На первый взгляд, в советском гарнизо-не жизнь замерла. Но так мог подумать лишь новичок.

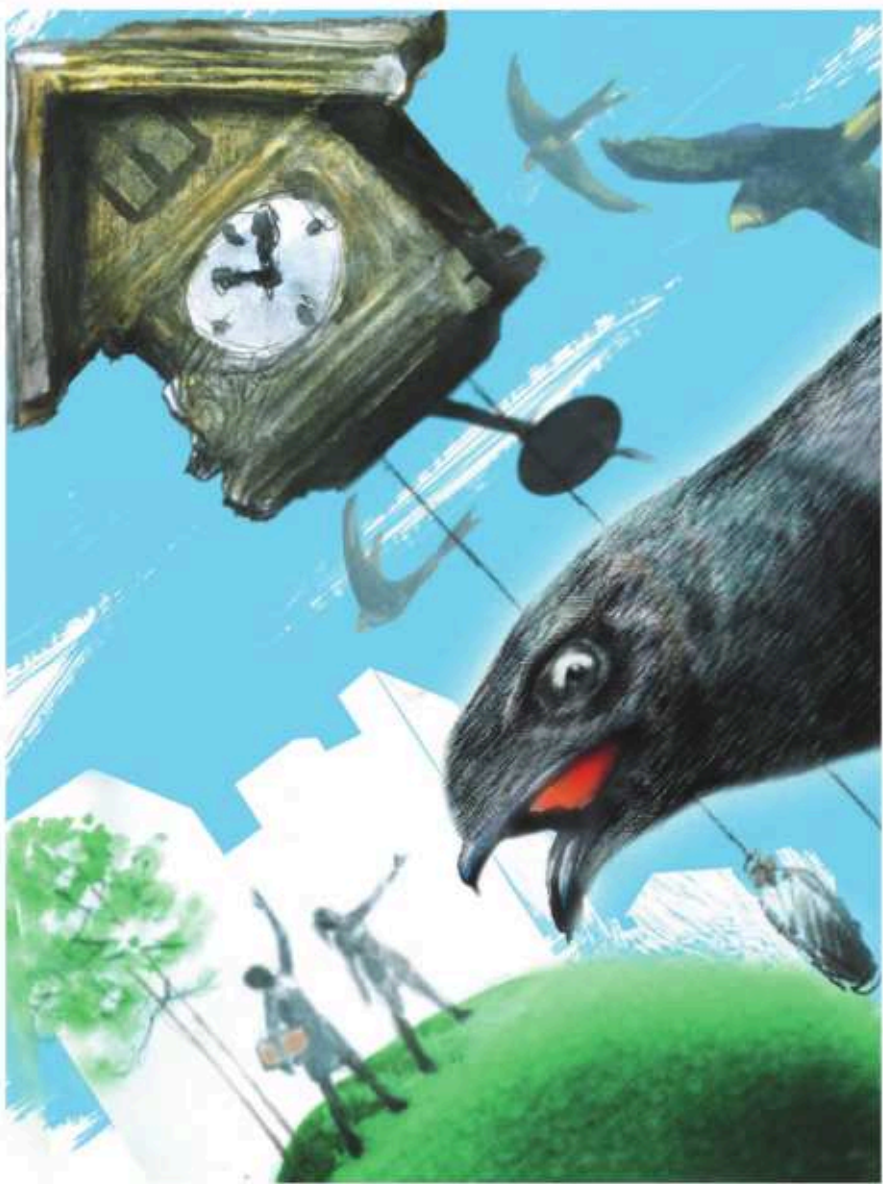
Плывущий в волнах жара мотострелковый полк жил согласно уставу военного времени. Из настёжь распахнутой двери одноэтажного штаба нервной поступью вышел дежурный офицер. Сделав несколько шагов, приостановился, к чему-то присматриваясь. В прищуренных от яркого света глазах сверкнул злой огонёк. Точно кровожадный охотник, выследивший долгожданную жертву, расстегнул висевшую на правом боку кобуру, медленно вынул пистолет и, не отрывая внимательного взгляда от предмета охоты, снял предохранитель. Приподнял согнутую в локте руку, прицелился и плавно нажал смертоносный крючок. Коротко щёлкнул сухой выстрел. Медная гильза, блеснув жёлтой молнией и взбудоражив пыль, шлёпнулась справа. Тут же раздался и сразу затих собачий пронзительный визг. На внезапно возникший шум из коричнево-припылённой палатки вышли двое солдат.

«Быстро убрать ко всем чертям!», – раздражённым голосом скомандовал штабник. В небольшой тени, падавшей от солдатского жилища, на левом боку лежал мёртвый пёс.

«Чарз, Чарз!», – окликнул собаку парнишка в выгоревшей форме. Из той же палатки, пригибаясь из-за высокого роста, вышел русоволосый сержант. «Кто стрелял?». «Да вон, шакал, Чарза убил...», – едва слышно ответил боец. Дембель подошёл к лежащей дворняжке. Опытным взглядом осмотрел недвижимую жертву. И с горечью выдохнул: «За что он его, сука?». «Да так, захотелось развлечься. Не любили они друг друга».

...Чарз – так звали взявшуюся неведомо откуда полковую дворняжку. Кличка на местном наречии дари означает «анаша». Кто и почему так прозвал собачонку, уже не помнилось. Возможно, из-за схожести серо-коричневого цвета лёгкого конопляного наркотика и шерсти животного.

Гарнизон охранялся добротнo, поэтому надобность в четвероногих друзьях отпадала за исключением овчарок минно-розыскной службы. И всё же, измазанный пылью коренастый Чарз слыл любимчиком полка. Когда он бежал, покачивая, как антенной, изогнутым хвостом, военнослужащие всегда весело его приветствовали и, по возможности, старались подкормить дворняжку. При почёсывании за лохматым ухом пёс потешно подёргивал правой задней ногой, чем вызывал взрывы смеха у шурави, то есть, у «советских». Свободная жизнь бесшабашного Чарза у солдат вызывала лёгкую зависть. Веяло от дворняги какой-то необъяснимой радостью, а главное, долгожданной гражданкой. Иногда слышался лай Чарза, от которого на сердце становилось почему-то одновременно тепло и тоскливо, и вряд ли он ругался на чужаков, просто брехал, и всё. Сидевший на корточках у остывающего тела русоволосый сержант посмотрел,

точно выстрелил, в удаляющуюся спину дежурного. Bravo марширующий уже застегнул кобуру и поправлял грубую португую. Глаза дембеля блеснули ответной жестокостью. Он быстро перевёл взгляд на красный пожарный щит и снова – на бритый затылок щёголя. Хрустнув коленными суставами, резко встал и, сделав три быстрых шага, со злостью сдёрнул штыковую лопату. «Не промахнусь, – подумал он, – точно, не промахнусь». Но вдруг как-то обмяк, словно выдохся: «А что дальше? Ведь ничего уже не изменишь. И домой хочется, очень хочется...». Тем временем ребята аккуратно перенесли Чарза на старую плащ-палатку. Взявшись за края брезента, вопросительно посмотрели на старшего. Кивком тот указал направление. Сам же наскоро присыпал песком багрово-красное пятно и, опираясь на лопату словно на посох, шлёпая казёнными тапками, отправился вслед за брезентовыми носилками. Не впервые выдавшие смерть за свою недолгую жизнь солдаты шли, понуриив головы, пытаясь осознать бессмысленный выстрел. Все понимали, что ничего уже не поправить, знали, и всё же не верили.... От палящего прямой наводкой афганского солнца можно укрыться в тени. Но от афганского синдрома навряд ли кому удастся уйти...

...Спасительным щелчком повернулся ключ входной двери, и, прервав моё грустное забытье, вошла жена. Я быстро рассказал ей о случившемся и попросил: «Посмотри, какой цвет глаз у стрижа». Лена, как и я, присела на пол возле клетки и, приглядевшись, ответила: «Мутные и едва приоткрытые». «Мутные глаза – это плохой знак. Как он сидит?». «Вцепившись лапками в деревянную планку, где всегда сидел наш попугай. Крылья разбросал в стороны, можно сказать, повис на них. Головой упёрся в металлические прутья». «Надо попытаться напоить его. Если будет глотать, значит, есть надежда». Порывшись в аптечном ящике кухонного гарнитура, Лена принесла одноразовый шприц, наполненный водой. «Капни ему прямо на клюв», – предложил я. Почувствовав влагу, стриж, не меняя положения, едва заметно взглотнул. Решив, что для птицы сейчас самое лучшее – это покой, мы накрыли клетку голубой простыней и стали решать, как быть дальше. Лучший советчик нынешнего времени – «Дядюшка Нет». Из всемирной сети мы вскоре узнали, что стрижи питаются и утоляют жажду только в процессе полёта. В ненастные дни, когда падает атмосферное давление и мошкара опускается к земле, птицы кормятся, летая низко-низко. Стриж считается одной из самых быстрых птиц, поэтому иногда на выражах летуны врезаются в стены домов или в прозрачные оконные стёкла.

Желая выяснить, что нам делать, я позвонил знакомому заводчику голубей. Ответ получил неутешительный. Выкормить и поднять на крыло стрижей практически невозможно. Оставалось согреть подмёрзшую птицу и не позднее завтрашнего утра выпустить её на волю. Для себя же я решил: чтобы не травмировать мягкосердечных девчат, выйду ранним утром на балкон и попытаюсь сделать это самостоятельно. Затем, согласно информации, выуженной из интернета, птицу поместили в тёмный картонный ящик. В клетке, если очнётся, свободолюбивый стриж может биться о металлические жёсткие прутья, а повредив оперение, не сможет взлететь. Сами же, пребывая в наилучшем настроении, занялись текущими делами. Спустя час я уже был на работе, в поликлинике у массажного стола.

После обеда вернулась из университета Анастасия. К тому времени стриж отогрелся и иногда шебуршился в коробке. Девчата, сгоравшие от любопытства и желания хотя бы одним глазком заглянуть в темницу, решили подкормить гостя. Наполнили шприц водой, разведённой с мёдом. Анастасия, надев резиновую медицинскую перчатку, осторожно вынула страдальца из заточения. Наверняка контуженный после удара о фасад дома, стриж вёл себя по-бойцовски и сдаваться без драки вовсе не собирался. Опасливо зыркал блестящими глазками, острым клювом и цепкими коготками норовил дать сдачи руке в резиновой перчатке. Бойко крутил маленькой головой и категорически противился открытию клюва для угощения. Видя стрижа вполне здоровым, посоветовавшись, жена и дочь решили выпустить его на свободу. Вернув контуженного в коробку, отправились на улицу. Весело сияло солнышко, бесследно растаявший снег влажной лежал на ярко-зелёной сочной траве. Задорно щебетали разнокалиберные птицы. Небольшими компашками, деловито мотаясь туда-сюда, кормились соплеменники нашего стрижа. Отойдя подальше от дома и людей, девчата остановили свой выбор на небольшой лужайке. Лена, замерев от волнения, аккуратно прижимала к телу картонную коробку. Настя, так же волнуясь, осторожно приоткрыв крышку, медленно всунула туда руку и, нащупав птицу, вынула её на белый свет. Помня о том, что стриж из-за маленьких лапок не взлетает с земли, дочь вытянула руку и лёгким движением подбросила его вверх. Как только пальцы разжались, чёрная птица встрепенулась, взмахнула тонкими серповидными крыльями и, оттолкнувшись, рванула вперёд. Сначала неуклюже, едва удержавшись в полёте, но почувствовав свободу и родную стихию, она с каждым взмахом становилась уверенно-крепче. Кружась по спирали над землёй, поднималась всё выше и выше. Забыв обо всём, девчонки громко кричали: «Ура! Ура, полетел!». Вскоре в голубом безоблачном небе виднелась лишь чёрная точка...

...В древней Индии считалось: «Спасти жизнь тонущего в воде муравья – дело большей важности, нежели выстроить город». От времени ржавеет металл и рушатся камни, но доброе сердце пульсирует вечно...

Содержание

Сон веселого солдата	
Автобиографическая повесть.....	3
Незримые потоки боли	
Воспоминания о поэте Викторе Казакове.....	160
Литературная премия	
Рассказ.....	207
Стриж	
Рассказ.....	218

Литературно-художественное издание

Вячеслав Климов

Незримые потоки боли

Автобиографическая повесть, рассказы

Редактор / корректор – Галина Туз

Компьютерная верстка / техническое редактирование – Георгий Туз

Художник – Василий Вознюк, участник войны в Афганистане

Издательская лицензия

Издательство

Формат А5. Бумага офсетная.

Объем – 14,5 п.л. Тираж – 1000 экз.

Заказ № 000 от 00.00.2020 г.

Отпечатано в типографии

